ПЕНЗЕНСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

научно-популярный журнал

№ 4 (56) / 2025

издаётся с 2014 года

В НОМЕРЕ:

- Краеведческому музею — 120 лет
- Пензенские спортсмены на всемирных универсиадах
- К тамалинскому орлу

1

2

3

4

5

1

2

4

3

5

6

7

Пензенское краеведение

научно-популярный журнал

№4 (56)
2025

Выходит 4 раза в год

Издается при финансовой поддержке
Министерства образования Пензенской области

Учредители:
Институт регионального развития
Пензенской области
Пензенская областная библиотека
им. М.Ю. Лермонтова
© Региональная общественная организация
краеведов Пензенской области

Адрес редакции:
440064, г. Пенза, пр. Строителей, 168а;
e-mail: kraeved-pnz@mail.ru

На первой странице обложки:

Сборный скелет мамонта — один из экспонатов ПГКМ. Фото из открытых интернет-истосников.

На второй странице обложки:

1. Спальный корпус воспитанниц Пензенкого епархиального женского училища. Ныне — историческое здание ПГКМ. Фото из открытых интернет-источников. 2. Н.И. Спрыгина (1880—1953). 3. Балтийские моряки у здания Пензенского краеведческого музея. Июль 1958 г. Из фондов ГАПО. 4. М.Р. Полесских рассказывает посетителям музея о кремневом оружии XVIII в. Май 1950 г. Из фондов ГАПО. 5. Фотография по случаю 100-летия ПГКМ. 2005 г. Из личного архива В.И. Первушкина.

На третьей странице обложки:

1. Русский женский головной убор. Пензенская губ., Городищенский уезд, с. Канаевка. XVIII в. Из фондов ПГКМ. 2. Комплект из уранового стекла. Завод «Красный гигант». 1927 г. Из фондов ПГКМ. 3. Половецкая каменная баба у входа в музей. Фото из открытых интернет-источников. 4. На интерактивном занятии в музее. 5. Кружка сувенирная «Петух». Материал — хрусталь. Завод «Красный гигант» Из фондов ПГКМ. 6. На интерактивном занятии в музее. 7. Чучела бурого медведя и медвежонка работы таксидермиста А.Ф. Дюбура (нач. XX в.). Фото А. Половникова.

На четвёртой странице обложки:

Историческое здание ПГКМ. Фото из открытых интернет-источников.

Редакционный совет:

Первушкин Владимир Иванович,
главный редактор
Белорыбкин Геннадий Николаевич,
редактор школьного отдела
Ермаков Николай Сергеевич,
ответственный секретарь
Власов Вячеслав Алексеевич,
редактор отдела
«Личность в пензенском краеведении»
Гущин Александр Анатольевич,
редактор отделов «Родная старина»,
«Точка на карте»
Кайманова Татьяна Александровна,
редактор отдела
«Здравствуйте, я ваш экскурсовод»
Лебедева Лариса Витальевна,
редактор отдела
«Тайны, находки, открытия»
Мурашов Дмитрий Юрьевич,
редактор отдела
«Культурное наследие»
Харчева Инна Юрьевна,
технический редактор
Ягов Олег Васильевич,
заместитель председателя
Правительства Пензенской области

Содержание

Наши юбилеи
СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА 3
А.П. Королёв
КОЛЛЕКЦИИ КЕРАМИКИ, СТЕКЛА И ФАРФОРА
В СОБРАНИИ ПЕНЗЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ 4
А.М. Ильичёва
ОТРЕСТАВРИРОВАННЫЕ ШЕДЕВРЫ 10
К.М. Винничек, А.С.Соболь
ХРАНИТЕЛИ ВРЕМЕНИ 14
О.В. Дубравина
ПЕНЗЕНСКИЙ ОРНАМЕНТ НА ЗОЛОТНЫХ ОЧЕЛЬЯХ
ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ 19
Е.А. Бурякова
«ПИСАЛ ОН О ТОМ, ЧТО ВИДЕЛ СВОИМИ ГЛАЗАМИ»
(К 125-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ПЕТРОВИЧА СТАВСКОГО) 24

Личность в пензенском краеведении
В.М. Захаров
САРАТОВ В ТРУДАХ КРАЕВЕДОВ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ 31

Тайны, находки, открытия
А.В. Вержбовский
«АДСКИЙ ШЕФ»: ТЮРЕМНАЯ КУЛИНАРИЯ
ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ 38
В.К. Голяс, Е.Е. Жаринова
ПЕНЗЕНСКИЕ СПОРТСМЕНЫ
НА ВСЕМИРНЫХ УНИВЕРСИАДАХ (продолжение) 40
Д.Ю. Мурашов
«МОЯ ДУША ВСЕГДА С ВАМИ…»
А.Г. Булдакова и её письма 47
Л.М. Руднева
У ВСЯКОГО НАРОДА СВОЯ ЖИЗНЬ, СВОЙ ДУХ, СВОЙ ХАРАКТЕР» 51
В.Г. Волков
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ САМБО
В Г. ЗАРЕЧНОМ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ 54

Точка на карте
А.Н. Минх
ГОРОД СЕРДОБСК
(историко-географический очерк) 64
С.А. Кишинская
ИСТОРИЯ СЕЛА ПОСЁЛКИ 71

Здравствуйте, я ваш экскурсовод
Н.В. Прокофьева
К ТАМАЛИНСКОМУ ОРЛУ 75

Советуем прочитать
Н.С. Ермаков
О М.Ю. ЛЕРМОНТОВЕ И ДЕКАБРИСТАХ 78

Сведения об авторах 80

Наши юбилеи

Пензенский государственный краеведческий музей является одним из старейших учреждений культуры Пензенской области. 22 сентября 2025 г. ему исполнилось 120 лет. Заслуга создания музея принадлежит членам Пензенского общества любителей естествознания (ПОЛЕ). Активную роль в открытии музея сыграли И.И. Спрыгин, А.Н. Магницкий, Ф.Ф. Федорович, а позднее супруги Штукенберг, Н.И. Спрыгина, Н.Г. Заикин и другие.

Первоначально музей располагался на антресолях здания библиотеки им. М.Ю. Лермонтова (угол ул. Лермонтова и Куйбышева), занимая там семиметровую комнату. В 1905 г. музей насчитывал 105 экспонатов. Сейчас основной фонд музея составляет более 140 000 экспонатов.

Для широкого посещения музей был открыт в январе 1913 г. За год его посетило 800 человек, в основном, учащиеся учебных заведений Пензы. С 1913 г. началась издательская деятельность музея.

В 1919 г. музей получил статус государственного. В том же году собрание пополнилось коллекциями Пензенской учёной архивной комиссии, материалами по региональной экономике и этнографии. Изюминкой его постоянной экспозиции стал скелет мамонта.

В 1924 г. музей был переименован в краеведческий и переехал в двухэтажное здание бывшего общежития женского Епархиального училища, где располагается и поныне. 16 октября 2023 г. музею передали отреставрированное здание на ул. Белинского, 8 (ранее – Линия присутственных мест). Здание возвели в 1787 г. по утверждённому императрицей Екатериной II проекту нижегородского губернского архитектора Якова Ананьева. В этих стенах в разные годы работали вице-губернатор Иван Михайлович Долгоруков – поэт и драматург, один из организаторов пензенского театра (1791–1796 гг.); автор воспоминаний о Пензенском крае Иван Иванович Мешков (1805–1832 гг.); вице-губернатор Александр Михайлович Жемчужников – драматург и поэт, писавший совместно с братьями А.М. и В.М. Жемчужниковыми и поэтом А.К. Толстым произведения под литературной маской (псевдонимом) Козьмы Пруткова (1866–1870 гг.). Но самую большую известность зданию принес писатель-сатирик Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, который служил в Пензе и был председателем Казенной палаты (1865–1866 гг.).

С января 2005 г. обновлённое учреждение культуры стало именоваться Пензенский государственный краеведческий музей.

Экспозиция музея состоит из стационарных и временных выставок. Они посвящены прошлому и настоящему. Это выставки, рассказывающие об основании города Пензы, выдающихся гражданах нашего города, трудовых династиях Пензенского края, жизни нашего города в годы Великой Отечественной войны. Процесс исторического познания непрерывен – после знакомства с историческими фактами жизни Пензы гости музея отчасти становятся соавторами трёхсерийной выставки-лаборатории исследования идентичности города «А не пензяк ли я?». Современная история нашего края представлена выставкой «СВОих не бросаем!», посвященной боевому и трудовому вкладу пензенцев в дело приближения Победы в специальной военной операции.

Сегодня это большой музейный комплекс, в который в качестве отделов относятся музеи историка Василия Осиповича Ключевского и Ильи Николаевича Ульянова – государственного деятеля, главы всемирно известной семьи революционеров; а также выдающегося хирурга Николая Ниловича Бурденко. Входят в него и Музей народного творчества, и выставочный зал «Золотарёвское городище» в р.п. Золотарёвке Пензенского района.

Главный редактор,
д. и. н., профессор В.И. Первушкин

А.П. Королёв

КОЛЛЕКЦИИ КЕРАМИКИ, СТЕКЛА И ФАРФОРА В СОБРАНИИ ПЕНЗЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В фондах Пензенского краеведческого музея хранится до 2000 предметов из стекла, хрусталя, керамики, фарфора и фаянса. Формирование коллекции происходило начиная с 1920-х гг. Источником формирования коллекции были как случайные поступления и единичные дарения отдельных предметов и комплектов, так и централизованные сборы сотрудниками музея у ведущего предприятия Пензенского края, ныне ликвидированного, завода «Красный гигант» (бывшего Никольско-Пёстровского завода Бахметьевых), занимающегося производством предметов из стекла, хрусталя и керамики начиная со второй половины XVIII в., а также сборы у жителей Пензенского края в рамках экспедиций по населённым пунктам. Ещё один важный источник пополнения фондов – перевод коллекций из расформированных районных и сельских музеев Пензенской области.

Самыми ранними предметами указанного фонда являются массовые гончарные изделия крестьянского быта: кувшины, горшки, крынки, корчаги и другие глиняные сосуды, которые представлены керамической посудой от XVII в. – времени окончательного заселения Пензенского края осёдлыми народами, до первой половины XX в., когда вещи такого типа начинают выходить из употребления. Производились они, как правило, тут же, на территории современной Пензенской области, из местной глины. Основными центрами изготовления гончарной посуды на территории Пензенского края были сёла Языково, Соколка, Абашево.

Основу всей этой группы коллекции составляют предметы из стекла и хрусталя. Они представлены в виде собраний предметов дореволюционного стекла. Сюда входят, в том числе, комплекты посуды из дворянских и купеческих усадеб, например водочный прибор хрустального стекла, состоящий из графина и рюмок, из имения Араповых, или графин из семьи Финогеевых, а также предметы, изготовленные на Никольско-Пёстровском заводе Бахметьевых в XIX – начале XX вв., до его национализации).

Есть и собрания фондов посуды из стекла и хрусталя, изготовленной в XX – начале XXI вв. (наборы для крюшона, кувшины, жбаны, наборы рюмок с графинами на подносах, конфетницы, сахарницы, вазы для фруктов и варенья, розетки, салатницы, фужеры и стаканы, изготовленные преимущественно на никольском заводе «Красный гигант»). Также сюда относятся собрания цветочных, подарочных и юбилейных ваз, аптечной тары, бутылок (от XIX в. до современности), флаконов для духов, керосиновых ламп и абажуров осветительных приборов. Небольшим собранием представлены сувениры из стекла и хрусталя, кроме того, среди собрания письменных приборов и принадлежностей также встречаются отдельные предметы и наборы из стекла.

Никольско-Пёстровский завод, более известный как Бахметьевский, снискал заслуженную славу среди частных заводов Российской империи. Он был построен отставным секунд-майором Александром Алексеевичем Бахметьевым в 1764 г. Основной специализацией завода был выпуск художественного стекла. Уже в XVIII в. на заводе начали варить цветное стекло, которым к концу столетия стало знаменито это предприятие; тогда же на заводе появляются гравёры, шлифовщики и «золотари»

(мастера росписи золотом). Вероятно, в это время в оформлении бахметьевского стекла первенствовало золочение и серебрение. Бесцветное и цветное стекло с драгоценной росписью получило признание в Петербурге при царском дворе, и Бахметьевым стали адресовать придворные заказы[1].

В это же время Бахметьевский завод входит в число так называемых «хрустальных», т. е. выпускающих столовое стекло.

Благополучие завода в XVIII–XIX вв. обеспечивалось как бесплатным трудом крепостных крестьян, их талантами, так и предприимчивой деятельностью его владельцев – Бахметьевых, которые пытались склонить правительство к запрету ввоза «хрусталя из чужих земель», тем самым пытаясь исключить из своих конкурентов на царские заказы иностранных предпринимателей[2].

В 1842 г. был зафиксирован факт – на Императорском заводе изготовляли «гранную хрустальную посуду на манер бахметьевской». На выставках 1835 и 1861 гг. завод был удостоен права на употребление государственного герба.

Ближе к середине XIX в. основным способом оформления стекла на заводе становятся резьба и шлифовка. В период с первой половины XIX в. по 1865 г. здесь появляется технология изготовления прессованного стекла. Тогда же на заводе начинается производство предметов из «мраморного стекла»[3].

После отмены крепостного права, в 1860-х–1870-х гг., завод перешёл на производство дешёвой стеклянной посуды, которую крестьяне развозили по окрестным ярмаркам и даже в Сибирь и на Дон. В конце 1870-х гг. завод стал более рентабельным, т. к. перешёл на более дешёвое газовое отопление.

С 1884 г., когда новым владельцем стал князь А.Д. Оболенский, существенно меняется ассортимент продукции. Всё большее место в нём начинает занимать парфюмерная и аптекарская посуда, дешёвые прессованные изделия.

В 1896 г. в двадцати верстах от фабрики строится линия Московско-Казанской железной дороги, что удешевило транспортные расходы, связанные с доставкой сырья и сбытом готовой продукции, а также позволило увеличить число печей с одной до трёх.

Продукция завода участвует в 1900 г. во Всемирной выставке в Париже, где получает большую золотую медаль. В начале XX в. на заводе пытались возродить технику филиграни, на предприятии были организованы рисовальные классы[4].

Из дореволюционной продукции Никольско-Пёстровского завода в фондах Пензенского краеведческого музея можно отметить ликёрный набор начала XX в., состоящий из подноса синего стекла и ликёрных рюмок на высоких тонких ножках прозрачного стекла; тулова же рюмок выполнены из стекла синего, зелёного и голубовато-зеленого цветов. К этому же времени относится стеклянный графин конической формы синего цвета с гранёной пробкой. В 1960 г. фонды Пензенского государственного краеведческого музея пополнились графином грушевидной формы бесцветного стекла, 1880–1890-х гг. производства, из семьи купцов Финогеевых. Внутри графина на двухъярусной подставке помещена фигура петуха или курицы голубого стекла с белыми вкраплениями. Другим интересным предметом, изготовленным на заводе в XIX в., можно считать светильник в виде статуэтки «Христос с горящим сердцем» из розового матового стекла с углублением для свечи с обратной стороны. Этот период деятельности завода в фондах музея представлен также двумя хрустальными подсвечниками конца XIX – начала XX вв. с глубокой художественной резьбой и вазой в виде бокала начала XX в. из трёхслойного стекла (голубого, молочного и бесцветного), оформленной венецианской нитью синего и белого цвета, с округлым утолщением в нижней части тулова и десятью гранями по бокам.

После 1917 г. завод продолжает выпускать свою продукцию. В 1921 г. он попадает в ведение Пензенского губернского совета народного хозяйства (ГСНХ) и меняет своё название на Хрустальный завод № 1 в с. Н.-Пёстровка. Затем, в 1923 г. образовывается Государственный стекольный завод «Красный гигант»[5].

В фондах нашего музея имеются образцы продукции завода в период с 1923 по 1927 г., переданные сюда в 1927 г. из Пензенского ГСНХ. Среди них стоит выделить жбан-кувшин с крышкой и матовым рисунком «Рабочий с молотом» в центре тулова. Предмет обработан прозрачной гранью. Это изделие было изготовлено в 1923 г. для Всесоюзной выставки. Автор-гравёр оставил подпись под рисунком: «Гр. В. Рогов». Тогда же в фондах музея появилась новинка, типичная для 1920-х гг., в виде чернильницы-«будёновки» из прозрачного стекла 1925 г. Она отпрессовывалась из нескольких частей: прямоугольного поддона с двумя гнёздами для двух квадратных чернильниц, крышки которых отпрессованы в форме будёновок[6]. Кроме того, из губсовнархоза был передан в музей чайный стакан 1923 г. выпуска, в оформлении которого используется новая эмблематика в духе времени – пятиконечные звёзды алмазной грани украшают его тулово. В числе переданных музею из ГСНХ предметов значится комплект посуды 1927 г. выпуска, обладающий физическими свойствами, которые не часто можно встретить в современной повседневной жизни. Эта посуда, состоящая из бокала-стопки и тарелочки под этот бокал, изготовлена из прозрачного уранового стекла зелёного цвета и обработанная в технике грани валиком. Особенность такого стекла заключается в способности производить флуорисцентное свечение при соблюдении ряда условий, к которым относятся темнота и направленный на предмет ультрафиолетовый свет. Под воздействием этих условий такие предметы начинают светиться необычно ярким зелёным светом, который предаёт им своеобразный ореол. Достигается подобное необычное свечение благодаря содержанию в этих изделиях радиоактивных веществ – различных оксидов урана. При обычном дневном свете эти предметы практически ничем не отличаются с виду от других предметов из стекла и хрусталя.

Жбан-кувшин с крышкой. Грань прозрачная. Автор «Гр. В. Рогов». 1923 г.

В послевоенные годы внешний вид продукции «Красного гиганта» несколько изменился. В изделиях появляется массивность, толстостенность тяжеловесность, а предметы укрупняются. В этот период, начиная с 1950-х гг., в производство возвращается хрусталь[7]. Показательными предметами 1950-х–1960-х гг., изготовленными в г. Никольске, в фондах Пензенского краеведческого музея можно считать две огромных сборных вазы, одна из которых посвящена трёхсотлетнему юбилею города Пензы, другая же отмечает такое важное для Пензенской области событие – награждение нашего региона орденом Ленина в 1967 г. Первая ваза состоит из пяти гранёных хрустальных частей: нижняя часть

(её основание) розового цвета имеет выгравированную надпись большими буквами – «Пензе 300 лет», и небольшую подпись – «От трудящихся г. Никольска. 1963», четыре другие части бесцветные, общая высота вазы составляет 75 см. Вторая ваза – двухсоставная, выполнена из цветного и прозрачного хрусталя в форме конуса, тулово верхней части расширяется в верхней части, на ней имеется надпись прозрачной гранью: «1967 г. Пензенская область награждена орденом Ленина», нижняя часть оформлена по окружности гирляндой из металла в виде венков, и закреплёнными на тулове металлическими изображениями орденов: Ленина, Трудового Красного Знамени и Красного Знамени. Высота этой вазы – 63 см.

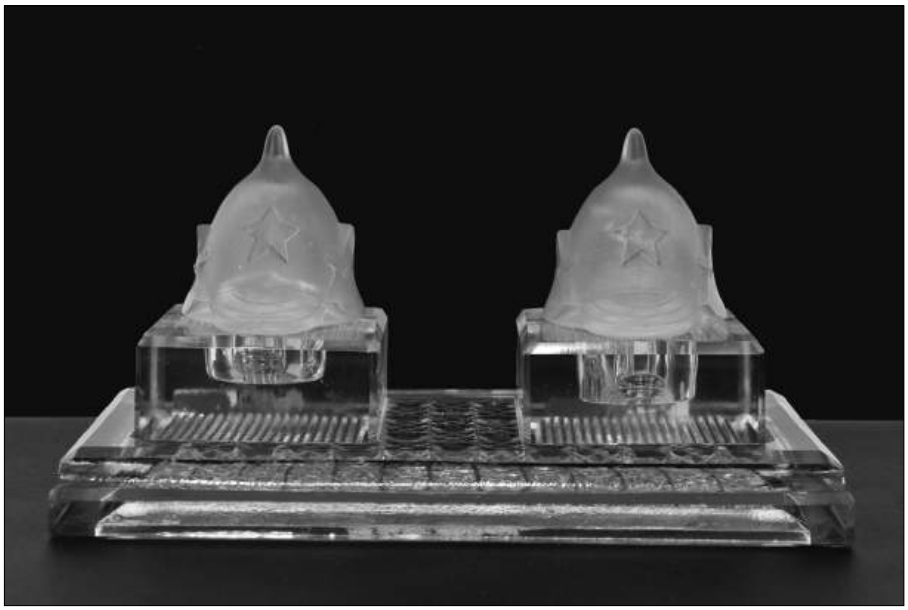
Но продукция завода продолжает в это время оставаться самой разнообразной по своему назначению. В фондах музея хранятся сувенирные пепельницы из цветного хрусталя 1960-х гг. Одна из них также посвящена 300-летнему юбилею Пензы и выполнена из хрусталя зелёного цвета, а вторую украшает новый для того времени герб Пензы, утверждённый в 1964 г., с ласточкой.

Художниками поколения второй половины XX в. использовались разные способы работы со стеклом и хрусталём. Одной из таких техник становится изготовление предметов из гутного хрусталя с налепами и без них, т. е. гладких[8]. На музейных полках хранится комплект «Комсомол», изготовленный в такой технике и состоящий из вазы и цветочника. Комплект выполнен из хрусталя светло-золотистого цвета и украшен налепами в виде барильефов комсомольцев-красноармейцев в «будёновках». Изготовлены эти предметы были на заводе «Красный гигант» в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина. Ещё одним из ярких предметов, хранящихся в наших фондах и выполненных в технике гутного хрусталя, выделяется сувенирная кружка «Петух». Она сделана из прозрачного и цветного хрусталя с налепами по тулову и разноцветной фигуркой петушка на ручке.

В фондах музея хранятся изделия из стекла и хрусталя других производителей, в том числе изготовленные и бытовавшие ещё в XIX в. Но отсутствие клейм и каких-либо других указателей не всегда позволяет нам установить место изготовления этих предметов и комплектов.

Другой, не менее важной, составляющей этой коллекции в фондах Пензенского краеведческого музея являются предметы из фарфора и фаянса. Состав собрания разнообразный: это чайные приборы, столовые сервизы, вазы, декоративные тарелки и блюда, скульптура мелкой пластики, чернильницы, копилки и другие предметы быта. Фондовое собрание составляют фарфоровые и фаянсовые предметы, произведённые со второй половины XVIII в. до наших дней, как в России, так и за рубежом. Наибольший интерес представляют предметы, которые имелись в обиходе дворянского сословия в XVIII–XIX вв. Примечательно сви-

Стакан чайный. 1923 г.



Прибор чернильный. 1925 г. Ушинка. Вторая пол. XIX в.
Фото А. Ю. Нугаева

детельство Филиппа Филипповича Вигеля, сына пензенского губернатора Ф.Л. Вигеля, повествующее об особенностях застолий у пензенских дворян в середине XVIII в.: «Чтобы судить о неприхотливости тогдашнего образа жизни пензенских дворян, надобно знать, что ни у одного из них не было фаянсовой посуды, у всех подавали глиняную, муравленую (зато человек хотя несколько достаточный не садился за стол без двадцати четырех блюд, похлебок, студеней, взваров, пирожных)»[9]. В более поздние годы пензенские помещики эту ситуацию пытались исправить закупкой столовых фаянсовых наборов и сервизов, в том числе из-за границы, например из Германии, а именно из передового европейского производственного центра такой продукции – Мейсенской фарфоровой мануфактуры, основанной в 1710 г. в городе Мейсен курфюршества Саксонии.

В фондах музея уже около 100 лет хранятся уникальные экспонаты: фарфоровые чашка и блюдце 2-ой половины XVIII в. из чайного набора, по легенде принадлежавшего семье известного писателя, представителя российского Просвещения, Александра Николаевича Радищева (1749–1802). Чашка снаружи расписана цветочным орнаментом, внутренний край чашки украшен красноватым ободком с растительной росписью.

Другим предметом из этого чайного набора является фарфоровое блюдце конца XVIII – начала XIX в. с аналогичным орнаментом, как и у чашки. На донцах обоих предметов имеется клеймо Мейсенской фарфоровой мануфактуры. Клеймо такого типа, которое нанесено на чашку, использовалось мануфактурой в период с 1763 по 1774 г. При этом клеймо, нанесенное на блюдце, применялось с 1774 по 1813 гг.

Имеются сведения, что впоследствии чайная пара принадлежала племяннице российского просветителя Александре Степановне Радищевой (1824–1922), дочери капитана морской службы Степана Николаевича Радищева (1769–1848), который жил в Верхнем Аблязове, а в 1815–1821 гг. избирался кузнецким уездным предводителем дворянства. В конце 70-х гг. XIX в. она переехала в Пензу и привезла с собой некоторые фамильные реликвии. Александра Степановна приходилась также племянницей известной пензенской благотворительнице Марии Михайловне Киселёвой, и после смерти последней в 1887 г. продолжила её дело, став попечительницей богадельни.

В Пензенский краеведческий музей эти предметы попали в 1925 г. благодаря пензенскому доктору Н.А. Щепетильникову (1856–1937), который в 1899 г. занял должность врача при богадельне Киселёвых, а с 1917 по 1920 г. был старшим врачом губернской больницы, с 1922 по 1928 г. возглавлял санитарную комиссию Пензенской губернии, затем до 1936 г. комиссию пензенского окружного отдела здравоохранения[10].

Ещё один интересный комплект, находящийся в фондах нашего музея и изготовленный на Мейсенской фарфоровой мануфактуре в XIX в., – чайник на подставке. Оба они украшены в едином стиле декоративной лепниной в виде цветов и птиц с позолотой. К чайнику крепится ручка. В музей эти предметы поступили из фондов Сердобского краеведческого музея в 1953 г. На основаниях и чайника и подставки имеется маркировка мейсенской мануфактуры, использовавшаяся в период с 1815 по 1924 г.

Николо-Бахметьевский хрустальный завод князя А.Д. Оболенского представлен в музее не только своей продукцией из стекла и хрусталя. Изготовленным на заводе предметом, переданным из Сердобского краеведческого музея в Пензу в 1953 г., является фаянсовая ваза начала XX в. с цветочным орнаментом на чёрном и сером фоне стилизованным лепным украшением в виде кольца, продетого в петлю.

Фарфоровая и фаянсовая посуда в фондах музея широко представлена и в виде массовой продукции «Товарищества производства фарфоровых, фаянсовых и майоликовых изделий М.С. Кузнецова», куда до революции входили знаменитые по сей день заводы: Дулёвский и Дмитровский фарфоровые, Конаковский фаянсовый.

Имеются в фондах Пензенского краеведческого музея и самые настоящие художественные произведения, выполненные на фарфоровой посуде. Этим выделяется коллекция работ Заслуженного художника РФ Нины Михайловны Павловой, работавшей на Ломоносовским (Императорском) фарфоровом заводе с 1951 по 2000 г.

Нельзя обойти стороной и керамические изделия из фондов музея, выполненные народными умельцами в традиционной манере исполнения, уходящей на несколько столетий. Это предметы скопинской керамики (посуда и подсвечники), а также знаменитая абашевская игрушка. Среди мастеров, изготавливающих абашевскую игрушку, в фондах музея особенно выделяются своим качеством и красотой работы мастеров Тимофея Николаевича Зоткина (1930–1988) и Евгения Валентиновича Соловьёва (1948–2017).

Таким образом, по своему содержанию представленные коллекции весьма интересны и разнообразны, благодаря чему значительная часть этих предметов находится в постоянных музейных экспозициях, а также на многочисленных временных выставках, а музейное собрание этих коллекций ежегодно пополняется новыми предметами, которые становятся частью культурной сокровищницы Пензенского государственного краеведческого музея.

Примечания

1. *Ашарина Н.А.* Русское стекло XVII – начала XX века. М., 1998. С. 26.

2. Там же. С. 113–114.

3. Там же. С. 115–116.

4. Там же. С. 150–151.

5. *Голова В.С., Застрожный К.В.* Никольский музей стекла и хрусталя. Пенза, 2018. С. 68.

6. Там же. С. 69.

7. Там же. С. 74.

8. Там же. С. 76.

9. *Вигель Ф.Ф.* Записки Филипа Филиповича Вигеля. М., 1891. Ч. 1. С. 23.

10. *Савина М.Л.* Семейная реликвия семьи Радищевых // Пензенское краеведение. 2015. № 3 (15). С. 27–28.

А.М. Ильичёва

ОТРЕСТАВРИРОВАННЫЕ ШЕДЕВРЫ

Чудо, явившее «Нечаянную радость»

Фонды Пензенского государственного краеведческого музея богаты бесценными сокровищами, воплотившими великую историю и культуру, неразрывно связанными с православием. Музей не только бережно хранит, но и всеми силами старается спасти и продлить жизнь святым реликвиям.

В 1959 г. в фонды музея поступили предметы кустарного промысла старообрядцев из с. Русский Камешкир Камешкирского района, Пензенской области, бытовавшие в сер. XIX – нач. XX вв. Среди них была икона Пресвятой Богородицы «Нечаянная радость». По акту приёмки-сдачи № 1178 от 10 мая 1959 г., принимал предметы заведующий отделом истории дореволюционного прошлого М.Р. Полесских. В коллекционной описи к акту приёмки-сдачи икона «Нечаянная радость» записана под пунктом «7», размер 41х37 см, сохранность «ветхая». Икона была внесена в научно-вспомогательный фонд под номером НВ-772/2. Время создания определено второй половиной XIX в. Иконография одна из самых почитаемых, но нет доподлинных сведений о времени и месте появления первой иконы «Нечаянная радость» Однако, опираясь на тексты святителя Димитрия Ростовского «Руно орошенное» (1683), появление данной иконографии следует относить к концу XVII – нач. XVIII вв. Димитрий Ростовский (1651–1709) (впоследствии канонизированный) – не только видный религиозный деятель, но и автор многочисленных проповедей и духовных книг. В своем творении он описал чудо, произошедшее с молодым мужчиной, который был терзаем сильными пороками и никак не мог победить их в себе. При этом он был человеком честным и набожным – странное сочетание, но часто встречающееся в нашей жизни. Осознавая свою страсть, он постоянно прибегал к иконе Божией Матери «Одигитрия» – плакал, просил прощения за свой образ жизни, за свою немощь, а также читал молитву архангела Гавриила: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою…» Однажды, когда мужчина в очередной раз собирался идти на совершение греховного дела, он стал по обычаю молиться перед иконой Богородицы. В своей молитве он каялся за то, что не может удержаться от совершения греха, даже понимая, что он будет делать. В тот момент, когда он уже собирался уходить, на него внезапно напало смятение и трепет – мужчина увидел, что изображение Божией Матери на иконе обратилось ликом в его сторону. В свою очередь, у Богомладенца Христа, изображенного по традиции на «Одигитрии» вместе с Пречистой Своей Матерью, открылись язвы на руках, ногах, а также в боку. Из открывшихся ран стала истекать кровь. Пораженный явленным

Святитель Димитрий Ростовский. Из открытых интернет-источников

ему видением, мужчина упал на колени и вопросил у образа: «О Госпожа, кто это сделал?» В ответ он услышал слова Божией Матери: «Ты и прочие грешники вновь распинаете грехами своими Моего Сына, как иудеи. Вы называете Меня милосердной. Зачем же вы оскорбляете Меня своими беззаконными делами?» В раскаянии мужчина стал умолять Богородицу о прощении: «Ты единая надежда всем грешным. Умоли же о мне Сына Твоего и Бога нашего!» По молитве мужчины Матерь Божия трижды обращалась к Своему Сыну – Господу Иисусу Христу с просьбой простить этого человека. Лишь только на третий раз Богомладенец исполнил просьбу Пречистой Своей Матери и отпустил ему грехи, повелев этому человеку в качестве прощения облобызать Его язвы. Раскаявшийся и прощенный Господом, мужчина поднялся с колен и, припав к иконе, поцеловал раны на теле Богомладенца Христа. После этого он испытал чувство духовной радости и облегчения. А в дальнейшем полностью изменил свою жизнь и очистился от терзавших его страстей. Именно эти искренние раскаяния, внутреннее очищение и обретённая духовная радость и стали поводом для написания образа Божией Матери «Нечаянная радость». Икона получила своё название по молитве архангела Гавриила, которую постоянно читал перед иконой грешник.

Иконография «Нечаянная радость» сложилась на основании описания этого чуда. Традиционно на иконе изображалось жилище, где грешник, стоял на коленях, в молитвенной позе перед внушительных размеров иконой Божией Матери «Одигитрия», что означает «Путеводительница», либо «Указывающая путь». Часто на иконах изображался интерьер комнаты или храма, и были прописаны мольбы грешника, обращенные к Богородицы. Под самой иконой Одигитрии находился текст – отрывок из книги «Руно орошенное»: «Человек некий беззаконник имеше правило повседневное ко пресвятой Богородице молитися повторяющи часте словеса архангела Гавриила».

«Нечаянная радость»
в собрании музея

Икона «Нечаянная радость» поступила в фонды Пензенского краеведческого музея в плачевном состоянии. Обширные утраты красочного слоя, глубокие сколы, трещины и царапины, деформация основы говорили о грубом обращении. Несмотря на многочисленные повреждения и потертости, икона сохранила свою красоту и самобытность, оригинальный красочный слой, а главное – лик Богоматери и младенца Иисуса Христа. Долгое время сотрудники Пензенского краеведческого музея стремились отреставрировать икону и вернуть ей былую красоту. В 2016 г. это стало возможным благодаря «Программе сохранения объектов культурного наследия». Икона «Нечаянная радость» получила новую жизнь, обрела былую красоту и величие. В реставрационной мастерской Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени академика И.Э. Грабаря в г. Москве были проведены сложные работы по восстановлению утраченного красочного слоя с сохранением самого главного – оригинальногопокрытия.Иконабылазаконсервирована, благодаря чему её дальнейшая жизнь продлится на века. После проведенной реставрации икона Божией Матери «Нечаянная радость» была переведена в основной фонд музей под номером ПГКМ КП-21819.

Скорбь, надежда и прощение
в иконе Пресвятой Богородицы
«Нечаянная радость»

Неудивительно, что каждый, кто смотрит на икону, даже атеист, испытывает особое чувство. Не раз наблюдая, как жесткий взгляд атеиста через секунду становится мягче, автор убеждалась в появлении неосознанного чувства уважения и трепета, временами даже страха. И это связано с глубоким символизмом всего, что изображено

Икона Божией Матери «Нечаянная радость». Вторая пол. XIX вв. (до реставрации)

на иконе. Нет ни одного штриха, ни одного красочного мазка, оттенка, положения фигур, которые не имели бы глубокого символического значения. Всё на иконе имеет смысл, всё в ней говорит и дышит, всё живёт и призывает к молитве, погружая в другой мир – мир горний, мир божественный. И этот божественный мир выражается на иконе «Нечаянная радость» сплошным золотым цветом, который становится здесь не просто фоном, а сиянием Царствия Небесного. На иконе нет традиционного изображения интерьера или архитектурных строений. Здесь всё главное пространство занимает Богоматерь, которая Сама становится источником божественного света и озаряет всё вокруг. Тем самым подчёркивается главная идея иконы – на небесах есть Заступница, которая умоляет Господа прощать грешников, искренне раскаявшихся и стремящихся к праведной жизни. Фигура грешника настолько мала, насколько велики его грехи. Такой огромный контраст в размерах подчеркивает немощь и ничтожность грешного человека, но вся динамика иконы даёт надежду на спасение. Мужчина в мольбе протягивает руки навстречу Богородицы, которая тоже повернула лик в его сторону и взирает с укором, но добротой. Её взгляд полон нежности и сострадания. Лик Богородицы на иконе прекрасен, с классическими, правильными чертами. Он напоминает древнерусские иконы, на которых лик Богородицы особенно печален и выражает боль за судьбу всего русского народа в период жизни под гнётом монголо-татарского ига. Так и здесь взгляд Богородицы выражает глубокую печаль за всех страждущих на земле. Огромный нимб, выходящий за пределы иконного поля, подчеркивает величие Богородицы. Традиционные одежды Богоматери – мафорий-покрывало, плат (чепец) и туника, изображаются на иконах багряным и синим цветами. Багряный или пурпурный цвет означает царское величие, а также перенесённые страдания. Этим цветом изображается мафорий. Цвет туники и чепец – от голубого до тёмно-синего – символ девственной чистоты, а также вечного и бесконечного небесного мира. На нашей иконе мафорий вместо багряного – непривычного тёмного цвета, хотя внутренняя часть традиционно багряная. В данном иконографическом типе, тёмный

Икона Божией Матери «Нечаянная радость». Вторая пол. XIX вв. (после реставрации)

цвет мафория Богоматери символизирует особую скорбь из-за пороков, совершаемых грешниками, которые причиняют боль её сыну Иисусу Христу, распиная его вновь и вновь. Отсюда и багряный цвет внутренних одежд – туники, наручей и чепца, олицетворяющей здесь цвет крови и страстей. Одновременно такой тёмный цвет мафория играет ещё одну важную роль – он выделяет силуэт Богородицы на золотом фоне и придает ему ещё большую величественность и божественное сияние, чем сразу приковывает взгляды молящихся. Левой рукой Богоматерь придерживает Иисуса Христа, а правой указывает на него – как на путь спасения.

Изображение младенца Иисуса Христа находится в единой динамике с Богородицей. Тело и лик Христа направлены в сторону грешника. Взор его исполнен строгости и печали, но он внемлет молитвам грешника. Младенец Иисус Христос изображен с распростертыми кверху руками и развернутыми ладонями, как бы демонстрируя кровоточащие раны, появившиеся от злодеяний грешника. Подобная поза распростертых на уровне плеч рук в иконографии Богородицы является жестом молитвы и заступничества – древнейший жест «Оранта». Как вновь распятый, Иисус Христос демонстрирует свои страдания, но в тоже время молитвенной позой рук он указывает путь спасения через молитву. Икона означает, что Господь ожидает от нас не только молитв, но и благовидных поступков. Злоба, пьянство, воровство, алчность и т. д. – всё это грехи, умножающие страдания Христовы. Прощение могут получить абсолютно все, главное – искреннее раскаяние и стремление к праведной жизни. Красная туника (хитон) на младенце подчеркивает его человеческую сущность, помимо божественной, а также кровные страдания. Туника испещрена мелкими багряными складочками, перекликающимися с кровавыми ранами на груди и на ладонях. Усиливают значение иконы слова, исходящие из уст грешника, Богоматери и младенца Иисуса Христа, прописанные белым цветом. «О, Госпожа! Кто это сотворил?» «Ты и прочие грешники грехами своими вновь распинаете Сына Моего». Ответ Христа: «Прощаются грехи твои». Под святым образом расположен текст на белом трапециевидном поле: «Человек некий беззаконник и имеяше правило повседневное молитися часто прибегати ко образу Пресвятой Богородицы творя ей словеса Архангельския».

Отдельный интерес представляет декоративное оформление иконы, представляющее собой резьбу в виде кружочков вдоль нимбов и фигуры Богородицы. Придавая иконе дополнительную декоративную красоту, кружочки несут ещё и символическое значение, являясь солярными знаками, знаками солнца, подчеркивающими божественное сияние. Тот же эффект выполняют и штрихи внутри нимба, как и сияние, исходящее от Богородицы. Рама иконы также декорирована резными кружочками. Края внутренней рамы обведены красным цветом и украшены резными треугольниками, символом «Святой Троицы». Название иконы вырезано по верхнему полю рамы: «Нечаянная радость Пресвятой Богородицы».

Икона была выполнена провинциальным мастером, с упрощением тонировок и санкиря – первый роскрыш личных (лики) изображений, с грубоватыми контурами рук и графикой ликов. Тем не менее мастер передал главное в иконописи – духовный и эмоциональный настрой, выражающий суть данного иконографического типа – он смог выразить скорбь, надежду и прощение. Лик Богородицы прекрасен и напоминает образец палехского стиля. Особенно ярко это проявляется в четкой геометрии лика Богородицы, подчеркнутыми линиями глаз, носа, губ и яркой графикой подбородка. Икона написана во второй половине XIX в., когда возрождаются старинные традиции и наряду с академической живописной иконой, возвращается икона древнерусская, создавая новые школы и направления.

К.М. Винничек, А.С. Соболь

ХРАНИТЕЛИ ВРЕМЕНИ

В 2023 г. в структуре Пензенского государственного краеведческого музея был возрожден отдел археологических исследований. Его появление было обусловлено созданием по инициативе губернатора Пензенской области Олега Владимировича Мельниченко Пензенской археологической экспедиции.

Отдел археологических исследований является самостоятельным структурным подразделением музея, которое осуществляет комплектование, учёт и хранение археологических коллекций, а также их изучение, публичный показ в форме выставок и экспозиций, подготовку научных исследований, размещение информации по археологической тематике в сети «Интернет», реставрацию, консервацию и популяризацию археологического наследия Пензенского края (в том числе путём проведения лекций, экскурсий, семинаров, культурно-массовых мероприятий).

Фонд археологии Пензенского краеведческого музея в настоящее время насчитывает свыше 20 000 единиц хранения и ежегодно пополняется новыми артефактами. Богатая археологическая коллекция является результатом многолетней собирательской работы, которая ведётся музейными сотрудниками со дня создания музея.

Так, в 2023 г. в фонд археологии поступило на хранение 382 предмета, а в 2024 г. – 252 предмета. Это материалы, найденные при изучении памятников археологии федерального значения «Культурный слой города Пензы XVII – нач. XX вв.», «Курганный могильник Башмаково I», «Степановка III, городище», «Степановка 4, селище», «Культурный слой г. Белинского».

В целях популяризации богатого археологического наследия Пензенского края в настоящее время сотрудниками отдела археологических исследований разработан обширный цикл интерактивных занятий и мероприятий для посетителей музея. Работа в данном направлении ведётся как на базе музея, так и за его пределами – в образовательных учреждениях г. Пензы и области.

На занятии «Пески времени» школьники в игровой форме знакомятся с процессом археологических исследований: подобно настоящим археологам они собирают информацию о месте исследования, проводят раскопки, описывают найденные предметы, пытаются сделать выводы об истории находок.

Занятие «Керамика – азбука археологии» посвящено изучению подлинных археологических предметов – фрагментов глиняной посуды с поселений, расположенных на территории Пензенской области. Школьники могут сравнить лепную и гончарную посуду, с помощью увеличительных луп и цифрового микроскопа определяют примеси в тесте керамики, учатся составлять паспорта находок, а также пробуют свои силы в создании археологического рисунка.

На интерактивном занятии «Операция “Сармат”» школьники изучают письменные источники античных авторов с описанием сарматов, выполняют ряд заданий и снаряжают сарматских воинов в поход, а также изготавливают священный клинок – акинак (короткий меч, характерный для скифо-сарматской культуры, который бытовал с середины I тыс. до н. э. по I в. н. э. и выполнял роль вспомогательного оружия, являлся отражением социального статуса и олицетворением бога войны). Участники «операции» узнают об особенностях сарматской культуры, укладе жизни носителей этой культуры и связи этой общности с Пензенским краем.

В рамках занятия-расследования «Детективы прошлого» юные посетители музея раскрывают четыре дела, из которых

узнают об истории мордовского народа, его обычаях, быте и культуре. Они сопоставляют показания, изучают подозрительные находки и пытаются определить их назначение. По плану погребения «детективы» определяют, кто в нём захоронен, чем занимался этот человек и какой был у него социальный статус при жизни. Творческим завершением занятия становятся разгадка тайны невиданного зверя и создание эскиза своего зооморфного оберега.

Особого внимания заслуживает интерактивное занятие в форме деловой игры «Сохранить, нельзя разрушить», в ходе которой участники делятся на три команды – «Археологи», «Строители» и «Министерство по охране памятников» и решают судьбу условного археологического памятника, расположенного в центральной части города N, где по условиям задачи запланировано возведение нового жилого комплекса. В ходе интерактивного занятия подростки узнают о культурном слое города Пензы, знакомятся с особенностями его правового режима, а также изучают правовые основы в сфере охраны культурного наследия, действующие на территории Российской Федерации.

На занятии «Раскрась историю» школьники узнают об истории уникального археологического памятника Пензенской области – Золотарёвском городище. Занятие сопровождает мини-выставка, центральным экспонатом на которой является накладка в виде личины в маске льве с крином, выполненная из бронзы с позолотой. Предполагается, что этот предмет использовался для украшения сумки и свидетельствовал об особом статусе его обладателя. Данная накладка стала символом Золотарёвского городища, и её изображение можно увидеть на гербе Пензенского района Пензенской области, на территории которого и располагается этот археологический памятник. Школьники получают возможность раскрасить гипсовые слепки этой удивительной находки и забрать их на память.

Наряду с интерактивными занятиями, для посетителей проводятся лекции «Пензенская мордва (по материалам памятников археологии)» и «Волжская Булгария и Пензенский край». Первая освещает вопросы формирования древнемордовской общности, вклада пензенских археологов в изучении древней мордвы, а также рассказывает о быте, культуре, хозяйстве и военном деле мордвы в I тысячелетии н.э. Вторая – рассказывает о том, кто такие волжские булгары, как и когда они поселились на территории нашего края, о материальной культуре пензенской группы булгарских поселений XI – начала XIII в. В рамках лекции освещаются вопросы о развитии земледелия, ремесла и торговли в Верхнем Посурье и Примокшанье в домонгольский период. Данная лекция под названием «Крупным планом: Булгарские древности Пензенского края» доступна для ознакомления широкой аудитории на портале Культура.РФ.

Одной из форм взаимодействия с аудиторией в целях популяризации историко-культурного наследия является организация вы-

Лекция «Волжская Булгария и Пензенский край»

Интерактивная площадка на фестивале мордовской культуры «Вастома» (2024)

ездных выставок и интерактивных площадок в рамках различных фестивалей. Традиционно сотрудники отдела археологических исследований ежегодно принимают участие в фестивалях: Межрегиональный фестиваль мордовской культуры «Вастома», Историко-культурный фестиваль «ДаншиноFest» (Белинский район, с. Даньшино), Мордовский национально-фольклорный праздник «Шумбрат» (Пенза, с. Засечное), Мордовский национально-фольклорный праздник «Покш эрзянь чи» (Бессоновский район, с. Пазелки), Военно-исторический фестиваль «Торуевское городище» (Кузнецкий район, с. Малый Труёв). За 2023–2025 гг.

Интерактивная площадка на фестивале на фестивале «Торуевское городище»

на фестивалях и национально-фольклорных праздниках были представлены следующие выездные выставки: «Мордва Пензенского края (по материалам археологии)», «Археология и этнография пензенской мордвы», «Археологическое наследие древней мордвы», а также интерактивная площадка «Путь археолога». Наряду с выше перечисленными в 2023–2024 гг. сотрудниками отдела археологических исследований организованы следующие передвижные выставки: «Археологические исследования Пензенского края. Экспедиции Пензенского педагогического института и Пензенского краеведческого музея», «Культурный слой г. Пензы», «Булгарские древности в свете Пензенской археологии», «Керамика – азбука археологии», «Городецкая культура», «Скифо-сарматский мир», «Археологическое наследие древней мордвы».

Кроме того, в 2023–2024 гг. были смонтированы стационарные выставки непосредственно в зданиях музея.

Среди них выставка «В недрах времен. к 115-летию со дня рождения М.Р. Полесских». Михаил Романович Полесских – археолог, краевед, педагог, заслуженный работник культуры РСФСР, научный сотрудник Пензенского краеведческого музея (с 5 декабря 1949 г. по 30 июня 1979 г.). Он первым проделал масштабную и всеобъемлющую работу по восстановлению древнейшей истории территории Пензенской области. Исследователь интерпретировал накопленный археологический материал и реконструировал на его основе исторический облик региона в различные эпохи. Всё это нашло отражение в книге «В недрах времен», опубликованной в 1956 г. Михаил Романович Полесских внёс колоссальный вклад в изучение памятников археологии Пензенской области. На выставке «В недрах времен» были представлены личные

вещи исследователя, полевая и научная документация, составленная М.Р. Полесских, фотографии из экспедиций и многочисленные подлинные предметы археологии.

Выставочный проект «Археологическое наследие г. Пензы» имел своей целью расширить представление посетителей об истории современного города, первые люди на территории которого поселились ещё задолго до основания Пензы, что подтверждается многочисленными памятниками археологии различных эпох. Большинство из этих памятников безвозвратно утрачены в ходе строительных, хозяйственных работ, сопровождавших расширение города, а также природных катаклизмов. На выставке была представлена часть уникальных коллекций из фонда археологии Пензенского краеведческого музея – древнейшие предметы, которые удалось спасти и сохранить пензенским исследователям.

Выставка «Улус Мохши. На северо-западной границе Золотой Орды» была открыта в апреле 2024 г. Она посвящена истории средневекового города Мохши и синхронных с ним археологических памятников, расположенных в верховьях рек Мокши и Суры. На ней представлены типичные бытовые предметы золотоордынского времени, а также материалы, характеризующие этнокультурный облик и экономическое развитие Улуса Мохши. Кроме того, освещались вопросы архитектурного строительства в г. Мохши, развития торговли и товарно-денежных отношений.

Выставка «Древности долины р. Суры» была посвящена уникальному археологическому району, расположенному в черте города Пензы. На выставке были представлены уникальные коллекции, рассказывающие о быте, хозяйстве, культуре народов, проживавших в районе старицы реки Суры, где были выявлены следы стоянок первобытных людей каменного века поселения

Экскурсия по выставке «Улус Мохши. На северо-западной границе Золотой Орды»

эпохи бронзы, материалы раннего железного века и памятники средневековья, принадлежавшие древнемордовской и булгарской культурам.

На выставке «Археологическое наследие античного мира. Из собрания Пензенского краеведческого музея» представлены материалы, привезённые более ста лет назад из мест раскопок причерноморских античных полисов пензенскими коллекционерами, деятелями науки и культуры, среди которых были и члены Пензенской учёной архивной комиссии. Большинство экспонатов было обнаружено во время раскопок на месте столицы Боспорского царства – Пантикапея (ныне г. Керчь). Среди предметов выставки – посуда различных форм и назначений (бытовая, ритуальная, таровая), а также предметы культа из стекла и гипса, керамические светильники, терракотовые статуэтки. Также на выставке были представлены документы из фондов Государственного архива Пензенской области, рассказывающие об истории поступления материалов раскопок в коллекцию Пензенской учётной архивной комиссии.

Выставка «Нонна Ивановна Спрыгина: у истоков пензенской археологии и этнографии», открытая в марте 2025 г., посвящена 145-летию со дня рождения выдающейся исследовательницы. Нонна Спрыгина – поистине удивительная женщина, которая

Открытие выставки «Нонна Ивановна Спрыгина: у истоков пензенской археологии и этнографии»

смогла гармонично сочетать любовь к мужу и детям с активной исследовательской, музейной и общественной деятельностью. Её стремление к самосовершенствованию и развитию преображало не только её саму, но и окружающих. Нонна Ивановна стояла у истоков создания Пензенского краеведческого музея, первой начав проводить систематические исследования в области археологии и этнографии. Коллекции учёной стали настоящим сокровищем музейного собрания. Выставка подробно рассказывает о пути становления Нонны Ивановны как исследователя, её вкладе в развитие музейного дела и науки. В экспозиции представлены архивные фотографии, документы, чертежи и зарисовки, а также предметы из её уникальных коллекций.

Важным направлением деятельности отдела археологических исследований является изучение археологических памятников и коллекций, участие в научно-практических конференциях, круглых столах, археологических экспедициях.

В 2023–2025 гг. сотрудниками отдела опубликованы монографии по археологии Пензенского края – «Средневековые древности Никольского селища», «Золотая Орда в Верхнем Посурье», «Древние монеты и деньги Пензенского края», научные статьи – «Золотарёвское поселение VIII–XIII вв. Коллекции фонда археологии Пензенского краеведческого музея», «Колонизация Волжской Булгарией Верхнего Посурья и Примокшанья в XI–XIII вв.», «История изучения памятников археологии на территории г. Пензы в XX в.», «Матрица с Ивановского селища», «Материалы Золотарёвского городища в музейном собрании МУК “Музейно-выставочный центр” г. Заречного Пензенской области», «Монгольские наконечники стрел с Золотарёвского поселения», «Исследования железной крицы с Никольского селища», «Археологические материалы селища Бурчиха», «К вопросу о контактах оседлого верхнесурского населения с кочевым миром в XI–XIV вв.», «Изучение чугунных котлов и шлаков с Саловского I селища», «Естественно-научные исследования железных криц с Никольского селища».

Научные доклады сотрудников отдела археологических исследований были представлены на Всероссийской научно-практической конференции «800-летие победы булгар над монгольской армией под стенами Золотарёвского городища» (25.08.2023), X международной научной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова (май 2024), Всероссийской научно-практической конференции «Пограничье: вопросы фортификации на границах русского государства» (7.10.2024), а также на круглых столах: «Археологическое наследие города Пензы. Актуальные вопросы и перспективы изучения» (26.04.2023), «Перспективы развития археологии в Пензенской области в 2024–2034 гг.» (11.10.2023), «Этногенез народов Западного Поволжья в средние века» (7.12.2023), «Средневековая история тюрко-татарского мира Волго-Окского региона» (16.09.2024) и др.

Ежегодно сотрудники отдела археологических исследований принимают активное участие в полевых археологических работах в составе Пензенской археологической экспедиции в с. Селитренное Харабалинского района Астраханской области на памятнике археологии «Селитренное городище», на ОАН «Городище Старая Рязань» (Рязанская область), на ОАН «Никольское селище» (Кузнецкий район, Пензенская область), на ОАН «Наровчатское городище» (с. Наровчат, Пензенская область).

Археологическая экспедиция на Никольском селище (2024)

Новым направлением в работе отдела с 2024 г. стала реставрация археологических предметов из цветных металлов и железа, результатом которой стали десятки спасенных от разрушения древних артефактов.

В настоящее время отдел реализует комплексную деятельность по основным направлениям музейной работы – учёту, сохранению, популяризации и изучению археологических памятников, расположенных на территории Пензенской области.

О.В. Дубравина

ПЕНЗЕНСКИЙ ОРНАМЕНТ НА ЗОЛОТНЫХ ОЧЕЛЬЯХ ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ

Время от времени в связи с различными проектами (изготовление концертных костюмов в народном стиле или вышитой карты области) поднимается вопрос о пензенском орнаменте. То есть можно ли назвать какой-либо орнамент старинной народной вышивки или ткачества характерным именно для Пензенской губернии или области? Такие орнаменты существуют.

Например, в нескольких музеях (Российский этнографический музей (РЭМ), Пензенский государственный краеведческий музей (ПГКМ), Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей (МРОКМ), Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (НГИАМЗ), Свердловский областной краеведческий музей (СОКМ) сохранились старинные русские и мордовские головные уборы из Пензенской губернии, очелье которых украшено золотной вышивкой с характерным орнаментом в виде крупных спиралей.

Эти очелья разной формы: на мордовских (мокшанских) головных уборах они прямоугольные, на русских кокошниках дугообразные, а у одного хранящегося в РЭМ русского кокошника из Пензенской губернии (село неизвестно) очелье сложной необычной формы. Орнамент пензенских очелий состоит из нескольких расположенных в ряд крупных спиралей или из двух крупных и нескольких более мелких спиралей с дополнительными элементами. Вышитые по карте спирали слегка возвышаются над шитым в прикреп фоном или заполняют собой всё очелье.

Русские головные уборы

Золотное шитье было наиболее распространённой техникой декорирования русских кокошников[1]. Женский костюмный

Русский женский головной убор. Пензенская губ., Городищенский уезд, с. Канаевка. XVIII–XIX вв. Из фондов ПГКМ

комплекс с сарафаном, включающий в себя кокошник, возник в период формирования и становления Российского централизованного государства в XIV–XVI вв. На юг России, в том числе на территорию Пензенского края, он проник в результате колонизации московских служилых людей в XVI–XVII вв., в городах кокошник распространялся как феномен московской моды[2]. В XVIII–XIX вв. кокошник существовал на большей части территории Европейской России и в Сибири как головной убор крестьянок, мещанок и купчих.

Русских кокошников из Пензенской губернии сохранилось очень мало; четыре таких кокошника из коллекции РЭМ, которая насчитывает более тысячи кокошников, опубликовано Еленой Львовной Мадлевской[3]. Судя по данному изданию, нет информации

Кокошник. Вторая треть XIX в. Пензенская губ. Из фондов РЭМ

о конкретных поселениях Пензенской губернии, где бытовали эти предметы. Опубликованные Е.Л Мадлевской пензенские кокошники разной формы и размера: у одного из них золотное очелье со спиральным орнаментом. Это очелье необычной формы – в виде ромба с овальным вырезом снизу, надо лбом.

В Пензенском краеведческом музее хранятся кокошники и золотные очелья от них, поступившие в 1924 г. из с. Канаевки Городищенского уезда[4]. Среди них три кокошника и два очелья со спиральным орнаментом. В Канаевке очень долго бытовал народный костюм: эта традиция не прервалась даже до сих пор (участницы канаевского народного хора продолжают шить для себя традиционные местные праздничные костюмы). Но кокошники с дугообразными золотными очельями в селе перестали носить очень давно. Скорее всего, к моменту поступления в музей эти предметы уже не бытовали, сменившись «наклонником» (другой разновидностью кокошника); они даже записаны в книгу поступлений музея под названием «Убор головной женский», местное название не дошло до исследователей.

Изготовлены они были, судя по сохранившейся на одном из головных уборов ткани, в XVIII в. Кокошник могли покрыть новой тканью взамен изношенной (есть кокошник, в XIX в. покрытый красным ситцем с цветочным рисунком – как любимые в Канаевке «барановские» платки). На одном кокошнике сохранилась только подкладка из синей домотканой ткани; на очельях остались следы срезанных шелковых тканей. Очелья канаевских кокошников укреплены слоем бересты.

Мордовские головные уборы

Хранящиеся в ПГКМ старинные мордовско-мокшанские головные уборы с золотной вышивкой, поступившие в 1925 г., описаны в работе Нонны Ивановны Спрыгиной[5]. Панга из с. Волгапино Краснослo-

бодского уезда и «Златной» из с. Лесное Ардашево Темниковского уезда Тамбовской губернии украшены очельями прямоугольной формы со спиральным орнаментом. В том же году в музей поступил головной убор невесты под названием «Золотяв» из с. Большие Мордовские Пошаты Краснослободского уезда, похожий на «Златной» из Лесного Ардашева.

По форме эти головные уборы такие же, как традиционные мордовские панги, очелье которых украшено вышивкой шерстяными нитями. Само слово «златной», т. е. «золотной», заимствованное из русского языка, перешло от очелья на весь нарядный праздничный головной убор. Остальная отделка – вышивкой, бисером, раковинами каури, металлическими жетонами и др. – оставалась традиционной мокшанской.

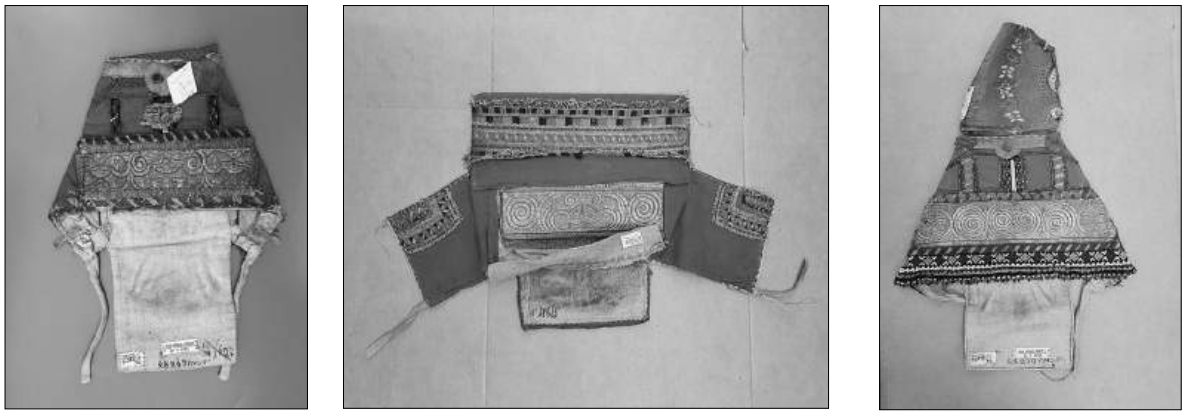
Златной в первую очередь являлся свадебным головным убором. Надевали его на молодую во время свадьбы в различное время и носили в одних деревнях более или менее продолжительный срок, в других быстро заменяли сорокой или пангой. Срок ношения таких уборов постепенно сокращался: в старину их надевали по праздникам лет до 40–45, иногда 10 лет после свадьбы (а более старшие женщины носили пангу), затем стали надевать только в первые 1–3 года замужества. Шили златной сами женщины (ленты, кумач, золотное шитьё покупали на базаре). Златной передавался в семье от матери к дочери[6].

В мордовских сёлах старинные головные уборы (панга, златной) бытовали гораздо дольше, чем кокошники в русских сёлах – их носили до 1920–1930-х гг.[7] Благодаря этому, особенности их бытования были описаны исследователями; златные попали и на фотографии, и в коллекции музеев. Даже фарфоровая фигурка «Мордовка племени мокша» из серии Императорского фарфорового завода «Народности России» (по модели скульптора П.П. Каменского, 1913 г., производится и в настоящее время) изготовлена в костюме Краснослободского уезда, а на головном уборе прорисован знакомый нам орнамент из крупных спиралей.

«Золотной» – мокшанский женский головной убор. Тамбовская губ., Темниковский уезд, с. Лесное Ардашево. XIX в. Из фондов ПГКМ

Панга – мокшанский женский головной убор. Пензенская губ., Краснослободский уезд, с. Рыбкино. Конец XIX – нач. XX вв. Из фондов ПГКМ

Мокшанский женский головной убор (панга). Пензенская губерния, Краснослободский уезд, с. Волгапино. Конец XIX в. Из фондов МРОКМ



Мокшанский женский головной убор. К. XIX – нач. XX вв. Из фондов РЭМ

Особенно много подобных головных уборов в коллекции Российского этнографического музея. На сайте Государственного каталога музейного фонда РФ многие из них сфотографированы с тыльной стороны и не представлена фотография очелья. На большинстве тех, которые сфотографированы спереди, видно золотное очелье с вариантами орнамента из спиралей, очень похожими на описанные Н.И. Спрыгиной и хранящиеся в Пензе «златной», «золотяв» и пангу (сам РЭМ в Государственном каталоге не указывает названия головных уборов и места их бытования). В Государственном каталоге РЭМ представил 15 мокшанских головных уборов со спиральным орнаментом на очелье (у которых очелье видно на фотографии) и пять отдельных очелий. В таком богатом собрании есть необычные варианты нашего орнамента, в которых спирали занимают не главное место, но они присутствуют в центре или по краям, как у пензенского убора «Золотяв».

Колпак – женский головной убор. XIX в. Из фондов СОКМ

Рассматривая эти предметы, можно проследить, как возник спиральный золотный орнамент. На очелье мокшанского головного убора две небольшие спирали вписаны в другой традиционный орнамент, который хорошо виден, например, на очелье от кокошника из Канаевки. На очелье в той же композиции вышивки видны уже более крупные и заметные две спирали; в конце концов появился и распространился орнамент состоящий из одних спиралей.

В МРОКМ хранится головной убор, фотография очелья которого любезно предоставлена сотрудниками музея для этой публикации; на очелье вышит очень интересный «расширенный» вариант орнамента с ответвлениями от центральных спиралей. В фондах этого музея также хранятся несколько головных уборов, очень похожих на «златной» из с. Лесное Ардашево. В СОКМ хранится подобный головной убор, записанный как «Колпак – женский головной убор». Рисунок его очелья аналогичен, но повернут «вверх ногами» по сравнению с пензенским «златным»; у екатеринбургского головного убора сохранились расположенные по бокам длинные подвески из бисера, раковин и металлических жетонов. Обычно такие подвески к мордовским головным уборам были съёмными и прикреплялись на металлические крючки. Не все золотные очелья пензенских русских и мордовских головных уборов вышиты именно так. На очельях русских головных уборов из сёл Земетчинского района (бывшие Ке-

ренский и Спасский уезды) и на очельях мокшанских головных уборов из Спасского уезда вышит совсем другой орнамент, распространенный в разных местностях России. На некоторых очельях канаевских кокошников тоже вышит другой старинный орнамент. Поиск по Государственному каталогу показал, что золотный орнамент со спиралями встречается только на головных уборах из Пензенской губернии. Мордовский головной убор (по виду из Пензенской губернии или принадлежавший переселенцам оттуда) с ним есть в коллекции НГИАМЗ. В представленных в Госкаталоге коллекциях музеев других соседних с Пензенской областью головные уборы с таким орнаментом не найдены.

Возникает вопрос – где же вышивали очелья к пензенским головным уборам? Народное золотное шитье восходит к церковному искусству – украшению богослужебных предметов. Известно, что насельницы женских монастырей (послушницы, опекаемые монастырем вдовы и сироты) вышивали, помимо церковных предметов, и мирские вещи на заказ и на продажу[7]. Исследователь монастырей Мордовии С.Б. Бахмустов утверждает, что ещё до официального открытия в конце XVII столетия первых монастырей Пензенского края черницы группировались вокруг городских и сельских храмов и выполняли работы по обеспечению клира богослужебным облачением, а верующих – киотными украшениями икон: «таким промыслом занимались большинство послушниц и монахинь в XVII–XVIII вв.,– и в монастырях, и за их пределами»[8].

Светского золотошвейного промысла в Пензенской губернии не зафиксировано. Но золотошвейные мастерские были при действовавших в губернии женских монастырях: Троицком в Пензе, Тихвинском в Керенске (ныне Вадинск). До реформы 1764 г. в Пензенской губернии были и другие женские монастыри – в Нижнем Ломове, в Краснослободске и др.[9] Большинство сохранившихся головных уборов со спиральным орнаментом бытовали в Краснослободском уезде; но в описаниях существовавшего в XVIII в. Краснослободского женского монастыря нет упоминаний о золотошвейной мастерской. Монастырь был бедным; после его закрытия некоторые насельницы оставались жить на старом месте и были окончательно разогнаны во время пугачевского восстания[10]. А вот община на месте Керенского монастыря существовала и после того, как он был официально упразднён в 1764 г. Монастырь был открыт снова в 1851 г., при нём работали золотошвеи. Пензенский Троицкий монастырь до революции не закрывался, при нём также была золотошвейная мастерская[11].

Можно предположить, что востребованные покупательницами в XVIII–XIX вв. золотные очелья вышивались в мастерской при одном из этих монастырей (или в обоих). Вышивка со спиралями полюбилась пензенским мастерицам и жительницам русских и мордовских сёл нашей губернии (а до XIX столетия, скорее всего, и пензенским горожанкам).

Орнамент, когда-то широко распространенный в нашем крае, сохранился до нашего времени в музейных коллекциях. Хорошо, если жизнь пензенского золотного орнамента продолжится в XXI столетии.

Примечания

1. *Мадлевская Е.Л.* Женский головной убор кокошник. М., 2022.

2. Там же.

3. Там же.

4. *Дубравина О.В.* Старинные женские головные уборы из села Канаевка в фондах Пензенского краеведческого музея // URL:// https://vk.com/@161709612-starinnye-zhenskie-golovnye-ubory-iz-sela-kanaevka-v-fondah

5. *Спрыгина Н.И.* Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии по материалам экспедиции 1925 г. Пенза, 1929.

6. *Белохвостиков Е.П.* По монастырям Пензенского края. Пенза, 2010.

7. Там же.

8. *Бахмустов С.Б.* Монастыри Мордовии. Саранск, 2000.

9. *Белицер В.Н.* Народная одежда мордвы. М., 1973.

10. *Бахмустов С.Б.* Указ. соч.

11. *Белицер В.Н.* Указ. соч.

Е.А. Бурякова

«ПИСАЛ ОН О ТОМ, ЧТО ВИДЕЛ СВОИМИ ГЛАЗАМИ» (К 125-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ПЕТРОВИЧА СТАВСКОГО)

Имя Владимира Петровича Ставского, нашего земляка, практически забыто современной молодёжью. Но это совершенно несправедливо, т. к. личность его чрезвычайно интересная, далекая от той, что была сформирована либеральной интеллигенцией. Тем более что фронтовые товарищи имели диаметрально противоположное мнение, чем столичные писатели. Изучение военных очерков и рассказов Ставского – благодатная почва для патриотического воспитания молодёжи.

В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в фонде 1712 хранится более 1000 документов, относящиеся к жизни, работе и смерти писателя. Туда входят рукописи, переписки, личные документы (дневники, записные книжки), фотографии и мн. др. Архив передавался вдовой писателя О.А. Соловьёвой с 1949 по 1964 г. Последние документы поступили уже после её смерти в 1969 г.

Почтовая карточка. В.П. Ставский. Фото Леонидова. 1934 г.

Родился Владимир Петрович Кирпичников (Ставским он станет позднее) летом 1900 г. в г. Пензе. Дом, где он провел детство и юность, находится адресу: ул. Пески, 22.

В «Материалах свода памятников Пензенской области» дом описан следующим образом: «Дом представляет собой бревенчатый сруб, обшитый тесом на кирпичном фундаменте, построен не ранее 1870 гг. Одноэтажный, прямоугольный в плане, он поставлен перпендикулярно улице. По фасаду, выходящему на улицу, от которого отделён небольшим палисадником, три окна с лучковыми завершениями, украшенные резными наличниками с навесами (сандриками)»[1].

Детские и юношеские годы будущего писателя прошли в достаточно непростых условиях. Рано умер отец, новый удар судьбы предстоял, когда мальчику было 15 лет – скончалась мать. Это определило дальнейшую судьбу юноши: окончив пять классов Пензенского реального училища, он пошёл работать разнорабочим, молотобойцем на строительство трубочного завода.

С 1916 по 1917 г. был рабочим писчебумажной фабрики купца П.В. Сергеева

Дом в Пензе, где жил В.П. Ставский

(с 1922 г. именуемая «Маяк революции», в настоящее время ОАО «Маяк). Условия жизни привели юношу к революционным настроениям, и в конце 1917 г. он становится руководителем отряда Красной гвардии фабрики. Позже назначен начальником Красной гвардии ст. Рузаевки.

Истории вехи – в Пензе белочехи

Совершеннолетие Владимира Петровича пришлось на подавление восстания Чехословацкого корпуса в Пензе. События тех дней, своё непосредственное участие, он подробно описал в очерке «В первом бою», начинающимся со следующих слов: «25 мая 1918 года застало меня с Рузаевским отрядом по борьбе с контрреволюцией на нашей постоянной квартире в Рузаевке»[2].

Белочехи к тому времени уже захватили депо на Сызранско-Вяземской железной дороге с 10 паровозами, подтянули из Ртищева крупные резервы. Взяв в два дня Пензу, они устроили настоящий террор, покинув город только 31 мая.

Как только власти дали команду собрать всевозможные силы из Рузаевки, Симбирска, Саранска, Владимир Кирпичников вместе со своим отрядом отправился в Пензу, где он возглавил охрану чрезвычайно важного участка: «Пушкарский переход, Инвалидный мост, мост через Мойку, и, кроме того, железнодорожный мост… За рекой раскинулся пригород «Пески», рабочий район, а за ним станция Рязано-Уральской ж.д., где и стояли чехи»[3]. Эти места командиру отряда были хорошо знакомы, т. к. располагались рядом с его родным домом.

Во время жестокой схватки Кирпичников был ранен, с простреленным плечом он оказался в лазарете.

Позднее Владимир Петрович с отрядом красногвардейцев участвовал в задержании поезда мятежного Муравьёва, обнаружив там 30 тыс. патронов.

В 1918–1919 гг. служил начальником агентурной разведки и уполномоченным Особого отдела ЧК на Восточном фронте.

В 1920 г. переведён по личной просьбе на Кавказский фронт, в разведывательный отдел Полевого штаба Реввоенсовета Республики. Узнав юношу как смелого и находчивого бойца, командование доверило секретное задание: пробраться в Крым, занятый белогвардейцами, и разведать подготовку предполагаемого десанта на Кубань. Сведения, добытые в тылу, оказались очень важными. Реввоенсовет наградил Ставского именными советскими золотыми часами (позже он передал часы в помощь голодающим Поволжья). Эти события нашли отражение в рассказе «Сильнее смерти». Он заканчивается следующими словами: «По мере надобности можно и ещё сходить в тыл. Раз партии нужно будет!.. Штука нехитрая!» Слова не мальчика, но мужа[4].

В то время в Грузии в тяжелых боях погиб большой друг Кирпичникова, отважный и мужественный человек, Ставский. Имя погибшего друга стало псевдонимом Владимира Петровича.

В 1921–1922 гг. служил в ВЧК–ГПУ на Северном Кавказе и Юго-Востоке помощником начальника иностранного отдела и начальником отдела по борьбе с бандитизмом.

Путь в журналистику и литературу

В 1922 г. Ставский переехал в Ростов-на-Дону, где устроился на работу в порт чернорабочим. За время военной службы он привык к дисциплине, а тут встретился с отсутствием порядка и нежеланием работать некоторых коллег. Это его так задело за живое, что он решил написать о сорванных планах в газету «Трудовой Дон» (позже «Молот»). Заметку напечатали – это стало началом журналисткой карьеры Ставского[5].

С 1923 г. он – в штате редакции газеты. Опытные журналисты не сразу его приняли: «Мы не сразу приняли его в свою среду, а он и не стремился туда», – вспоминал о молодом журналисте Николай Погодин, работавший тогда в аппарате редакции. «Как-то он прочитал мне свой рассказ “Как портят-

ся нервы". Где это мог наблюдать Ставский? Он рассказал кое-что. За скупыми словами сказывалось огромное боевое прошлое... "Прошлое" в 22 года!»[6].

В январе 1924 г. он направлен в Москву на курсы по переподготовке работников печати. По возвращении сотрудничает с газетами «Молот», «Советский пахарь», работает редактором газеты «Красный шахтер» (приложение к «Молоту»), заведующим отделом краевой жизни (газета «Молот»).

В этом же году в Ростов из Краснодара переезжает Фадеев. Ставский, Киршон и Фадеев возглавляют литературную жизнь юга России, создав Ростовскую ассоциацию пролетарских писателей, а затем и СКАПП – Северо-Кавказскую ассоциацию пролетарских писателей. После отъезда Фадеева в Москву Ставского избирают председателем СКАППа.

В 1924 г. у него вышла первая книга очерков «Прошли». В 1925 г. Ставский входит в состав редколлегии журнала «Лава» (вместе с А. Бусыгиным, Г. Кацем, В. Киршоном, А. Фадеевым).

В 1927 г. увидел свет рассказ о событиях гражданской войны в Крыму «Сильнее смерти».

В январе 1928 г. как уполномоченный Северо-Кавказского крайкома партии по хлебозаготовкам Ставский объездил три десятка станиц Дона, Терека и Кубани, и завершилась эта поездка станицей Васюринской, которая станет ему родным домом[7].

В.П. Ставский с семьей. Из фондов ГАПО

В 1928 г. выходит книга очерков «Станица», отразившая острую борьбу на Кубани в период хлебозаготовок, участником которой являлся писатель. В конце 1928 г. Владимир Петрович переезжает в Москву, но продолжает вплоть до 1934 г. выезжать на Северный Кавказ, участвует в проведении посевных и хлебозаготовительных кампаний.

Книга Ставского «Разбег» (1930) имела большой успех. Тема книги – история раскулачивания в кубанской станице 1929 г. со всеми проблемами того времени.

«Разбег» привлек внимание М. Горького. Он оценил книгу как «современную и нужную». В газете «Правда» (№ 232, 23 августа, 1934) размещена фотография приветствия М. Горьким героини книги «Разбег» Софьи Ионовны Гринченко во время Первого съезда писателей в Доме Союзов.

С Софьей Ионовной Владимир Ставский познакомился в станице Васюринской. Их связывала долгая дружба, он называл её «мамой» и взял её младшего сына Мишу в Москву, в свою семью.

О дальнейшей судьбе Софьи Ионовны Гринченко написал в статье «Судьба героев одной станицы» В. Яхневич на страницах «Правды» после посещения станицы и знакомства с героями книги Ставского[8]. В возрасте почти 80 лет в 1942 г., когда немцы захватили Кубань, женщина претерпела от них издевательства: её били, держали в карцере, но удалось пережить и это. В 1957 г., почти в возрасте 90 лет, она была награждена медалью «За трудовое отличие».

В Московском государственном реалистическом театре им. Красной Пресни поставлен спектакль «Разбег».

В 1932 г. Ставский собрал в Васюринской станице (описанной в книге) героев своей повести, 378 чело-

век! Это была уникальная конференция живых героев художественного произведения.

Во главе Союза писателей

В 1928 г. Ставского отзывают в Москву и избирают оргсекретарем РАППа (ассоциации пролетарских писателей). Ставского назначили ближайшим помощником М. Горького по подготовке к Первому съезду советских писателей, который воплотился в жизни только через два года. После съезда, в 1934 г., Владимира Петровича ввели в президиум правления СП, а с 1936 г. (после смерти Горького) он стал генеральным секретарём Союза писателей СССР. Активное участие в руководстве Союзом принимает с начала 1936 и до августа 1938 г. Ставский отвечал за идеологическую составляющую всей печатной продукции (включая периодику). В 1936 г. в Союзе писателей для этих целей, был создан институт референтов, осуществляющих постоянный контроль за журналами (содержание сигнальных номеров, планы, договоры и т. д.), прямо подчиняющихся Секретариату. Ставский стоял у истоков создания этого института.

В записных книжках Ставского, хранящихся в РГАЛИ, фиксируется огромный круг вопросов – материально-бытовые (квартиры, гонорары, зарплаты и т. д.), издательские (тиражи, задержки, планы и т. д.), организационные (работа секций Союза писателей, организация мероприятий с участием писателей и т.д.), кадровые, включение и исключение из Союза, командировки и многое другое[9].

Информация, собираемая Ставским в ходе личных встреч с писателями, использовалась им для сообщений и решения вопросов в самых разных инстанциях, как гласными, так и негласными путями. Рядом с записями бесед Ставский нередко оставляет пометы: «на партгруппу», «на Президиум», «на секретариат», «сообщить Ангарову», «в КПК», «в НКВД», «Ежову», «Главлит» и т. д.

Горячая Испания

4 июля 1937 г. начал свою работу Второй международный конгресс писателей против фашизма в Испании, в составе делегации были многие видные писатели, в том числе и В.П. Ставский. И это был не просто отдых и встречи с коллегами по писательскому цеху – кругом шла война.

Илья Эренбург вспоминал, как его шофёр отговаривал ехать в Брунет, т. к. дорогу обстреливают, но вместе со Ставским и Вишневским они решились на отчаянный поступок и удачно «проскочили» по дороге, вдоль которой лежали сотни трупов.

Ставскому случилось побывать и на передовой, и принять участие в бою. Алексей Толстой, будучи свидетелем тех событий, рассказывал, что во время бомбежки фашистами Мадрида Владимир Петрович забрался на крышу высокого дома и сидел

Открытка. А. Сурков, А. Фадеев, В. Маяковский, В. Ставский на выставке «20 лет работы Маяковского». Москва. 1930 г.

там, наблюдая за битвой республиканцев с франкистскими летчиками, а на следующий день полез в самую гущу сражения и при этом ничего, кроме записной книжки, у него не было. И вышла в каком-то месте заминка: убили офицера, очевидно, командовавшего взводом. Испанцы залегли. И он этот взвод поднял. На заключительном заседании конгресса Ставский был избран в состав бюро Международной ассоциации писателей для защиты культуры.

Храбрейший из храбрых

В 1939 г. Ставский освещал в печати боевые действия в районе реки Халхин-Гол и советско-финляндский конфликт.

В 1939-м г. японцы напали на Монгольскую Народную Республику: в районе реки Халхин-Гол начались бои. Ставский одним из первых прибыл туда в звании бригадного комиссара и начал сотрудничать во фронтовой газете «Героическая красноармейская». Почти каждый день в газете появлялись статьи и очерки Ставского. Генерал-майор Д. Ортенберг писал: «Храбрейшим из храбрых у нас считался Владимир Ставский, с которым меня Халхин-Гол породнил как с братом».

Также Д. Ортенберг вспоминал: «…Никакая опасность не останавливала Ставского, если надо было выполнить редакционное задание... Он не любил брать материал из вторых или третьих рук. Писал он о том, что видел своими глазами, и поэтому его очерки и корреспонденции действительно … дышали порохом».

Не раз он принимал непосредственное участие в боях, мастерски выписывал литературные портреты бойцов, поэтому его очерки завоевывали огромную популярность.

Георгий Константинович Жуков, предвидя, какое предстоит побоище на стометровых отвесных высотах Баин-Цагана, просил Ставского «не соваться!», но это было не в характере Владимира Петровича – он принял участие в бое, в котором японцы предполагали разгромить советско-монгольские войска.

За участие в событиях на Халхин-Голе В.П. Ставский был награждён двумя орденами Красного Знамени: военным орденом СССР и орденом Монгольской Народной Республики.

Тяжёлое ранение

В ноябре 1939 г. начались бои на Карельском перешейке с финнами. Ставский, сотрудничая с газетой «На страже Родины», проявил свой стальной характер: ему пришлось дважды принимать командование на себя и вести бойцов в атаку при наступлении на Териоки и в районе Тайпален-Йоки, когда нужно было занять важный для наших войск плацдарм. Был ранен командир, а бойцы под пулеметным огнем не могли поднять головы. И тут он поднял в атаку первый батальон 19-го стрелкового полка, продвигаясь к финским дотам, но был тяжело ранен в обе ноги и обе руки. Из-за врачебной ошибки у него началась газовая гангрена. Шесть раз было сделано переливание крови... Спасены были и жизнь, и нога, правда, она стала немного короче – сделали протез на пятке. За отвагу и мужество в бою Ставский был награжден вторым орденом боевого Красного Знамени.

После боев на Халхин-Голе и на Карельском перешейке вышли сборники «Бои Халхин-Гола» и двухтомник «Бои в Финляндии», пьеса «Война».

Отвага дороже жизни

Великая Отечественная война застала Ставского в Кронштадте, а 29 июня 1941 г. он выехал в качестве спецвоенкора «Правды». Он исколесил Западный, Калининский, Северный фронты.

В газете «Вечерняя Москва» опубликованы воспоминания генерал-майора А.А. Лобачева о приезде Ставского в Панфиловскую дивизию в ноябре 1941г.: «3 ноября созывался партийный актив в Пафиловской дивизии. Мы отправились туда с писателем Владимиром Ставским. Он каждые два-три дня приезжал от “Правды” в 16-ю армию. Много писал о героях 316-й; его тянуло к панфиловцам. Партийный актив собрался в здании Шишловской школы. Нас туда повёл Панфилов, подсвечивая дорогу электрическим фонариком. Ставский сказал ге-

нералу, что “Правда” собирается напечатать очерк о пехоте.

– Трудно сейчас воевать пехоте! – слышу голос Панфилова. – Особенно когда приходится воевать без поддержки танков и против танков. Но мы, видите, пока воюем»[10].

19 ноября 1941г. в газете «Правда» (№ 321) вышла статья под названием «Боевая орденоносная», в которой В.П. Ставский рассказал о 316-й, затем 8-й гвардейской дивизии, которой командовал генерал-майор И.В. Панфилов. Таким образом, Ставский первым описал героизм панфиловцев[11].

Владимир Петрович писал о танкистах, пехотинцах, о героизме частей Рокоссовского и Говорова с танками врага, о боевых делах артиллеристов полка майора Асатурова в районе Ельни. Очерки, статьи и корреспонденции были собраны воедино в книге «Фронтовые записки» (1942).

И, конечно, военкор не просто описывал увиденное, но и сам принимал активное участие в боях. Трофейная машина с двойным управлением, подаренная Г.К. Жуковым взамен разбитой собственной (он уехал на фронт на своей «эмке»), была вся иссечена осколками и пулеметными очередями – знаками историй, в которые попадал хозяин.

В Дневниках писателя М.М. Пришвина, с которым В.П. Ставский был в течение многих лет знаком, описано отношение к войне военкора: «…психология воюющего очень проста: постепенно в нас разгорается ненависть к врагу, страстное желание с ним покончить»[12].

На Закавказском фронте Владимир Петрович «был во Владикавказе-Орджоникидзе в самое горячее время боя» (из писем Ставского Лобачёву). Весной 1943 г. Ставский побывал в Заполярье, собирал материал о жизни и боях моряков, отправлялся в плавание на эсминцах, подлодках и катерах. В результате поездки появились первые страницы повести «На Севере», которые были опубликованы в пензенском альманахе «Земля родная»[13].

Летом 1943 г. Ставский заинтересовался снайперским движением и задумал написать книгу о девушках-снайперах (он и сам, по воспоминаниям Г.К. Жукова, отлично владел снайперской винтовкой и автоматом.), для этого он уезжает на 2-й Прибалтийский фронт, к древнему городу Невелю, за который развернулось ожесточенное сражение. По пути он побывал в полку, где действовали девушки снайперской школы. Их воспоминания рассказывают о последних днях жизни Владимира Петровича (книга К. Лапина «Подснежник на брустверe»)[14].

14 ноября 1943 г. сражение за Невель началось у русской деревни Туркин-Перевоз. Фашисты бросили против наших солдат танки «тигры» и самоходные орудия «фердинанды». Ставский принял участие и в этом бою. Нашими артиллеристами были подбиты «тигры», и Владимир Петрович посчитал необходимым осмотреть танк... Когда Ставский почти дошёл до танка, простучала пулеметная очередь, пробив бедро и планшетку с документами, две пули второй очереди прошли через сердце.

Похороны состоялись 19 ноября на центральной площади разбитых Великих Лук. В 1948 г. останки В.П. Ставского были перенесены на воинское кладбище, по решению Союза советских писателей был установлен памятник.

Неосуществлённая мечта о Пензе

В Пензе узнали о гибели Ставского через 10 дней. В газете «Сталинское знамя»

Обелиск на могиле В.П. Ставского. г. Великие Луки. 2022 г. Из личного архива В.И. Первушкина

были опубликованы следующие слова журналиста К. Королева: «Я смотрю на дорогой портрет, на письма, написанные умелыми, драгоценными руками мужественного бойца и проникновенного художника, и не могу смириться с мыслью, что уже нет среди нас Владимира Петровича Ставского. Неужели сомкнулись навсегда эти ласковые умные глаза, которые не раз прямо и презрительно смотрели смерти в лицо. Ведь этот человек был сильнее смерти!» Заканчивая некролог, журналист писал: «Никогда не изгладятся из памяти теплые встречи с ним... Он погиб на боевом посту, сражался за честь и свободу Советской родины. Не довелось ему осуществить свою заветную мечту – навестить родную Пензу. Тяжела утрата»[15].

Владимир Петрович Ставский так и не смог вернуться в Пензу, но никогда о родном городе и земляках не забывал. В годы Великой Отечественной войны для газеты «Сталинское знамя» им было написано несколько фронтовых очерков. Напечатан очерк «Бесстрашный сын крылатого народа» об уроженце с. Чардым Николае Терехине. В 1940 г. был написан очерк «Молниеносный удар» о батальоне старшего лейтенанта Анатолия Краснова.

В течение многих лет писатель поддерживал связь с земляками. В 1938 г. встречался в гостинице «Дом Востока» с А.А. Богдановым, А.Г. Малышкиным, П.И. Замойским, И.Я. Судаковым. На той встрече он произнес: «Обязательно буду в Пензе. Хорошо бы посмотреть родные места, побывать на берегах рек Мойки и Пензы, где был ранен»[16].

Память должна быть…

Что касается 1960-80 гг., о В.П. Ставском не забывали: названы улицы в Пензе, Ростове-на-Дону, Великих Луках, Рузаевке, станице Васюринской, Невеле (здесь также названы были школа-интернат и колхоз). До 1962 г. курсировал двухпалубный пароход «Владимир Ставский» от Ростова до Волгограда (был затоплен на Цимлянском водохранилище). Также на родине были установлены мемориальные доски, одна из них на бывшем здании Пензенского реального училища (ныне многопрофильная гимназия № 4 «Ступени» им. Н.М. Пазаева).

Примечания

1. *Батова А.Н.* Дом, где родился и жил писатель В.П. Ставский // Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Пензенская область. М., 1985. С. 89–90.

2. *Ставский-Кирпичников В.П.* В первом бою // Трудовая правда.1924. 27 мая (№ 118). С. 2.

3. Там же.

4. *Ставский В.П.* Сильнее смерти. М., 1933.

5. *Лотышев И.* Летописцы Кубани: О журналистах, оставивших добрый след в истории кубанской прессы. Краснодар, 2008 .

6. *Погодин Н.* Владимир Ставский // Литературная газета. 1937. 1 дек. (№ 65). С. 3.

7. *Зуева Н.* Человек. Храбрейший из храбрых. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://portalus.ru/modules/warcraft/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1414579991&archive=&start_from=&ucat=&

8. *Яхневич В.* Судьба героев одной станицы // Правда.1957. 16 октября (№ 289). С. 4.

9. *Осипенко М.А.* П. Платонов и В.П. Ставский (новые материалы к биографии писателя) // Studia Litterarum. 2024. Т. 9. № 1. С. 304–341.

10. *Лобачёв А.* Это было в 1941-м // Вечерняя Москва. 1959. 8 мая (№ 107). С. 3.

11. *Ставский В.П.* Боевая орденоносная // Правда. 1941. 19 ноября (№ 321). С. 2.

12. *Пришвин М.М.* Дневники 1941–1941. СПб, 2019. С.135.

13. *Ставский В.П.* На севере. Публикуется впервые // Земля родная. 1953. № 10. С. 27–51.

14. *Лапин К.К.* Подснежник на бруствере: Записки снайпера Любы Макаровой. М., 1966.

15. *Королёв К.* Писатель-солдат // Сталинское знамя. 1943. 24 ноября (№ 238). С. 2.

16. *Савин О.М.* «Партия дала мне силы…» // Пенза литературная. Саратов, 1984. С. 184.

Личность в пензенском краеведении

Уважаемый читатель, мы предлагаем Вашему вниманию статью известного саратовского краеведа Вадима Михайловича Захарова (1949–2023). С ним нас связывали многие годы творческого сотрудничества и тёплой дружбы. Я горжусь, что мы с ним написали совместную обширную статью «Краевед из Князевки», которая увидела свет в Пензе на страницах «Исторических записок» в 2011–2013 гг. Многие аспекты истории Пензенского края нашли отражение в его монографиях: «Саратовская учёная архивная комиссия (1886–1920)» (2005), «Основатели саратовского краеведения: (А.Ф. Леопольдов и Г.С. Саблуков)» (2011), «Саратовское историческое краеведение 50–60-х годов XIX века: (Н.И. Костомаров и Д.Л. Мордовцев)» (2011).

Главный редактор

В.М. Захаров

САРАТОВ В ТРУДАХ КРАЕВЕДОВ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Проблемы значения термина «Саратов», места и времени его основания постоянно находились в поле зрении я краеведов, занимавшихся изучением прошлого Саратовского края.

Уже один из первых саратовских историков-краеведов А.Ф. Леопольдов высказал целый ряд соображений. Он связывал основание Саратова с комплексом мер, проводимых московским правительство для охраны Поволжья, которое «часто подвергался нападениям татар, самовольно кочевавших еще в степях заволжских; потому что этот народ не мог жить, не делая грабежей и разбоев. Сюда также приходили полчища дикарей с берегов Кубани»[1]. Безопасности региона также угрожали турецкий султан и крымский хан, пытавшиеся восстановить мусульманские государства на Волге.

В этой связи исследователь выделяет комплекс мероприятий правительства по охране нижневолжского края. Ещё после взятия Астрахани Иван IV строит Царицынскую крепость. А.Ф. Леопольдов верно отметил упоминание Царицына в «Книге Большому Чертежу», но время основания названо им произвольно. «Крепость, – говорит исследователь,– первоначально состояла из деревянного палисада с башнями. В каждой башне устроены были бойницы; в каждой бойнице находились постоянно два воина с огнестрельными оружием. В случае набега ордынцев мужчинам давали в помощь по несколько женщин, которые во время осады доставляли им съестные припасы, таскали камни, горячую воду и тем содействовали к отражению неприятелей»[2]. В 1584 г. из донских казаков было сформировано Волжское казачье войско. А.Ф. Леопольдов замечает, что слава волжских казаков «гремела от Азова до Искера, смиряя ногаев, утверждая власть московских венеценосцев над севером Азии»[3]. От Волжского казачьего войска часть казаков переселилась на Яик, где сформировались яицкие казаки.

После смерти Ивана Грозного эта политика была продолжена, и «в последние годы царствования Феодора Иоанновича, царя кроткого и благочестивого, устроены многие пограничные крепости»[4].

В числе этих крепостей, по мнению А.Ф. Леопольдова, был основан и Саратов.

«Город Саратов долго был не столько настоящим городом, сколько военным укреплением от набегов некоторых дикарей, а потом от разбойничьих шаек, носившихся по Волге»[5].

А.Ф. Леопольдов считал, что Саратов основан в 1591–1592 гг. в устье р. Саратовки на левом берегу Волги, ибо поставлен он был «для отражения набегов диких ордынцев, за Волгой кочевавших»[6]. Происхождение самого названия «Саратов» А.Ф. Леопольдов связывал с татарскими словами «сары» – жёлтый и «тау» или «тав» – гора. Исследователь полагал, что речь идёт об одном из холмов, расположенном на правом берегу Волги[7]. Он считал, что в устье Саратовки находилось татарское селение, которое затем передало свое название русской крепости[8].

Развалины левобережного Саратова существовали и в 30–40-е гг. XIX в. «Развалины его, – свидетельствует А.Ф. Леопольдов, – доселе видны на пространстве 22500 кв. сажен. Каменных строений в нем не было: заметны только ямы, бугры и груды кирпичей от развалившихся печей, самые валы разровнялись от времени. В развалинах, частию подмываемых Волгою, находят монеты тех времён и разные металлические вещи»[9].

По мнению исследователя, Саратов был сожжён татарами в 1605 г. и перенесён на правый берег Волги, где был укреплен деревянной стеною с башнями и воротами. «Саратов на новом месте имел гораздо более безопасности, хотя и здесь по временам всё ещё были на него набеги из-за Волги и с нагорной низовой стороны. Татары, ногаи и калмыки хотели выжить русских из этого обильного края, но русские сильно противились им»[10].

В основе этих выводов, по признанию самого А.Ф. Леопольдова, лежали народные предания. Но он был одним из первых краеведов, сравнительно точно определившим дату основания Саратова. И хотя его гипотеза о времени и месте основания города, в конечном счёте, была опровергнута С.С. Краснодубровским и А.А. Гераклитовым, она довольно долго господствовала в местной историко-краеведческой литературе[11].

Значительно осторожно к решению этой проблемы подошёл историк Н.И. Костомаров, проведший в Саратове почти десять лет в 1848–1858 гг. в качестве политического ссыльного. В Саратове историк напишет несколько исследований по местной истории. В отличие от А.Ф. Леопольдова, Н.И. Костомаров не считает возможным назвать точной даты основания Саратова, замечая, что город был заложен в царствование Фёдора Ивановича. «В каком именно году, – замечает исследователь, – подлинно неизвестно, потому что не отыскано ещё грамоты о построении его»[12]. По мнению Костомарова, Саратов был основан на левом берегу Волги, а в конце XVII столетия город был перенесён на правый берег. Говоря о первоначальном расположении Саратова на левом берегу Волги, Н.И. Костомаров руководствовался свидетельствами Олеария и Стюйса, наблюдавшими город на левом берегу Волги. Саратов действительно там находился в период 1617–1674 гг. Мотивом основания города на Волге Н.И. Костомаров считал необходимость охраны Волжского торгового пути.

В конце 1880-х гг. к проблеме места и времени основания Саратова, выяснения значения термина «Саратов» обратились члены Саратовской учёной архивной комиссии, созданной в 1886 г. Приближалась 300-летняя годовщина Саратова. Губернские власти желали её торжественно отметить, а члены комиссии хотели способствовать исследовательскими инициативами, уточняющими дату юбилея, стремились показать и администрации, и общественности значимость комиссии.

В 80–90-е гг. XIX в. краеведы Саратовской учёной архивной комиссии сформировали несколько гипотетических предположений.

Во-первых, это утверждение Ф.Ф. Чекалина, что «самые старые из городов нашего края – Царицын и Саратов – существовали в виде татарских крепостей, сохранивших за собою татарские названия»[13]. Исследователь в качестве основного аргумента привлекает свидетельство летописи Шерефетдина

Булгари, отмечавшего существование татарского города Сары-тау еще до 1504 г.

В докладе «Саратов на левом берегу Волги, и время перенесения его на правый берег», сделанном Чекалиным на VIII археологическом съезде, краевед попытался подкрепить вывод о превращении татарского Сары-тау в русский Саратов дополнительными аргументами. Он связывал местонахождение Сары-тау с расположением одного из становищ Батыя, обнаруженное летом 1253 г. Рубруком.

По мнению Чекалина, описание местности, сделанное Рубруком, вполне совпадает с местонахождением современного Саратова. Рассуждения Чекалина заслуживают внимания лишь в том случае, если предположить, что «новый посёлок», «который татары устроили вперемежку из русских и сарацинов, перевозящих послов, как направляющихся ко двору Бату, так и возвращающихся оттуда»[14], есть Увек. Более убедительным выглядит обращение Чекалина к картам братьев Пицигани и Фра-Мауро (1459), отмечавшим поселение на левом берегу Волги против Увека[15]. Однако из этого следует, что в XIV–XV вв. поселок Сары-тау существовал, но никоим образом не доказывает его связь с русским городом. Основан был Саратов, по мнению Ф.Ф. Чекалина, в период с1582 по 1586 г.[16]

Чекалин высказал ещё одну оригинальную мысль. Ссылаясь на свидетельства Олеария, посетившего Саратов в 1636 и 1638 гг., и Стрюйса, путешествовавшего по Волге в 1669 г., он полагал, что Саратов был первоначально на левом берегу Волги. Однако грамота 1614 г., содержащая выговор самарского воеводы стрелецким головам, посланным в мае 1614 г. в Астрахань арестовать Заруцкого и самовольно заезжавшим на так называемое Саратовское городище на поиски «поклажев», говорила о наличии остатков Саратова на правом берегу Волги. Тогда он сделал вывод о том, что на правом берегу Волги одновременно с левобережным Саратовом существовал торговый посад. На развалинах посада (Саратовское городище) и побывали, по мнению Чекалина, стрельцы. Путешественники XVII в. обнаружили только левобережный город, т. к. волжский фарватер проходил вдоль левого берега, и правобережную часть Саратова... они, как полагал Чекалин, не смогли заметить[17]. Все эти рассуждения представляются сомнительными, т. к. не подкрепляются какими-либо источниками.

Несколько иной точки зрения придерживался другой член Саратовской учёной архивной комиссии С.С. Краснодубровский, который в статье «Трехсотлетний юбилей Саратова» говорит, что Саратов был основан в 1590 г.[18], Чекалин счёл необходимым сослаться на научный авторитет профессора Г.И. Перетятковича, обратившего внимание на грамоту царя Фёдора астраханским воеводам Сицкому и Пушкину, датированной 7099 (1591) г., где Саратов назван «новым городом»[19]. При этом сам Перетяткович, исходя из недостаточности анализа документального материала, полагал: «О времени основания города Саратова и о мотивах, которые руководили правительством при построении его в известном месте, можно лишь догадываться»[20]. С.С. Краснодубровский решил предпринять дополнительные изыскания. Он попытался собрать доказательства, подтверждавшие, что Саратов не мог быть основан раньше 1590 г. Он обратил внимание на то, что в записках путешественников Фоскарини (1557) и Тисполли (1559) нет упоминания о наличии русских поселений между Казанью и Астраханью. Нет свидетельств о Саратове и у Борро (1581), однако обратившего внимание на развалины Увека. Нет Саратова в «Духовном завещании Ивана IV», составленном в 1572–1578 гг., в жалованных грамотах на беспошлинный провоз товаров по Волге Терентию Ситникову от 15 марта 1582 г. и Троице-Сергиевскому монастырю от 15 марта 1588 г.

Утверждения Краснодубровского вызвали возражения С.И. Кедрова. Он выступил в 1888 г. со статьями «Когда был основан го-

род Саратов?», «К вопросу о времени происхождения Саратова», подписанными криптонимом К.Б.[21] Во-первых, он полагал, что отсутствие Саратова в числе городов, упоминаемых Грозным в духовной, не даёт оснований говорить о том, что Саратов не существовал в 1572–1578 г., ибо в духовной Ивана IV не упоминается также город Тетюши, основанный, по мнению Перетятковича, к авторитету которого постоянно апеллирует Краснодубровский, в 1571 г. Не упоминаются в завещании Грозного и некоторые города Пермского края.

Во-вторых, С.И. Кедров подверг сомнению и безоговорочность провозных грамот. Он ссылается на то, что в грамоте Лжедмитрия I Московскому Новодевичьему монастырю на беспошлинный провоз соли и рыбы упомянуты Нижний Новгород, Казань и Астрахань, но не встречается Саратов.

Публикации Кедрова заставили С.С. Краснодубровского обратиться к новым фактам, которые он привёл в докладе «Год основания Саратова» в декабре 1889 г. на торжественном заседании Саратовской ученой архивной комиссии[22]. Во-первых, указывает он, у Перетятковича нет безоговорочного утверждения, что Тетюши основаны в 1571 г. Кроме того, по мнению Краснодубровского, первоначально название «Тетюши» носил не населённый пункт, а район рыбной ловли[23]. Во-вторых, комментируя завещание Грозного, исследователь замечает, что Пермскую провинцию Иван IV завещает старшему сыну Ивану полностью, а это не делало необходимым перечисления всех населенных пунктов. Поволжье делилось между царевичами Иваном и Фёдором, поэтому точный учёт городов был необходим для определения границ их владений[24]. В-третьих, Краснодубровский совершенно справедливо указал, что грамоты Лжедмитрия I, на которые ссылался Кедров, имеют несколько иное назначение, нежели грамоты, использованные Краснодубровским. Если последние давались судовладельцам и поэтому содержали перечень всех населённых пунктов, то первые лишь подтверждали права монастырей и хранились у настоятелей, не используясь в практической жизни, а следовательно, полный перечень населённых пунктов, где не платились провозные пошлины, не требовался. Однако в грамотах Лжедмитрия наряду с упоминанием Нижнего, Казани, Астрахани говорится, а также «по иным городам», что не исключало возможности вхождения в число «иных городов» и Саратова[25].

Внимательному изучению подверг Краснодубровский наказ царя Фёдора астраханским воеводам в 1591 г., в котором шла речь о жалобе купцов на то, что их суда слишком долго задерживаются в Астрахани и они вынуждены зимовать «на Волге меж Переволоку (Царицына) и Саратова, а иные меж Саратова и Самары»[26]. Следовательно, в 1591 г. Саратов уже существовал. В этом же наказе также шла речь о том, что волжский атаман Никита Болдырь в 1589 г. был разбит черкасами в районе Змеевых гор и вынужден был отступить к переволоке к князю Засекину. Краснодубровский справедливо предположил, что весной и летом 1589 г. Засекин, занятый строительством Царицынской крепости, не успел заняться Саратовом. Если допустить, что Саратов строил другой воевода, то Болдырю, разбитому у Змеевых гор, было бы ближе обратиться за помощью к саратовскому воеводе, а не к Засекину[27]. Обратил внимание Краснодубровский и на следующее обстоятельство. В 1589 г. Засекин посылает Болдыря на Чердым и Терешку ловить разбойничьего атамана Голощапа. Пойманный разбойник доставляется в Царицын. В 1590 г. Болдырь направляется на розыск Трени Щеголева и Саввы Долгого на Чердым уже из Саратова. Пойманные атаманы также отправлены в Саратов, а не удалённый Царицын[28]. С.С. Краснодубровский делает очень определённый вывод: «Саратов был основан в 1590 г.».

Самостоятельную версию основания Саратова даёт член архивной комиссии А.И. Шахматов, выпустивший в 1892 г. книгу «Исторические очерки города Саратова

и его округи». Он утверждает, что Саратов и Царицын были преобразованы из пограничных станиц в 1585 г. Борисом Годуновым, возглавлявшим Казанский приказ[29]. Однако А. Готовицкий убедительно доказал, что рассуждения А.И. Шахматова о станицах, ставших городами, не подкрепляются документами и представляют досужий вымысел автора[30].

Первоначальным местоположением города единодушно признавался левый берег Волги. «Старый город, – говорит С.С. Краснодубровский, – стоял на Саратове лет 80 или 90, а потом, вероятно, после какого-нибудь большого пожара, окончательно перенесен на Глебучев Овраг к Соколовой горе»[31]. Эту мысль продолжил А.И. Шахматов: «Город Саратов первоначально находился на луговой стороне реки Волги, на левом берегу, отделявшимся от коренного течения реки большим островом при устье речек Саратовок, которые впадали в рукав Волги»[32].

Единодушными оказались краеведы в решении вопроса о причинах основания Саратова. А.И. Шахматов связывал основание Саратова с целой системой мер, проводимых правительством с середины XVI в. для «обеспечения и ограждения тыла Московского войска от диких племен, кочующих по всему поволжскому прибрежью»[33]. О необходимости защиты Волжского торгового пути от кочевников Заволжья говорит С.С. Краснодубровский[34].

Различные точки зрения у саратовских краеведов сложились при выяснении значения термина «Саратов». Уже в первые месяцы существования Саратовской учёной архивной комиссии М. Готовицкий на одном из заседаний выступил со специальным сообщением на эту тему. Считая, что русскому Саратову предшествовал татарский Сары-тау, он последнее название производил от слова «сарт», что должно означать оседлого жителя[35]. А.Н. Пыпин познакомил с этим мнением учёных-лингвистов М.А. Гамазова и А. Баязитова, которые отвергли это предположение категорически, считая крайне произвольным. «Слово оседлость или удобнее к поселению место, – справедливо замечал А. Баязитов, – слишком широко в понятии; оно могло бы поэтому примениться по всему побережью Волги»[36].

Большинство членов СУАК соглашалось с утверждением, что «Сара-тау» следует переводить как «жёлтая гора». Считалось: «жёлтой горой» следует называть Соколову гору, расположенную напротив левобережного Саратова. Особую точку зрения попытался занять А.И. Шахматов, полагавший, что название «желтая гора» не может быть связано с Соколовой горой, якобы поросшей в XVI в. дремучим лесом. Шахматов считал, что название «Саратов» надо перевести как удобное, ровное место, что соответствовало его левобережному положению[37]. В 1920-е гг. А.А. Гераклитов справедливо отметил, что версия Шахматова является произвольной. В начале XX в. саратовский агроном Н. Димо установил, что структура почв Соколовой горы не соответствует структуре почв густого леса[38].

Вновь эти проблемы рассматриваются членами СУАК в 1913–1914 гг. в статьях и докладах В.П. Юрьева, П.Г. Любомирова, А.А. Гераклитова. Побудительным началом являлось празднование трехсотлетнего юбилея Дома Романовых.

В 1913 г. в газете «Саратовский вестник» было опубликовано исследование В.П. Юрьева «Саратов при первых Романовых»[39]. Он утверждал, что в XVI в. Саратов был основан на правом берегу Волги, ссылаясь на жалобы ногайских ханов на строительство русских крепостей по Волге, в частности, упоминавших русский город на Увеке. Юрьев обратил внимание на разграничение Саратовского городища на правом берегу Волги и города Саратова на левом берегу в грамоте самарского воеводы 1614 г., что также подтверждало, по его мнению, что первоначально Саратов возник на правом берегу Волги.

Точка зрения Юрьева была поддержана П.Г. Любомировым в специальном докладе, прочитанном в феврале 1913 г. на заседании СУАК[40]. Любомиров признал утверждение

В.П. Юрьева о том, что первоначально Саратов был основан на правом берегу Волги. Однако он полагал, что город не мог быть основан на Увеке, развалины которого были хорошо известны путешественникам XVI в., молчавшим о русском городе на Увеке. Любомиров обратил внимание на то, что нет документальных материалов, говорящих о существовании Саратова в 1590 г. на левом берегу Волги. Левобережный Саратов, по мнению исследователя, появляется лишь после смутного времени, что подтверждалось всеми упоминаниями о левобережном Саратове.

В 1590 г. Саратов, как полагал П.Г. Любомиров, был основан на месте современного города в районе Казанской церкви. Вместе с тем исследователь утверждал, что в 1614 г. стрельцы занимались кладоискательством на развалинах все-таки Увека.

П.Г. Любомиров подверг сомнению утверждение всех предшествующих историков о том, что назначение волжских городов, в том числе и Саратова, заключалось в охране юго-восточных границ от ногайцев, чем и объяснялось основание Саратова на левом берегу. Он полагал, что происходивший во второй половине XVI в. распад Ногайской Орды снимал вопрос о необходимости строительства крепостей для защиты русских территорий от ногайцев. С точки зрения Любомирова, русское правительство в 80–90-е гг. XVI в. больше было озабочено продвижением на Волгу казачьих отрядов с Дона, что и делало необходимым строительство Саратова на правом берегу. Позднейшие историки справедливо упрекали П.Г. Любомирова в преувеличении процесса распада Ногайской Орды и преуменьшении ногайской опасности[41].

Эти же проблемы были рассмотрены А.А. Гераклитовым в статье «Где был построен Саратов в 1590 году?», опубликованной в 1914 г. в трудах СУАК[42]. Признавая в целом справедливость вывода об основании Саратова на правом берегу Волги, Гераклитов высказал по вопросу о месте основания города самостоятельные и довольно убедительные соображения.

Гераклитов подверг сомнению утверждения, что Увек был тем городищем, на котором в 1614 г. стрельцы искали клады. Название «Увек», по мнению Гераклитова, было хорошо известно, и вряд ли его могли именовать Саратовским городищем. Во-вторых, стрельцам, посланным арестовать Заруцкого, было предписано действовать с чрезвычайной срочностью. Поэтому, рассуждал Гераклитов, они не решились бы первоначально спуститься вниз по течению, а затем на вёслах подняться вверх против течения[43].

Гераклитов считал, что Саратовское городище следует искать вверх по Волге от современного города. В качестве главного аргумента исследователь ссылается на один из документов, хранившийся в архиве СУАК. Это была владетельная запись на пожню, находившуюся в Курдюмских и Чердымских займищах, саратовского воеводы Г.С. Юсупова саратовскому конному стрельцу Климу Гордееву от 27 июля 1681 г. Местоположение пожни определяется «на старом городе Саратове». Именно на этом «старом городе Саратове», полагал Гераклитов, останавливались стрельцы в 1614 г.[44]

Кроме того, в пользу этой версии, полагал Гераклитов, свидетельствовали события, связанные с посольством князя Засекина в Персию в 1600 г. В октябре 1600 г. одно из судов посольства потерпело крушение «против Курдюма-острова, не дошед до Саратова за семь верст»[45]. Гераклитов полагал, что под «Курдюм-островом» следует понимать остров при впадении речки Курдюм в Волгу. Если отсчитать семь вёрст от середины этого острова, то можно оказаться в районе с. Пристанного, близ которого и находилась пожня стрельца Гордеева. Точка зрения А.А. Гераклитова получила распространение и в современной литературе[46].

Примечания

1. *Леопольдов А.Ф.* Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. С. 29.

2. Там же. С. 28.
3. Там же. С. 31.
4. Там же. С. 32.
5. *Леопольдов А.Ф.* Очерк Саратовского уезда // Саратовские губернские ведомости. 1844. № 19.
6. *Леопольдов А.Ф.* Исторический очерк Саратова и пугачевщины. Саратов, 1874. С.1.
7. *Леопольдов А.Ф.* Местоположение Саратова // Саратовские губернские ведомости. 1843. № 35.
8. *Леопольдов А.Ф.* Краткий исторический очерк г. Саратова // Саратовские губернские ведомости. 1844. № 40.
9. *Леопольдов А.Ф.* Исторический очерк Саратовского края… С. 32–33.
10. *Леопольдов А.Ф.* Местоположение Саратова // Саратовские губернские ведомости...
11. *Краснодубровский С.С.* Рассказ про старые годы Саратова. Саратов, 1891. С. 16–18; *Гераклитов А.А.* Где был построен Саратов в 1590 году? // Труды Саратовской учёной архивной комиссии. Вып. 31.
12. *Костомаров Н.И.* Очерк истории Саратовского края от присоединения его к Российской державе до вступления на престол императора Николая I // Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год. Саратов, 1858. С. 2.
13. *Чекалин Ф.Ф.* Древние обитатели Саратовской губернии // Саратовская учёная архивная комиссия. Протокол VI общего собрания. Саратов, 1888. С. 9.
14. *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. М. 1957. С. 118.
15. *Чекалин Ф.Ф.* Саратов на левом берегу Волги и время перенесения его на правый берег // Труды VIII археологического съезда в Москве. М., 1897. Т. III. С. 57–59.
16. Там же. С. 59.
17. *Чекалин Ф.Ф.* Саратов на левом берегу Волги и время перенесения его на правый берег. С. 59.
18. Саратовский листок. 1888. № 19.
19. *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV и XVI веках. (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 320.
20.Там же. С. 318.
21. Саратовский дневник. 1888. № 139. № 192.
22. Труды Саратовской учёной архивной комиссии (СУАК). Т.1I. Вып. 2. С. 435–464.
23. Там же. С. 447–449.
24. Там же. С.449–450.
25.Там же. С.456.
26. Там же. С. 457.
27. Там же. С.459.
28. Там же. С. 462.
29. *Шахматов А.И.* Исторические очерки города Саратова и его округи. Саратов, 1891. С. 76.
30. Библиографические записки. 1892. № 3. С. 147.
31. *Краснодубровский С.С.* Рассказ про старые годы Саратова. Саратов, 1891. С. 18.
32. *Шахматов А.И.* Исторические очерки города Саратова и его округи. С. 76.
33. Там же С. 77.
34. *Краснодубровский С.С.* Рассказ про старые годы Саратова. С. 16.
35. Протокол заседания СУАК. Саратов, 1888. № 4. С. 4.
36. Протокол заседания СУАК. Саратов, 1888. № 6. С. 5.
37. *Шахматов А.И.* Исторические очерки города Саратова и его округи. С. 81.
38. *Гераклитов А.А.* История Саратовского края в XVI–XVIII веках.
39. Саратовский вестник. 1913. № 43.
40. Саратовский вестник. 1913. № 56.
41. См.: *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в 1-й пол. XVII в. М.-Л., 1948. С. 198–200; *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI в. М., 1962. С. 137; *Осипов В.А.* Саратовский край в XVI–XVII вв. Саратов, 1976. С. 135–137.
42. Труды СУАК. Вып. 31. С. 29–37.
43.Там же. С. 31.
44. Там же. С. 32
45. Там же. С.36.
46. Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов, 1983. Т. I. С. 28.

ТАЙНЫ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

А.В. Вержбовский

«АДСКИЙ ШЕФ»: ТЮРЕМНАЯ КУЛИНАРИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Питание в местах лишения свободы традиционно остаётся одной из самых дискуссионных тем для тех, кто интересуется повседневной жизнью пенитенциарных учреждений. Заключённые, независимо от тяжести совершенных ими преступлений, имеют право на достойные условия содержания, включая сбалансированное питание. Однако реальность иногда не соответствует нормативным стандартам: однообразное меню, низкое качество продуктов и недостаточная калорийность рациона становятся повседневной проблемой для сотен людей за решёткой. Чего уж говорить о «лагерях» дореволюционных, когда о калорийной пище и вовсе приходилось лишь мечтать. Как же с этим обстояло дело в Пензенской губернии во второй половине XIX в.?

Вообще, осуждённым было положено, как минимум двухразовое питание – обед и ужин. Разнообразием оно не отличалось. Обычно на обед арестантам давали щи с говядиной, хлеб и кашу, на ужин – суп картофельный, хлеб, а также кашу. Кстати, лицам благородного сословия дополнительно полагалось по 15 коп. в день на улучшение пищи. Были ли эти тюремные блюда калорийными? Ответ на любопытный вопрос даёт раскладка припасов в губернском тюремном замке. Согласно ей, в щи на одного человека шло 45 граммов говядины. Впрочем, иногда, в отсутствии мяса, заключённым давали сало[1]. Сам же состав тюремных щей был максимально простым: капуста, картофель и мясо. Бывало, что иногда могли и не досолить. Из-за этого осуждённым нередко приходилось тратить деньги на личную соль. Как выглядела и какой по вкусу являлась де-факто «лагерная» баланда, красочно говорит рапорт губернского воинского начальника за 1866 г.: «При посещении мною тюремного замка, я нашёл пищу, приготовленную для арестантов очень дурной: густой и чёрной до такой степени, что нельзя было разобрать: кашица ли это, щи или грибная похлёбка, – по расспросу оказалось щи из серой капусты. Донося об этом, имею честь присовокупить, что пищу, приготовляемую в тюремном замке, дурного качества я нахожу не в первый раз, и мне заявляли о том арестанты»[2].

За обедом. Из фондов ГАПО

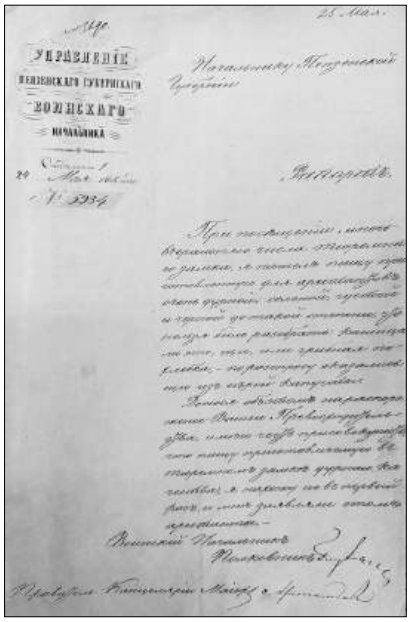
Заявлений на скудное питание и вправду имелось немало. Осуждённые даже жаловались губернатору. Так, например, в ноябре 1894 г. было направлено массовое прошение с просьбой увеличить порции блюд за счёт поступавших в тюрьму подаяний. В ходе разбирательств заключённым отказали, но зато разнообразили меню: добави-

лось два новых блюда – щи с рыбой и гороховая каша. Кроме того, было принято решение об увеличении порций по праздничным дням[3].

Иногда скудный рацион удавалось дополнить как раз подаяниями от граждан и меценатов. В тюрьму привозили говядину, мясо кур, яйца, крупы, овощи, изредка фрукты. Но так было не всегда. В период голода 1891–1892 гг. отпуск продуктов в остроге заметно снизился, пища стала более постной. «На продовольствие десяти человек в день следует отпускать на печение чёрного хлеба ржаной муки, на изготовление в скоромные дни щей, на постный суп картофель и постное масло», – говорится в приказе начальника тюрьмы. В итоге, нередко арестантам приходилось покупать продукты из собственных средств, которые и так удавалось заработать с огромным трудом и тяжёлой физической силой[4].

Хуже было положение тех, кто за нарушение режима попадал в карцер. «Арестуемые с содержанием на хлебе и воде в отдельной камере получают только чрез два дня в третий горячую пищу», – говорилось в официальных циркулярах о содержании арестантов. А вот в тюремном лазарете дела обстояли гораздо лучше. Там выдавали экстра-порции, при этом каждый суп был мясным, дополнительно больным полагались котлеты, рыба, каши и кисель. Выходит, что лазарет для заключённых являлся своего рода санаторием, где можно было не только не работать, но и относительно хорошо питаться[5].

Где же готовили пищу для арестантов? Кухни и пекарни (всего в количестве трёх помещений) находились прямо в тюремном замке на 1-м этаже. При них имелось 5 печей и масса разного инвентаря. Впрочем, большая их часть была совершенно негодной для употребления. В описи тюремного имущества со сколами, дырками, ветхими от старости и просто сломанными значатся кухонные столы, скамейки, шкафы, котлы, кружки, плита, бадьи, жернова, бочки, уша-



Рапорт о некачественной пище. Из фондов ГАПО

та и многое другое. Посуда, из которой питались заключённые, состояла из деревянных мисок. Состояние сих приборов было удручающим. Из рапорта смотрителя пензенского тюремного замка: «По неимению в замке помещения посуда большей частью стоит на дворе и от солнечного зноя рассыпается так, что без вторичного исправления негодна бывает на употребление»[6].

Повара на тюремной кухне были штатными, но из среды местных заключённых, как и вообще многие другие специалисты на «зоне». При этом каждый из них отвечал за свой фронт работы и имел чёткую специализацию: при остроге трудились пекари, кашевары, квасники и главный по кухне, по-современному шеф-повар. Именно от последнего специалиста зависело качество блюд и их вкус. Судя по архивным документам, шеф-повара не всегда обладали кулинарным чутьём и умели хорошо готовить. Поэтому в отчётах и попадаются данные, что на обед вынесли ни то кашу, ни то грибную похлёбку. Самим же поварам полагалась ещё и плата. Прибыльнее всего было кашеварить в губернском замке – там давали по 3 копейки в день на человека, в то время как в тюрьмах уездных каждый повар получал только по одной копейке[7].

И ещё один характерный момент о продовольствии. Заключённые не всегда горели желанием работать. Во-первых, в большинстве случаев это тяжёлый физический труд, как например, мощение улиц, разгрузка обозов, очистка площадей от мусора, лесозаготовка и т. п. Во-вторых, оплата зачастую оказывалась низкой. Однако когда речь заходила о пропитании, поработать на тюремный огород выходили многие арестанты. Из документов видно, что для себя с особым усердием они выращивали капусту, картофель, лук и просо. В общем, делали всё, лишь бы улучшить собственное довольствие[8].

Примечания

1 Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф.19. Оп.1. Д. 201. Лл. 5–6.
2 ГАПО. Ф.19. Оп.1. Д. 108. Л. 1.
3 Там же. Д. 252. Лл.3–6.
4 Там же. Д. 201. Лл.13, 18–19.
5 Там же. Д. 134. Л. 70; Д. 92 Лл. 1–6.
6 Там же. Д. 134. Лл.1-3; Д. 43. Л. 66.
7 Там же. Д. 258. Лл.18–19.
8 Там же. Д. 234. Лл. 29, 33, 52.

В.К. Голяс, Е.Е. Жаринова

ПЕНЗЕНСКИЕ СПОРТСМЕНЫ НА ВСЕМИРНЫХ УНИВЕРСИАДАХ

(Продолжение. Начало № 2 (50) 2024)

Первая публикации на данную тему вызвала большой интерес в спортивном сообществе: к нам стали обращаться неравнодушные к делу сохранения исторической памяти единомышленники и делиться накопленными материалами по истории пензенского спорта, что позволило выявить ещё нескольких сурских спортсменов – участников Всемирных универсиад и уточнить уже опубликованные ранее сведения.

Напомним, что Универсиада – крупнейшее мультиспортивное мероприятие, в котором участвуют студенты. Требования, которые предъявляются к спортсменам: атлет должен быть не моложе 17-ти и не старше 28-и лет на 1 января года проведения соревнований; допускаются только действующие студенты высших учебных заведений, либо спортсмены, окончившие вуз не раньше года до старта универсиады.

Зимние и летние Всемирные студенческие игры проводятся раз в два года. 2025 г. является годом XXXII Всемирной летней универсиады. Универсиада–2019 в итальянском Неаполе – последняя, в которой довелось принять участие россиянам. В 2021 г. ни зимняя (в швейцарском Люцерне), ни летняя (в китайском Чэнду) не состоялись из-за пандемии COVID-19. В следующих трёх форумах – летнем в Чэнду–2023 и зимних в американском Лейк-Плэсиде–2023 и итальянском Турине–2025 по различным причинам российские спортсмены участие не принимали.

В апреле 2025 г. на встрече представителей Российского спортивного студенческого союза (РССС) и руководства FISU Президент Международной федерации университетского спорта Леон Эдер подчеркнул, что «университетский спорт способен укрепить чувство общности, … что необходимо в любой ситуации»[1], поэтому российские спортсмены смогут выступать на Универсиаде–2025 в нейтральном статусе.

В сборную России вошли 48 чел., представляющие девять видов спорта. Это гребной спорт, дзюдо, настольный теннис, плавание, прыжки в воду, стрельба из лука, теннис, тхэквондо и фехтование.

К сожалению, представителей пензенского спорта в их числе не оказалось.

Всемирная летняя универсиада 2025 г. (официальное название — XXXII Всемирные летние студенческие игры, а также Рейн-Рур 2025) проходила с 16 по 27 июля 2025 г. в пяти городах Рейнско-Рурского региона и в Берлине (Германия). В рамках соревнований были разыграны 234 комплекта наград в 18 видах спорта: в баскетболе, баскетболе 3х3, водном поло, плавании, прыжках в воду, волейболе, пляжном волейболе, гребле, дзюдо, легкой атлетике, теннисе, настольном теннисе, бадминтоне, спортивной гимнастике, художественной гимнастике, стрельбе из лука, тхэквондо, фехтовании. Впервые включен паралимпийский вид спорта – баскетбол на колясках.

Девиз Универсиады – «Лето с отличием» (нем. Sommer Cum Laude). Символом всемирного спортивного студенческого форума 2025 г. стал сокол-сапсан Ванда, который символизирует Рейнско-Рурский регион.

Российские студенты-спортсмены получили на универсиаде 16 наград: 6 золотых, 6 серебряных и 4 бронзовых.

Поздравляем нашу команду!

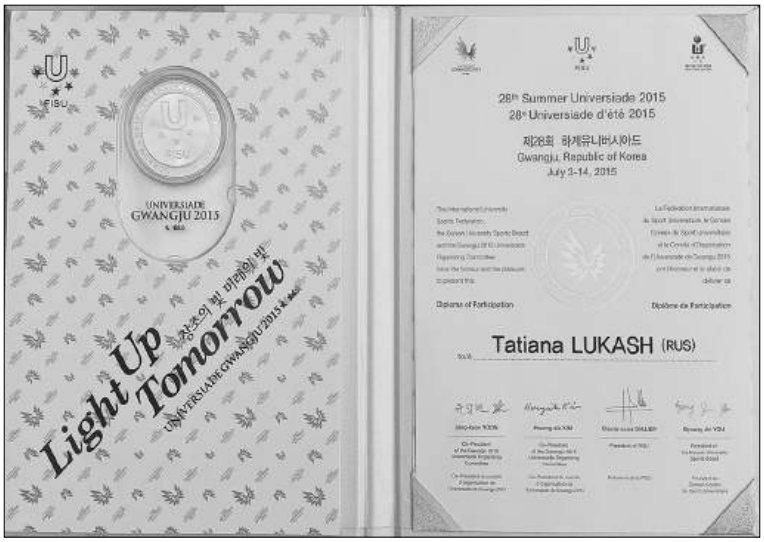
Возвращаясь к истории участия пензенских атлетов в данных состязаниях, в первую очередь хотелось бы вспомнить XII Всемирную летнюю универсиаду в Эдмонтоне (Канада) 1983 г. Сборная СССР была первой в общекомандном зачёте, завоевав 113 медалей: 58 золотых, 30 серебряных и 25 бронзовых наград

В состав советской сборной впервые вошли представители пензенской легкой атлетики Виктор Петрович Калинкин (мастер спорта СССР международного класса) и Вячеслав Михайлович Смирнов (мастер спорта СССР международного класса). А бронзовую медаль в копилку страны принесла Татьяна Геннадьевна Белякова (Лукаш) (мастер спорта СССР международного класса). На тот момент Татьяна Геннадьевна имела уже большой опыт участия в международных состязаниях: была серебряным призёром чемпионата Европы и серебряным призёром чемпионата СССР в 1981 г.,

Сборная команда СССР по прыжкам в воду на XII Всемирной летней универсиаде в Эдмонтоне (Канада, 1983). Крайняя справа Т.Г. Лукаш (Белякова). Из личного архива Т.Г. Лукаш

что и позволило ей стать одной из лучших и на таких масштабных соревнованиях, как Всемирная универсиада. Татьяна Белякова стала третьей в прыжках с вышки. Следующей универсиадой, уже в качестве тренера, для Татьяны Лукаш стала XXVIII Всемирная летняя универсиада

Бронзовая медаль призера XII Всемирной летней универсиады в Эдмонтоне (Канада, 1983) Т.Г. Лукаш (Беляковой). Из личного архива Т.Г. Лукаш



Диплом участника XXVIII Всемирной летней универсиады в Кванджу (Республика Корея, 2015). Из личного архива Т.Г. Лукаш

в Кванджу (Корея), где ее воспитанник Игорь Андреевич Мялин собрал полный комплект наград всех достоинств.

Как мы уже говорили в предыдущей публикации, Сурский край на XXI универсиаде в Пекине (2001) представляли три спортсменки – две воспитанницы пензенской школы гимнастики – Ю.В. Ишкулова (мастер спорта России международного класса) и О.В. Угарова (Князькина) (мастер спорта России международного класса), а также пловчиха Н.В. Сутягина (Шарафутдинова) (заслуженный мастер спорта России). Сборная команда России завоевала 53 награды: 14 золотых, 19 серебряных и 20 бронзовых. На счету у пензенских спортсменок было пять медалей. Помимо трёх медалей в спортивной гимнастике, в плавании Наталья Сутягина принесла в общую копилку не только медаль серебряного достоинства на дистанции 100 м баттерфляем, но и бронзу в комбинированной эстафете 4х100 м.

Серебряная и бронзовая медали призера XXI Всемирной летней универсиады в Пекине (Китай, 2001) Н.В. Шарафутдиновой (Сутягиной). Из личной коллекция Н.В. Шарафутдиновой

На XXII Всемирной летней универсиаде в г. Тэгу (Южная Корея, 2003) российская сборная стала второй в общекомандном зачёте, завоевав 82 награды. По уточнённым данным, пензенский спорт представляли две спортсменки. В предшествующей публикации мы рассказали о О.В. Угаровой (Князькиной), принесшей в общую копилку бронзовую медаль в командных соревнованиях. В этой публикации более подробно хотелось бы сказать о представительнице зареченской школы плавания Ирине Валентиновне Раевской (мастере спорта России международного класса).

С 1999 г. Ирина Валентиновна входила в состав сборной команды России. Уже в юниорском возрасте она начала завоёвывать международные награды: в 1997 г. заняла первое место на 20-м Юношеском международном фестивале в немецком Бонне. В 1998 г. стала победительницей Международных юношеских соревнований в португальском Лиссабоне и выиграла золото и серебро на I Всемирных юношеских Олимпийских играх в Москве, приняла участие в XXVII летних Олимпийских играх в Сиднее

(Австралия), показав 19-й результат в плавании на спине на дистанции 200 м. На корейской универсиаде Ирина Валентиновна стала 5 в эстафете 4х100 м.

Пензенскую школу прыжков в воду на трёх Всемирных летних универсиадах – XXIV в Бангкоке (Таиланд, 2007), XXV в Белграде (Сербия, 2009) и XXVII в Казани (Россия, 2013) представляла и Надежда Валерьевна Бажина (заслуженный мастер спорта России). В 2001 г. Надежда Бажина была включена в молодёжный состав сборной команды России по прыжкам в воду, а в 2004 г. вошла в основной состав. Норматив «Мастер спорта России международного класса» Надежда Валерьевна выполнила в 2003 г. В 2012 г. ей было присвоено звание Заслуженноо мастера спорта России по прыжкам в воду. Н.В. Бажина – участница XXX Олимпийских игр в Лондоне (Великобритания, 2012) и XXXI Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро (Бразилия, 2016).

Несколько уточнений следует также сделать по итогам участия студентов Института физической культуры и спорта Пензенского государственного университета в зимних состязаниях.

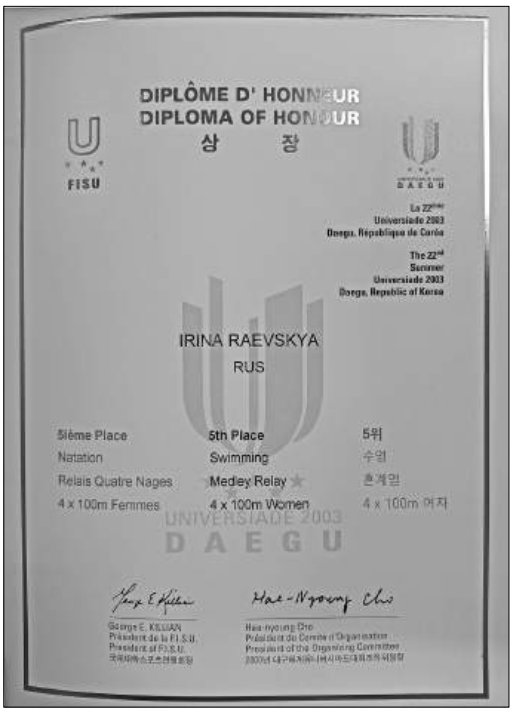
Так, на XXVIII Всемирной зимней универсиаде 2017 г. в Алма-Ате (Казахстан), где первенствовали российские атлеты, выпускники ПГУ, лыжники Валерий Викторович Гонтарь (мастер спорта России международного класса) и Владимир Александрович Фролов (мастер спорта России) добавили в общий зачёт пять медалей. Валерий Викторович четыре раза поднимался на пьедестал. На его счету две золотые медали (в индивидуальной гонке на 10 км и в эстафете 4х7,5 км) и две серебряные (в гонке преследования на 10 км и в масс-старте на 30 км). А согласно профайлу спортсмена,[2] Владимир Александрович завоевал серебро в спринте.

В состав российской сборной по хоккею на данной универсиаде входил игрок пензенского клуба «Дизель», на тот момент студент ПГУ, Александр Андреевич Тарасов.

Сувенирная гибкая пластинка XII Всемирной летней универсиады в Эдмонтоне (Канада, 1983). Из личной коллекции В.П. Калинкина

В ходе игр он забросил две шайбы, сделал четыре результативные передачи и вместе с командой заслуженно получил золото.

12 марта 2019 г. завершилась XXIX Всемирная зимняя универсиада, которая проходила в Красноярске с участием 1 692 спорт-



Почётный диплом XXII Всемирной летней универсиады в Тэгу (Республика Корея, 2003). Из личного архива И.В. Раевской

сменов из 58 стран, разыгравших 76 комплектов наград в 11 видах спорта. В программу соревнований были включены: биатлон, горнолыжный спорт, кёрлинг, шорт-трек, лыжные гонки, сноубординг, спортивное ориентирование, фигурное катание на коньках, фристайл, хоккей с мячом, хоккей с шайбой. По инициативе организаторов, в программу впервые вошли хоккей с мячом и спортивное ориентирование на лыжах. В общекомандном зачёте первенствовала сборная России – 112 медалей (41 золотую, 39 серебряных и 32 бронзовых).

Талисманом универсиады стала U-лайка (Юлайка) – сибирская лайка, символ верности, дружелюбия, радости и неукротимой энергии. Слоганы – Real Winter («Настоящая зима») и Welcome to Winter («Добро пожаловать в зиму»).

Студентка Пензенского госуниверситета, лыжница Екатерина Алексеевна Смирнова (мастер спорта России) стала чемпионкой универсиады в эстафете и трёхкратным серебряным призёром зимней универсиады в индивидуальных лыжных гонках (5 км, гонка преследования 5 км и масс-старт 15 км).

В заключение хотелось бы ещё раз подчеркнуть значение студенческого спорта, с одной стороны, как спорта массового, направленного на физкультурную, спортивную и оздоровительную работу с молодёжью, а с другой стороны, спорта высших достижений, направленного на результативность выступлений на всемирных летних и зимних универсиадах, что, в свою очередь, является одним из этапов большого пути спортсмена к Олимпийским играм.

Примечания

1. Стал известен состав российской делегации для участия в летней универсиаде в Германии [Электронный ресурс] // Sportbox.ru. 4 июля 2025 года. URL: https://news.sportbox.ru/universiade/spbnews (дата обращения: 24.07.2025)

2. Федерация лыжных гонок России. Электронный ресурс. URL: https://flgr-results.ru/athletes/103471/?page=7 (дата обращения: 24.07.2025).

Н.Н. Котин

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

В некоторых сёлах есть особые места, которые помнят и которые чтут односельчане. В своё время мой дед И.Н. Шошкин собирал материал о первых коммунарах, тех, кто стоял у истоков построения нового.

В Мокшанском районе, на моей малой Родине, есть два места, связанных с такими людьми. В с. Долгоруково при входе на сельское кладбище, стоят два обелиска, на металле которых написано: «Сенькин Осип Васильевич злодейски убит 15 июля 1922 года бандитами-антоновцами». Читаю воспоминания деда, когда-то тоже председателя колхоза «Путь Ильича»: «Осип Васильевич был организатором сельскохозяйственной артели имени Розы Люксембург, членами которой являлись также Князькова Евдокия Ивановна и Сенькина Ульяна Михайловна. Сведений о других жителях, участниках событий не сохранилось».

На другом обелиске написано: «Здесь похоронен Коммунист 20-х годов Щеглаков Иван Ефимович». Он организовывал и укреплял Советскую власть в 1920-х гг., был председателем сельского совета, создал первое коллективное хозяйство.

Дед вспоминает: «В 1974 году я перенёс прах Щеглакова И.Е. из центра села на кладбище и пока был в силе, ухаживал за могилами. Сажал цветы, поливал их, кра-

Обелиск на могиле О.В. Сенькина. Кладбище с. Долгоруково

сил ограду». А вот что написал мне житель села, бывший директор школы Александр Яковлевич Сенькин: «В 20-х годах за рекой Мокшей было большое поселение. Сенькин О.В. организовал там коллективное хозяйство, называлось «Коммуна». Сейчас забыл, как называлась банда, действующая в наших краях. Его убили как организатора коллективного хозяйства. Щеглакова И. Е. убили как председателя сельского Совета. Он был похоронен в селе около сельского совета, рядом с современным Домом культуры. Шошкин перезахоронил его на кладбище рядом с Сенькиным О.В.». Сейчас это место в запустении, и даже надписи почти нечитаемы.

В Чернозерье, в самом центре села находится памятник из кирпича и обелиск, с надписью: «Здесь похоронен коммунист 20-х годов Потапов Дмитрий Алексеевич. 14 августа 1921 года он погиб от рук бандитов в борьбе за Советскую власть. Память о нём на долгие годы сохранится в сердцах жителей села Чернозерья». На высоком обелиске написано: «Жителям села Чернозерье – борцам за установление Советской власти».

Елена Сироткина, учитель Чернозерской школы рассказывает: «Мы с учениками решили выяснить, как происходило становление Советской власти в селе, в районе, используя архивные материалы. От родственников узнать о самом участнике повествования. События того времени были очень непростыми многосложными. Историю вершили люди, вдохновлённые идеями равенства, счастливой жизни. Они проливали кровь за наше светлое будущее. Не всегда эта история была светлой сказкой. Есть страницы, которые не все хотят вспоминать, т. к. они окрашены кровью в багряный цвет. Это 1918 г. – “белые” и “красные” – год братоубийства в огромных масштабах».

В революционном вихре…

До лета 1918 г. крестьянство Мокшанского уезда поддерживало деятельность Советов. Но политика большевиков привела к ухудшению их положения. Трагическими

Обелиск борцам за Советскую власть и памятник Д.А. Потапову в центре с. Чернозерье

событиями была охвачена вся Пензенская губерния, в том числе и Мокшанский уезд. 3 ноября 1917 г. по указанию В.И. Ленина в Пензенскую губернию для установления Советской власти были направлены опытные большевики В.В. Кураев, Г.Я. Гринштейн и несколько матросов Балтийского фронта. 21 декабря 1917 г. власть в г. Пензе перешла в руки большевиков. По всей губернии росла агитация за их власть, усилилось крестьянское движение: громили имения помещиков, владения зажиточных крестьян, отбирали инвентарь, скот, зерно, муку, захватывали помещичьи заводы и склады с продукцией.

Мокшанский уезд вышел на первое место по количеству крестьянских выступлений – 46. Агитационную работу в уезде возглавлял опытный большевик, преподаватель гимназии Илья Михайлович Охлопков. Особая работа велась по подготовке к выборам в Учредительное собрание – 5 января 1918 г. Выборы показали, что на первое место вышли эсеры, а большевики оказались на втором. Такое положение было по всей губернии. Для изоляции реакционных сил и подготовки уездных съездов Советов в Мокшан в январе 1918 г. из Москвы и Петрограда были присланы опытные революционеры. Несмотря на сильное сопротивление, в феврале 1918 г. в Мокшане провозгласили установление Советской власти.

Принимается закон о национализации земли, который провозгласил переход земли из частной собственности в общенародную. Всё недвижимое имущество было изъято и передано в собственность государства. Крестьяне, мало понимая действие Декрета о национализации, восприняли его, как указание к действию. Например, долгоруковские крестьяне на сходе решили не только поделить спирт с винокуренного завода помещицы Салтыковой-Головкиной, но и разобрали по кирпичику помещение и вынесли всё оборудование.

В итоге крестьянство получило землю, движимое и недвижимое имущество.

Борьба за власть Советов продолжалась и в с. Чернозерье, где она была установлена весной 1918 г. Земля и имущество помещика Пучкова перешли в руки народа. Его имение, расположенное в стороне от села, было большое и красивое. Сам Пучков жил в Воронеже, иногда приезжал в имение.

Первым органом Советской власти был Комитет бедноты. В него вошли Тимофей Иванович Боков и Дмитрий Алексеевич Потапов. Председателем был избран Дмитрий Алексеевич. В селе послереволюционные годы были очень тяжёлыми: начало Гражданской войны, разделение на «белых» и «красных». Белогвардейские банды омыли село кровью. В Мокшанском уезде такую банду возглавлял человек по кличке «Огонёк» (Беспалов). Банда нападала на мирных жителей, грабила магазины, почту, совершала поджоги, зверские убийства коммунистов, советских активистов, комсомольцев.

Потаповы

Ученики нашли информацию о гибели председателя Комитета бедноты: «Однажды в августе 1922 года, Потапов, как член Волостного управления, проводил в селе Алексеевке собрание. Оно затянулось и Дмитрию Алексеевичу пришлось задержаться. Глубокой ночью на дом, где проходило собрание, напали бандиты. Одному из членов волисполкома удалось бежать через окно, а Потапов был схвачен. Его заточили в мазанку, долго над ним издевались, а затем убили. Кем же и каким был Потапов Д.А.»?

Такую информацию ученики получили от родственников: «Потапов Дмитрий Алексеевич приблизительно 1882–1883 года рождения. Родился в семье довольно состоятельного крестьянина Крюкова, но по неизвестной причине был отдан в приёмную семью Потаповых. Мальчика новые родители записали на свою фамилию. Так он и остался в памяти жителей как Потапов. Женился на Потаповой Евдокии Павловне 1864 года рождения (умерла в 1967 году).

В браке у них родились три сына и дочь. Все сыновья принимали участие в Великой Отечественной войне. Потапов Григорий Дмитриевич пропал без вести, у него 5 детей и 7 внуков. Потапов Алексей Дмитриевич погиб, похоронен в с. Дрожжевчино (Белоруссия), Потапов Павел Дмитриевич умер после войны по болезни. У него двое детей и 4 внука. Последняя дочь – Мельникова (Потапова) Мария Дмитриевна (1921–2017 гг..), у неё 6 детей и 9 внуков».

Родственники также вспоминают: «Дмитрий Алексеевич был трудолюбивым, был справедлив и твёрд, всегда старался помочь нуждающимся, старался поступать по совести. Поэтому жители села и избрали его председателем Комитета бедноты». Односельчане помнят об этом стойком и преданном борце за дело революции. Жители захоронили Д.А. Потапова в том далёком 1922 г. в самом центре села. Чуть позднее возвели каменное надгробие, а в 1953 г. – рядом установили обелиск.

В те годы место считалось особым: сюда спешила молодёжь сфотографироваться, каждый старался навести порядок, посадить цветы или просто поставить букет. А в восьмидесятых годах улица Концовка была переименована в улицу Потапова.

Ухаживают сейчас за памятником учащиеся школы. Рядом находится мемориал павшим в годы Великой Отечественной войны.

В с. Долгоруково активистами, курирующими работу по очистке кладбища, будет проведена работа по ремонту памятников.

Д.Ю. Мурашов

«МОЯ ДУША ВСЕГДА С ВАМИ...»
А.Г. Булдакова и её письма

У нашего земляка писателя Романа Борисовича Гуля (1896–1986) была любимая няня – Анна Григорьевна Булдакова из с. Вырыпаева Саранского уезда Пензенской губернии (сегодня село в Ромодановском районе Республики Мордовия).

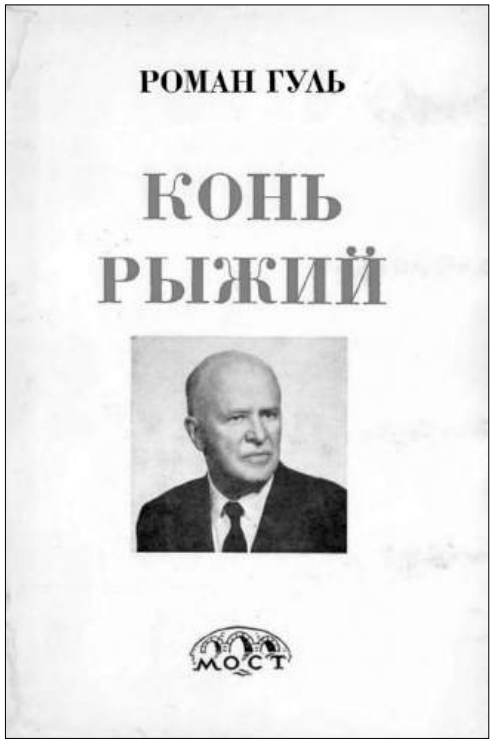
В автобиографическом романе «Конь рыжий», увидевшем свет в 1952 г., няня писателя – одна из главных его героинь. Можно сказать, что она, нянчившая и Романа и его родного брата Сергея, являлась одним из членов семьи. После смерти отца братьев, нотариуса Бориса Гуля, случившейся в 1913 г., Анна Григорьевна осталась с их матерью Ольгой Сергеевной и совершила с ней сложное и опасное путешествие пешком из Пензы до Берлина, где жили в эмиграции её воспитанники после окончания Гражданской войны. Было это в 1921 г.

От с. Вырыпаева, в двадцати километрах по прямой, в Конопати (сегодня село находится в Старошайговском районе Мордовии) располагалось имение Гулей. В романе «Конь рыжий» именно при его описании впервые появляется объёмный портрет любимой писателем няни: «Летний день в именьи шёл, как обычно. Брат крутится возле ломящих рожь лобогреек, две четвертки лошадей с шумом волочат красные, машущие крыльями машины. По двору в телятник проходит суровая старуха, моя чудесная няня Анна Григорьевна Булдакова; за свою жизнь, где она только ни пострaнствовала, ходила апостольским хождением на Соловки, в Оптину пустынь, в Саров, к Троице-Сергию, в Киевскую лавру, обошла все святые русские места и дважды носила свою веру в Иерусалим. Но сейчас она в заботах о телятах, сепараторах, маслобойках»[1]. Имение Гулей было уничтожено в годы революции, но до сих пор в двадцати километрах от Конопати сохранился Гулев лес.

Имение семьи Гуль в с. Конопать Саранского уезда Пензенской губернии. Из фондов ГАПО

Рассказ Р.Б. Гуля о путешествие матери и няни из Пензы к нему в Берлин (Ольга Сергеевна и Анна Григорьевна поодиночке добрались сначала до Киева, а оттуда под видом паломниц в Почаевскую лавру шли до границы с Польшей) И.А. Бунин считал лучшими страницами романа «Конь рыжий». Вот некоторые его фрагменты.

«Небо, ветер, облака. Длинными волнами рябиться пшеница. От этого безразличья солнца, ветра, пшеницы, облаков людям на революционной земле ещё страшнее. На-



Гуль Р. Конь рыжий. Нью-Йорк, 1975

рочито отстав от неизвестных попутчиков – Бог знает с кем идёшь в революцию? – мать и Анна Григорьевна идут от Бердичева по большой дороге, пы-лят по ней верёвочными самодельными туфлями. В полдень под берёзами, обставшими шлях, набрали сучьев, со спины отвязали чайник, на костре вскипятили чай и, подрепившись, зашагали дальше на село Чернобыль, скорачивая по проселочнику заученный матерью путь. Странницы идут с палками, с мешками за плечами. Чтоб расплачиваться за еду, за ночлеги, за перевод через границу, в мешки натолкали отовсюду собранные полотенца, платки, кофты, салфетки, простыни. […] Несмотря на шестьдесят четыре года Анна Григорьевна идет легко, отдохнула и мать. Просёлочник стелется меж пшеничных полей, с них налетает духмяный ветер, а в полях тишина, только высоко трепыхается, словно могущий улететь, утренний жаворонок, да где-то далеко в поле ковыряется скорчившийся одинокий мужик. Знаток духовных стихир, Анна Григорьевна неестественным крестьянским наголоском на ходу поёт тропарь покровителю плавающих и путешествующих Николаю Угоднику «Правило веры, образ кротости»; так всегда тоненько-тоненько, по монашечьи певала странствуя по святым местам»[2].

В Польше, уже перейдя нелегально советско-польскую границу, Ольга Сергеевна и Анна Григорьевна могли погибнуть. На их скромное имущество позарился польский солдат, приготовившийся их застрелить в лесу.

«И словно поняв это, Анна Григорьевна вдруг с палкой рванулась к нему и, как сердитая старуха ругает на деревне хулигана, закричала:

– Подлец ты! Креста на тебе нет! Деньги взяли, ограбили, а ты, негодяй, ещё хочешь!

Нехристь ты окаянная! – наступала с палкой вне себя от ярости Анна Григорьевна.

От её ли криков, от доносившихся ли звуков топоров, но солдат оторопел и выхватив у матери из рук деньги, бросился в чащу. Женщины с испугом ждали: будет стрелять иль уйдет? Но бегущими, замирающими шагами солдат ломил кусты. И им вдруг стало слышно пенье птиц, которого раньше не было»[3].

В Германии А.Г. Булдакова прожила недолго.

Гуль причины её отъезда описывал так: «Без языка жаловалась: “Ну как немая!” Без православной церкви, домовую церковь на Находштрассе не признавала: “Да у них и колокола-то нет!” Без родных, оставшихся в Вырыпаеве. Без России. Конечно, в Берлине няня многому дивилась. Но в Вырыпаеве всё было лучше. В Берлине – ни воли, ни простора, один асфальт. На квартире – не постирать, как надо, не помыться. Бани нет. А когда от нас узнала о процессе некоего чудовища-немца Денке, за свою жизнь убившего и съевшего не то семь, не то восемь человек, закачала головой и сказала: “Вот те и на! За-гра-ница! Говорят, всё тут люди культурные, да у нас в Вырыпаеве никто никогда отродясь не съел”. И как няне ни тяжело было расставаться с нами (навеки, это и она и мы знали), всё же решила вернуться в Вырыпаево. Мы купили ей швейную машину Зингера: в Вырыпаеве пригодится»[4].

После возвращения Анна Григорьевна переписывалась с Гулями. Письма няни остались в архиве писателя, который хранится в Йельском университете (США)[5]. Они незатейливы по содержанию и написаны, как заметил сам Роман Гуль, «самоуковыми, страшными каракулями»[6]. Няня писала так, как слышала слова. В письмах поэтому много грамматических и орфографических ошибок. Вот, например, фрагмент одного из таких писем (оригинальная орфография и пунктуация сохранены): «Милай дорогой мой Рома Спасибо тебе мой соколикъ что меня совсемъ не забываешь А то

Роман и Сергей Гуль в Пензе. Из фондов ГАПО

я жду жду хотя не непрасно Хотя ретко но все так ободовать А то я думала что болши не будет от вас писем и у меня остался один конверт».

Наряду с письмами, в которых указаны даты, в переписке встречаются и недатированные. Имеющиеся даты писем А.Г. Булдаковой – 1927 и 1928 гг. Содержание других писем показывает, что они написаны в это время или чуть позже, когда в СССР шла коллективизация. Структура писем няни постоянна: Булдакова благодарит за внимание к ней и желает здоровья семейству Гулей, сообщает известные ей новости и пишет о своей жизни. Вот пример одного из писем (орфография и пунктуация письма приведены в норму), публикуемого с небольшими сокращениями.

«Здравствуйте, мои дорогие родные. Большое спасибо, дорогой мой Романчик, за твои милые письма. Я им очень рада. Радуюсь за Серёжу, что он таким хорошим работником вышел. А Оличка (жена Р.Б. Гуля. – *Д.М.*) меня не радует, что болеет, хворает.

Дай Бог, ей быть здоровой. Морской воздух, Бог даст, её укрепит. Ольга Сергеевна, я представляю, как она устаёт. Ей, бедной, больше всех достаётся. Помоги ей Господи. Относительно погоды. Тепла почти не было. Несмотря на это, 23 мая овсы взошли и озимое хорошее. Картофель восходит. А тёплых дней нет. А жизнь у нас хороша. Хлебом у нас запасаются. Зимой брали и теперь ещё приехали. Будто из губернии. Они не насилуют, а только говорят, что хуже будет. Запиши добровольно. Часто наблюдают у кого-то двора. Я живу по-прежнему. Летом мне всегда лучше дышится. Ноги не ходят. Так сидя работаю и забываю, что стара. Спасибо, мои дорогие, Рома, что ты меня не забываешь. Я очень рада за тебя, что у тебя так удачно идёт дело с книгами. Крепко обнимаю. Будьте здоровеньки. Целую А.Б.».

Швейную машинку Зингера, подаренную при отъезде, Анна Григорьевна использовала в работе: «О себе. Потихоньку работаю и на машине, и детские стегаю одеяла и пальтишки детские, изредка [хожу] на роды. Только, милый Рома, силы у меня нет. Надолго ли наживу. Я и телом не худая, но сил нет. Сидя работаю, где молоко принесут, так, слава Богу, сыта».

Фрагменты других писем:

«Дорогой, незабвенный, милый мой. Благодарю тебя, моё золотце. Как мне приятны и дороги твои письма, как больному на раны целительный бальзам. Моя душа всегда с вами, я радуюсь вашему счастью. Печалюсь о ваших неудачах. Я очень радуюсь вашему благополучию. Я очень рада, что вы женились, поздравляю вас мои дорогие. Да, Рома, милый, хорошо вам всем жить вместе. Очень только мама устаёт. Думаю по себе. А я теперь совсем не могу. Как сидя работаю, как будто здорова. Как встала – то никуда и силы нет. Хотела в поле работать. Как в поле схожу и захвораю. Ты спрашиваешь, милый Рома, как живу? Приходится и на роды ходить, да и на это сил нет. В прошлом году у меня не было ржаного посева. А весь год я ела хлеб и кашу. Денег, конечно, мало, потому что у народа нет денег».

«Я всё собираюсь в Саранск за новостями, да дождь не допускает. Летом ни разу ни попала. Плохая стала. Летом думала, буду сама жать рожь. Пошла. 30 снопов нажала и захворала. Пришлось отдать за два пуда с половиной 14 сажень. 600 накосили. И вот ещё не все обмолотили. А овёс ещё не сжат. Покров на дворе. Дожди никак не дают. Погода проглянет, насторожишься, и опять прольёт. Всё из рук выбил. Просто гнев Божий. А овсы хорошие».

«Христос Воскресе! Здравствуйте, мои дорогие. Давно собиралась вам написать и пожаловаться на природу. Почему-то у нас природа не повинуется календарю. Вот уже 26 апреля. Пост. А ещё стоит холод. А 19 числа, 21 и 22 был такой буран, как зимой. Такие сугробы нанесло, местами и теперь лежат. Второй день стада погнали, а то скотину всё дома кормили. А корму нет, у некоторых и крыши поели».

Р.Б. Гуль. Вторая половина XX в.
Архив Романа Гуля, Amherst Center for Russian Culture

«Милый Рома, насчёт урожая. Нижнесреднего. Но если бы только для себя, всё было бы как-нибудь. Натянули бы. Но его обирали. Прошлый налог большой, кроме того нужно запас сделать. Вот и трудно придётся, как прошлой зимой пришлось помогать рабочим Англии, когда они бастовали 7 месяцев. Думаем, что они с буржуазией не нападут на нас».

Анна Григорьевна умела сохранять оптимизм даже в трудной ситуации. Она сносила всё с христианским терпением, хотя в одном из писем говорила, не скрывая сарказма, об ужасных вещах, что «у нас теперь жизнь хорошая…новая. Совхозы. Пашут трактора. Мужики говорят, хуже нашей сохи. Земли у нас теперь только 6 сажень на душу. И в колхозы – всех заедино. Личники (единоличники. – *Д.М.*) теперь коров переводят, овец тоже. Требуют и масла, и шерсть, так что не в мочь. С курицы сковороду яиц надо. А нет, так штраф. Принудиловка. Я теперь не работаю. К женщинам не хожу. Одеяла стеганные не беру, потому что сил нет. А машиной шить нечего. Материала и ниток нет. А вязать нечего. Овец перевели. У баб нет пряжи на чулки. А раскулаченных в тайгу отправили. Пока только два дома для примера, чтобы в колхоз вошли, а то и бедняки не идут. Так возмутительно, но все так живем, хорошо…. Только рыбки, чайку, сахарку нет. Может и есть, да не для всех смертных. А белый хлеб слышали, где-то далеко кушают».

Это письмо потрясло Гуля. Он прочёл его историку Б.И. Николаевскому. «Он, ошеломлённый, проговорил: “Роман Борисович, это обязательно надо опубликовать, дайте мне, пожалуйста, копию”. – “Только надо всё законспирировать, Борис Иванович”. – “Ну разумеется…” – И я сделал копию с няниного письма, затушевав всё, что могло навести на её след»[7].

Письмо было опубликовано в «Социалистическом вестнике» – журнале, который издавали во Франции меньшевики.

Как же велась переписка Гулей с няней?

Об этом рассказал сам писатель: «С няней … у меня установилась переписка. В возможность её я сначала не верил. Няня по-немецки адреса написать не могла… да и конвертов в Вырыпаеве достать было трудно, наверное. И я сделал так: писал ей письмо на пишущей машинке (няня хорошо читала!) и в свой конверт вкладывал конверт с нашим немецким адресом. В этом конверте без марок она должна была опускать своё письмо. Я же при получении оплачивал его (вдвойне). К моему удивлению, эти нянины письма доходили»[8].

В начале 1930-х гг. Анна Григорьевна Булдакова, разменявшая седьмой десяток лет, умерла. Она была похоронена, скорее всего, в Вырыпаево.

Примечания

1. *Гуль Р.Б.* Конь рыжий. Нью-Йорк, 1952. С. 25–26.
2. Там же. С. 213-215.
3. Там же. С. 225
4. *Гуль Р.Б.* Я унёс Россию. М., 2001. Т. 1. С. 357–358.
5. Yale University Library (USA). Roman Gul’ Papers. GEN MSS 90. Box. 88.
6. *Гуль Р.Б.* Я унёс Россию. С. 358.
7. Там же. С. 359.
8. Там же. С. 358.

Л.М. Руднева

У ВСЯКОГО НАРОДА СВОЯ ЖИЗНЬ, СВОЙ ДУХ, СВОЙ ХАРАКТЕР»

Виссарион Григорьевич Белинский был разносторонне образованным человеком. На мемориальной доске, установленной в Суоменлинне (Свеаборге) – месте его рождения – по-фински, по-шведски и по-русски написано: «Здесь родился 30 мая 1811 года Виссарион Белинский – известный русский гуманист, литературный критик и исследователь».

Если быть только поверхностно наблюдательным человеком, не знать и не осознавать ту огромную работу, которую «неистовый Виссарион» проделал для всей русской литературы и культуры, можно смело называть его только критиком. Но если вы не просто знающий человек, но ещё и мыслящий, то вам, конечно, понятно, что сфера интересов Белинского и степень его воздействия

на читающую публику были поистине огромны. Он прославился как литературный и театральный критик, философ, драматург, учёный-языковед. Вот об этом филологическом его увлечении и стоит сказать особо.

Интерес к слову, языку у Виссариона – огромный, с самого детства. Именно поэтому Белинский, будучи «мальчиком и учеником уездного училища … в огромные кипы тетрадей неутомимо, денно и нощно, и без всякого разбору, списывал стихотворения Карамзина, Дмитриева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и других…»[1] Он заучивает наизусть стихи, постигая в том числе тайны поэтического языка. Страстное увлечение поэзией Жуковского, Карамзина определило характер собственных поэтических опытов Белинского, которым он в годы учения в уездном училище начал отдавать своё время наряду с чтением. К стихотворной форме Белинский обратился, как и многие его ровесники, пытаясь выразить в слове богатый внутренний мир мыслей и чувств.

Портрет В.Г. Белинского.
Худ. Б.И. Лебедев. Из архива ПГКМ

Едва выйдя из отроческого возраста, Белинский сам резко осудил свои стихотворные опыты. Однако одно из стихотворений Белинского все же было опубликовано. В одном из номеров журнала «Листок» за 1831 г. было опубликовано стихотворение «Русская быль». Радость родных, получивших журнал, была велика: «Папенька читал с большим удовольствием твою пьесу “Русская быль”, – сообщает Виссариону Григорьевичу брат, – и, может быть, мысленно благодарил небо; равно маменька и я очень сему радуемся и не верим глазам своим. Я каждый день прочитываю твою пиесу с удовольствием, происходящим от любви». Но Виссарион уже критически осмысливает литературные творения, свои – в первую очередь. Как подтверждение этому – письмо брату Константину от 12 июня 1831 г.: «Я увидел, что не рожден быть стихотворцем и… оставил писать стихи…»[2]

Осознав истинное своё предназначение, Виссарион продолжает работать не только над идеями, содержанием своих работ, но и над совершенствованием своего языка. Он понимает как немногие саму структуру языка. «Создать язык невозможно, ибо его творит народ; филологи только открывают его законы и приводят их в систему, а писатели только творят на нём сообразно с сими законами[3], – напишет В.Г. Белинский. – У всякого народа своя жизнь, свой дух, свой характер…»[4]

В.С. Нечаева пишет в своей книге «В.Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности»: «В 1837 году, развивая в письме к Д.П. Иванову план большого сочинения под названием «Полный курс словесности для начинающих» (грамматика, синтаксис, риторика, эстетика), Белинский писал: “Ещё будучи в гимназии, я мечтал о сочинении этой книги: теперь настало время…” И в 1837 г. вышла в свет работа Виссариона Белинского “Основания русской грамматики для первоначального обучения”. Она была написана на высоком научном уровне»[5].

Но не только изучение грамматики русского языка интересовало Виссариона Григорьевича Белинского. Из его переписки с братом Константином мы узнаём, что он предполагал написать научную работу о мордовском языке, для чего ему требовались слова этого языка. В письме к брату от 19 января 1834 г. Виссарион Григорьевич просит: «Бога ради, пришли мордовский словарь, как тебе не стыдно! Пожалуйста, поскорее».

С этой просьбой критик обращался к Константину и в других письмах, которые, к сожалению, до нас не дошли, ибо Константин Григорьевич, ещё не получив письма Виссариона от 19 января, в письме к нему от 20 января того же года писал: «Любезный брат Виссарион Григорьевич! Посылаю тебе сотню мордовских слов, прошу у тебя извинения, что до сих пор не мог исполнить твою просьбу и что я и теперь посылаю тебе столь мало оных, причину саму я объясню тебе следующим: 8 января я собрался ехать в Доншино, в которое и приехал и остановился в доме оспенника Ивана Нефёдова, который и по-русски говорит плохо, а читать и писать подавно не знает: а потому он, сказывая мне мордовские слова, много ошибался в произношении…»

В краеведческих материалах Государственного музея-усадьбы В.Г. Белинского есть легенды, в том числе и о происхождении названий некоторых мордовских сёл Чембарского уезда. Несомненно, какие-то из них мог слышать и В.Г. Белинский. Представим читателю некоторые из них: «В давние-давние времена послала мордва к царю ходоков с просьбой, чтобы он разделил между ними землю и каждому селению дал подходящее название. Вот стоят ходоки перед царём и излагают свою просьбу, а тот к ним присматривается. В это время один из ходоков вынул из торбы круглый хлеб и начал его есть. Царь посмотрел на него и сказал: “Твоё село я назову Пирогом”. По-мордовски пирог пяряка, так явилось с. Пякрино. Другой ходок в это время подрёмывал. Царь толкнул его: “А твоё село я назову Линёвкой, потому что ленивый ты, братец”. Третий в это время чесался: “Будет село называться Чесотка”, а по-мордовски – Карцай, появилось с. Корсаевка. Четвёртый ходок вставил какое-то смешливое слово: “Ну ты и заноза”, – изумился царь. По-мордовски заноза – сарда, появилась д. Сярда»[6].

Из воспоминаний двоюродного брата критика Дмитрия Петровича Иванова мы знаем, что мальчики из деревень и сёл Чембарского уезда, которых звали оспенниками, в летнее время жили при доме Белынских, где отец критика учил их оспопрививанию. Среди них были мордва – Иван Нефёдов и Никита Корсаевский. Братья Белынские были с ними в дружеских отношениях. По их рассказам они знакомились с жизнью, обычаями и культурой мордовских крестьян.

Сам факт проявления интереса к мордовскому языку со стороны Белинского в то время, когда национальные меньшинства России именовались инородцами, насильно подвергались русификации, говорит о демократизме великого критика, о его уважении к языку и культуре мордовского народа.

К сожалению, замысел великого критика не осуществился по причине, что он, живя в Москве, не имел достаточного количества материалов, необходимых, для завершения работы. Если бы Белинский располагал этими данными, то возможно, он стал бы одним из первых учёных-лингвистов, обратившихся к изучению мордовского языка.

Примечания

1. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1953. Т. I. С.251.

2. *Белинский В.Г.* Указ. соч. Т. XI. С.139.

3. Мысли и афоризмы В.Г. Белинского. Прага, 2018. С. 284.

4. Там же. С. 143.

5. *Нечаева В.С.* В.Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1836–1841. М., 1961. С. 40.

6. Записки Марии Ивановны Храмовой, тетрадь 2, рукопись // Государственный музей-усадьба В.Г. Белинского.

В.Г. Волков

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ САМБО В Г. ЗАРЕЧНОМ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Систематизируя источники, можно выделить три временных этапа становления самбо в г. Заречном: 1962–1974 гг., 1974–1994 гг., 1994 г. – по настоящее время.

В 1962 г. в строящийся город Пенза–19 на 132 квартал Ахунского лесничества прибыл демобилизовавшийся из рядов Советской армии Александр Петрович Семанин – уроженец Вадинского района Пензенской области, кандидат в мастера спорта по самбо, получивший разряд за годы службы в армии[1]. Через месяц уже женатый, молодой специалист получил квартиру, устроившись инструктором по самбо. Установить, в каком ведомстве была выделена ставка инструктора, не удалось, но начали заниматься жители города впервые – в овраге за магазином № 7, затем в спортивном зале первой школы города № 216. Отбор в группу самбо был строгим – принадлежность к силовым структурам, оперативные работники, комсомольцы оперативного отряда[2]. Один из его подопечных Владимир Герасимович Питанов, уехав работать в г. Севастополь, два года подряд становился чемпионом Черноморского флота. Ои стал первым из зареченцев мастером спорта СССР по самбо[3].

Анатолий Иванович Лесик.
Первый детский тренер секции самбо при Горспортсовете–31.
г. Заречный. 1970-е гг.
Фото из архива автора

Дело А.П. Семанина продолжил Вячеслав Михайлович Зайцев (1944–1968). Он также преподавал самбо ребятам комсомольского оперативного отряда. К нему тогда пришёл заниматься Сергей Петрович Лисов, ставший впоследствии первым тренером первого в Пензенской области чемпиона мира по самбо – автора статьи Валерия Волкова[4].

Первым детским тренером в Заречном является Анатолий Иванович Лесик. Секция самбо при Горспортсовете-31 была открыта в 1968 г. Именно этот год является отправной точкой развития самбо в г. Заречном. Здесь Анатолий Иванович и приступил к своей педагогической деятельности.

Кандидат в мастера спорта Анатолий Иванович Лесик был выступающим тренером. Он не только тренировал, но и сам, вместе со своими учениками, боролся на соревнованиях. Сотни мальчишек потянулись в зал борьбы самбо за этим красивым, сильным, умным, общительным человеком, который сумел заразить их личным примером. Тренировки проводились в зале гимнастики на гимнастическом ковре после окончания тренировок у профессиональных гимнастов. Мальчишки записывались в очередь и ждали месяцами того момента, когда им можно было с гордостью сказать: «Я за-

нимаюсь самбо». Интересный факт – Лесик никогда не повышал голоса на учеников, не упрекал, был всегда спокоен, невозмутим и доброжелателен[5].

Впоследствие ученики Анатолия Ивановича Лесика добились значительных успехов как в спорте, так и в жизни. Среди них: Олег Владимирович Климанов – Глава г. Заречного, Игорь Викторович Строителев – первый победитель первенства ЦС ФиС по самбо, основатель и директор Детско-юношеского центра «Юность», Василий Иванович Крикунов – вице-президент федерации самбо г. Заречного.

Стоит отметить, что на всесоюзном уровне спортсмены города выступали под аббревиатурой Центрального совета физкультуры и спорта – ДСО, которое объединяло спортсменов «закрытых» городов СССР[6].

В 1971 г., отслужив в армии, в город приезжает Владимир Васильевич Гритчин. Устраивается работать сначала на завод, а затем в Горспортсовет-31 инструктором спортсооружений. Параллельно работает тренером по классической борьбе (греко-римская борьба), а затем начинает работать тренером по самбо.

В 1971 г. директором ДЮСШ при Горспортсовете была Таисия Владимировна Матвеева. В спортивной школе были отделения гимнастики и другие, а самбо как вида спорта не было. Самбо существовало как секция при Горспортсовете. Именно Таисия Владимировна Матвеева и стала инициатором открытия в ДЮСШ отделения самбо. 16 января 1974 г. считается официальным днём открытия отделения самбо, а затем и дзюдо в ДЮСШ[7].

В штат школы с 1974 г. были зачислены два тренера, два ровесника: Владимир Васильевич Гритчин и Анатолий Иванович Климашонок. Анатолий Иванович – выпускник института физкультуры г. Минска. А. И. Климашонок является мастером по вольной борьбе, по воспоминаниям ветеранов – бронзовый призер первенства СССР по вольной борьбе среди молодёжи, неоднократный чемпион Белоруссии в 1968–1972 гг, спарринг-партнер трехкратного олимпийского чемпиона Александра Медведя, неоднократный чемпион Пензенской области по вольной борьбе, самбо и дзюдо, награжден Почётными грамотами МВД СССР, Пензенской области и города[8]. Анатолий Иванович проработал в спортивной школе с 1974 по 1976 г., откуда и ушёл служить в органы внутренних дел. Там он проработал до выхода на заслуженных отдых.

Владимир Васильевич Гритчин и Геннадий Иванович Пискунов показывают приём «рычаг руки». Г. Заречный. 1980-е гг. Фото из архива автора

Владимир Васильевич Гритчин родился в 1949 г. в с. Грачёвка Спицевского района Ставропольского края. К тренерской работе он пришёл не сразу. С 1967 г. работал

Олег Викторович Бузин в зале на втором этаже Дворца спорта. Г. Заречный. 1980-е гг. Фото из архива автора

Группа спортивного совершенствования (зал на втором этаже Дворца спорта) – первые мастера спорта и призёры крупных турниров по дзюдо и самбо. В центре – В.В. Гритчин и Г.И. Пискунов. Фото из архива автора

слесарем-ремонтников на часовом заводе и заводе «Химмаш» г. Пензы. Отслужил с 1969 по 1971 г. в Советской армии. В Горспортсовете оказался в 1971 г. и начал работать инструктором спортсооружений, а в 1974 г. уже начал работу тренером-преподавателем по самбо, с 1984 г. трудился старшим тренером Детско-юношеской спортивной школы. В 1976 г. окончил Центральную школу тренеров РСФСР. С 1995 г. возглавлял Спортивную детско-юношескую школу олимпийского резерва (ныне СДЮСШОР), именно тогда школа выделилась из состава ДЮСШ и стала работать самостоятельно. Первые успехи директорской работы не заставили себя ждать, и в 1997 г. Гритчин был назван лучшим директором спортивной школы Пензенской области 1997 г. В 2003 г., когда школа стала самостоятельным учреждением, Гритчин полностью вернулся к тренерской работе и стал старшим тренером преподавателем по самбо[9].

В 1974 г. 1/3 нижнего зала Дворца спорта застилают борцовским ковром (5 на 10 м). В 1976 г. весь нижний зал застелили борцовским ковром, получился первый специализированный зал борьбы. В 1978 г. в ДЮСШ на должность тренера принят Геннадий Иванович Пискунов[10]. Самбо набирало популярность среди растущего населения города. Уже в 1979 г. талантливому воспитаннику зареченцев Александру Дубовику удалось стать бронзовым призёром первенства СССР по дзюдо среди молодёжи[11].

Основной состав школы у стадиона. Г. Заречный. Сер. 1980-х гг. Фото из архива автора

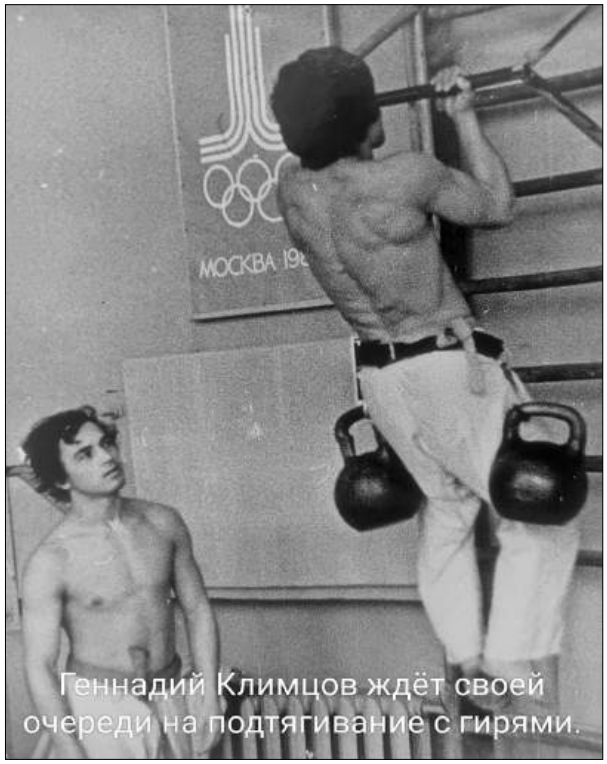
Обратимся к воспоминаниям Ю.А. Балыкова: «С большой благодарностью хочется вспомнить ещё одного тренера – Геннадия Ива-

новича Пискунова. Сам прекрасный самбист, победитель и призёр всесоюзных и всероссийских соревнований, чуть позже В.В. Гритчина и А.И. Климашонка пришёл работать тренером в ДЮСШ Госпортсовета–31. Геннадий Иванович отличался своей особенной системой подготовки спортсменов высокого класса. Заканчивая тренировку всей группы, он оставлял одного мальчишку, в котором он видел будущего чемпиона (был у него такой дар предвидения) и сам боролся с ним ещё какое-то время. Это продолжалось не один день, не один месяц и даже, может, не один год. И заканчивалось тем, что неумелый в прошлом новичок превращался в классного борца. Так, например, автор статьи долгое время тренировался у Г.И. Пискунова. Из набора этого тренера вышли такие известные самбисты, как Сергей Гордеев – чемпион мира (МСМК), Юрий Алексеев – мастер спорта, Владислав Мартынов – мастер спорта, Дмитрий Авдонин – мастер спорта, Михаил Кузнецов победитель первенства СССР (МС) и др.[12]

Спортивные результаты начинают расти, желающих заниматься становится больше. Владимир Васильевич Гритчин делает ставку на своих воспитанников в роли тренеров, получивших физкультурно-педагогическое образование. В 1986 г. к тренерской деятельности приступает Юрий Алексеевич Балыков, в 1987 г. – Олег Викторович Бузин[13].

В 1987 г. Владимир Васильевич Гритчин внедряет уникальный бригадный метод работы, создаётся первая бригада тренеров, в состав которой вошли: старший тренер В.В. Гритчин, Г.И. Пискунов, Ю.А. Балыков, О.В. Бузин. В.В. Гритчин являлся локомотивом зареченского самбо, «генератором идей». Именно он принимал все решения, разрабатывал методику тренировок, брал на себя всю ответственность, определял перспективу и тактику дальнейшего развития.

И вот зареченское самбо вышло на российский и мировой уровни. В 1993 г. Владимиру Васильевичу Гритчину присваивают почётное звание «Заслуженный тренер России».



Тренировочный процесс. На турнике Ю.А. Балыков. Конец 1980-х гг. Фото из архива автора

Когда высоких результатов и чемпионов становится достаточно, В.В. Гритчин, поощряя работу тренеров, ходатайствует и лоббирует в спортивных ведомствах оформление документов для присвоения звания «Заслуженный тренер России» членам тренерской бригады: Ю.А. Балыкову (1994), О.В. Бузину (1998), И.В. Гритчину (2002)[14].

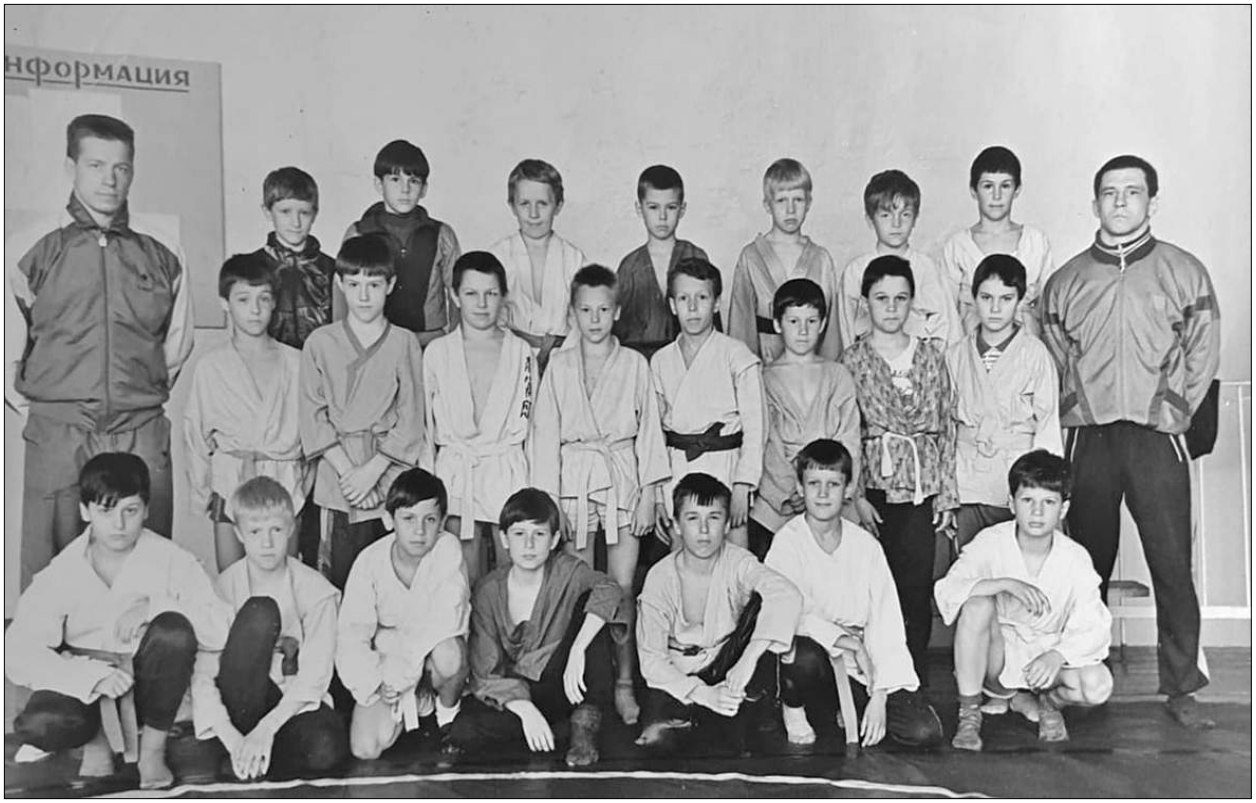
Анализ данных и опрос ветеранов позволяют определить хронологию по руководителям спортшколы самбо. Первым исполняющим обязанности директора СДЮСШОР по самбо с 1995 г. был О.В. Бузин[15], затем В.В. Гритчин[16], однако из-за несвойственной административной нагрузки последний принял решение о замене себя на своего ученика А.Ю. Балыкова с 2003 г. С ноября 2007 г. и по настоящее время директором МБУ ДО «СШОР «Русь» г. Заречного является воспитанник спортшколы КМС по самбо и дзюдо Игорь Викторович Мамонтов[17].

История зареченского самбо насчитывает много побед на российских и мировых соревнованиях самого высокого уровня. Но перед тем, как покорились эти вершины, были пройдены не менее важные «рубежи». Совершенствовался тренировочный процесс, дорабатывалась методика, постепенно улучшалась материально-техническая база.

Первым победителем первенства ЦС ФКиС под руководством А.И. Лесика был Игорь Викторович Строителев (основатель и директор Детско-юношеского центра «Юность»). В 1976 г. такой же результат повторил воспитанник В.В. Гритчина Владимир Незванов. Эти люди первыми из Заречного вошли в сборную Центрального совета физкультуры и спорта по самбо, в который входили спортивные коллективы из городов, подчинённых предприятиям Министерства среднего машиностроения СССР. Также, в 1976 г. кандидатами в мастера спорта стали Александр Арефкин и Владимир Гритчин.

В 1979 г. воспитанник В.В. Гритчина Александр Дубовик становится третьим на первенстве ЦС ФКиС по дзюдо в Ленинграде. Тренерским советом сборной ЦС принято решение допустить Александра на первенство Советского Союза. 26 апреля 1979 г. в г. Фрунзе (ныне Бишкек, Киргизия) Александр Дубовик становится бронзовым призером первенства СССР по дзюдо среди юниоров 1960–1961 г. р. и, таким образом, «прорубает» окно зареченским самбистам и дзюдоистам на пьедесталы высочайших соревнований страны. По итогам этого первенства Александр в составе сборной команды СССР отбирается на Международный турнир по дзюдо, проходившем в июне 1979 г. в г. Баку, и занимает на данных соревнованиях 5–6 место.

В 1981 г. происходит значимое событие. На проходившем в г. Ленинакане на чемпионате ДСО профсоюзов по дзюдо воспитанник Гритчина Юрий Балыков становится бронзовым призёром и первым из за-



Группа воспитанников школы с тренерами Олегом Викторовичем Бузиным (слева) и Валерием Геннадьевичем Волковым (справа). Г. Заречный. 1996 г. Фото из архива автора

реченских воспитанников получает звание «мастер спорта» по дзюдо[18].

В 1994 г. Российским государственным комитетом спорта отделению борьбы самбо г. Заречного за высокие спортивные результаты был присвоен статус специализированной детско-юношеской спортивной школы олимпийского резерва. С 1995 г. на тренерскую работу в спортшколу поступили воспитанники: В.Г. Волков, И.В. Гритчин, В.В. Мялькин[19]. Количество занимающихся самбо в спортшколе детей и молодёжи варьировалось в разное время от 300 до 500 чел. как на бюджетной, так и на внебюджетной основе оплаты труда тренера.

В г. Заречном Пензенской области было воспитано три чемпиона мира по самбо среди мужчин (В. Волков, С. Гордеев, А. Харитонов)[20]. Созданная трудом целого поколения тренеров «школа борь-бы самбо» стала одним из символов самбистской системы, хотя и не позиционировала себя таковой. Все трое – уроженцы сурского края, более того – Пензенского района. Однако предки этих и большинства других зареченских мастеров ковра и татами родом из разных мест Среднего Поволжья.

До распада СССР в г. Заречном культивировалось в основном дзюдо, с сильным уклоном в сторону не-вадза (техника дзюдо в положении лёжа).

Стремительный рост спортивных результатов сопоставим по времени с глубоким постперестроечным кризисом экономики и общества. Выделим несколько ключевых особенности или закономерности социально-экономического компонента зареченского самбо с 1991 по

Ведущие самбисты школы. Г. Заречный. 1996 г. Фото из архива автора

2010 г.: своевременная оплата труда тренеров муниципальными властями (относительно остального самбистского сообщества); наличие харизматичного талантливого самородка-лидера тренерской бригады (В.В. Гитчин); квалифицированные тренеры (мастера спорта, специалисты с высшим образованием); наличие

В.В. Гритчин проводит тренировку. На воспитанниках спортивные куртки с надписью «Русь». Г. Заречный. 1990-е гг. Фото из архива автора

Алексей Александрович Харитонов с братьями Балыковыми. Г. Заречный. 1996 гг. Фото из архива автора

конкуренции в самбо Пензенской области (около 20 тренерских коллективов внутри области в начале 1990-х гг.); сильная система школьного образования в городе; отсутствие трудоустройства молодёжи, отсутствие «своего судьи», что немаловажно для мотивации «партеровика»; связь воспитанников школы с местными преступными группировками в 1990-х гг. (накладывает отпечаток на манеры и характер поведения), отсутствие высоких результатов в мужском самбо до начала описываемого периода; отсутствие учебных сборов команды России по самбо по всем возрастам (до начала нулевых годов).

Традиции школы формируются под воздействием факторов, схожих с указанными выше. Немаловажную роль играет коррупционная в прошлом составляющая судейского корпуса системы самбо 1990-х гг. Во многом желание «ломануть» (выполнить какой-либо болевой приём – зареченский фразеологизм) популяризировалось из-за невозможности в случае равенства сил в борьбе в стойке получить победу посредством судейского решения. Выполнение же болевого давало гарантированную победу в поединке. Немаловажную роль играла система проведения соревнований по самбо – «круговая», где ценность «чистой победы» была очевидной, а в начале 1990-х гг. все турниры проводились по «круговой системе». Костяк зареченской школы на тот период составили молодые люди 1973–1975 г. р., обладающие незаурядными природными данными, как интеллектуальными (почти все окончили общеобразовательные школы без троек в аттестате), так и физическими. На последнем первенстве СССР среди старших юношей (1991) эти зареченцы заняли два первых места, два вторых и два пятых.

Система тренировок мало чем отличалась от передовых московских методик, поскольку В. В. Гритчин учился и посещал семинары передовых направлений школ дзюдо, а позднее и самбо СССР и Российской Федерации.

Можно констатировать, что основные дидактические принципы зареченской школы построены исходя из системы отечественного патриарха самбо Е. М. Чумакова («спираль Чумакова»). Особенностью методики тренеров из Заречного можно назвать относительно высокий уровень навыков мотивировать спортсмена на достижение результата. Средства мотивировки: многочасовые регулярные лекции по теории единоборств, внетренировочной деятельности, тактике самбо; способность большинства тренеров лично участвовать в тренировках, находясь в парах с воспитанниками; организация массовых мероприятий пропагандирующих самбо и образ жизни самбиста; незаурядный педагогический талант лидера тренерского коллектива; узкая специализация на значительном отрезке времени (выступления только в соревнованиях по самбо); способность руководства школы финансировать спортивную деятельность

спортсмена, «идущего на результат»; наличие достаточно комфортного специализированного помещения с двумя стандартными по размеру самбистскими коврами; наличие компактной инфраструктуры города с достаточными «зелёными насаждениями», лесом и прудами; поддержка главы города в течение 1990-х гг., заинтересованного в результатах и массовости зареченского самбо; способность лидера тренеров вести грамотную политику по отношении к власти и спортивным ведомствам; систематическое новаторское планирование учебного процесса в письменной форме, многолетнее, с микро- и макроциклами; ведение летописи и дневников спортсменов. С середины 90 гг. в учебный процесс внедряются еженедельная тренировка по акробатике и танцевальной подготовке (тренер-преподаватель Михаил Юрьевич Кондрашов).

26–28 февраля 1996 г. в г. Заречном прошло первенство европейской части России по самбо среди молодёжи (отбор на первенство Европы).

Провести такой старт в закрытом городе удалось слаженной команде спортшколы. Трудности заключались в размещении участников и оформлении документов на въезд. В игровом зале Дворца спорта состоялись поединки турнира, где впервые заявил о себе зареченец – Алексей Александрович Харитонов (трёхкратный чемпион мира среди мужчин). Он и Сергей Вячеславович Гордеев заняли первые места, отобравшись на международный старт.

С 1974 г. по настоящее время самбистами подготовлено: четыре заслуженных тренера России; один заслуженный мастер спорта России; восемь мастеров спорта международного класса; тридцать пять

Слева направо: Олег Викторович Бузин, Валерий Геннадьевич Волков, Владимир Васильевич Гритчин. Г. Пенза. 1997 г.
Фото из архива Музея спорта Пензенской области

мастеров спорта СССР и РФ; два мастера спорта РФ по рукопашному бою. Завоёвано 96 золотых медалей на первенствах, чемпионатах и кубках страны, Европы и мира[21].

Интересны факты и о формировании самоназвания школы самбо – «Русь». Тренерский совет и лидер бригады В.В. Гритчин, культивируя отечественный вид спорта, внедрили в учебно-воспитательный процесс ранжирование групп по этапам спортивной подготовки с самоназваниями самбистских коллективов. С конца 1980-х гг. в обиход школы вошли самоназвания «Тигры», «Быки» и высший ранг группы спортивного совершенствования «Русь», где собиралась группа работоспособных, мотивированных спортсменов. На куртке самбо (на спине) крупным старорусским шрифтом трафаретилось краской слово[22].

Особенность «зареченской школы»заключается в умении воспитанников школы виртуозно атаковать в борьбе лёжа (высокий показатель надёжности техники). Показательным можно считать факт из истории зареченского дзюдо, тогда смежного вида спорта для самбо в СССР. Воспитанник-дзюдока из Пензы-19 Владислав Мартынов выиграл первенство РСФСР по дзюдо среди старших юношей, одержав все победы с оценкой иппон[23], проводя удержание и получив за это приз «За лучшую технику». Призом стал огромный плюшевый медведь, для которого В.В. Гритчину пришлось покупать отдельный билет на проезд в автобусе до Пензы. Именно поколение ребят-ровесников В. Мартынова составили базу, на которой выросли затем мастеровитые, как констатировал М.Г. Бурдиков, «партеровики-зареченцы». Первый МСМК России в Заречном, двукратный победитель первенства мира среди молодёжи в весе до 90 кг А. Кобрин (г. р. 1973) очень жёстко выполнял болевой «ущемление ахиллового сухожилия» (рычаг голеностопного сустава). Первый победитель из Заречного первенства СССР М. Кузнецов (г. р. 1973) методично на соревнованиях выполнял болевой «рычаг руки». Аналогично приёмом владели мастера спорта международного класса В. Бодин (г. р. 1975) и С. Гордеев (г. р. 1977). Яркой «визитной карточкой» МСМК России, автора публикации В. Волкова (г. р. 1973), признанного лучшим спортсменом сборной России 1997–1998 гг., надолго стал болевой приём «канарейка» (ущемление икроножной мышцы через одноимённую ногу). Рычаги коленного и голеностопного суставов виртуозно выполняет ЗМС России А. Харитонов (г. р. 1978). Все эти самбисты долгие годы тренировались в тесном содружестве, выполняя тренерские установки и иногда привнося свои творческие корректировки.

Современное самбо города Заречного вместе с ветераном А. Харитоновым достойно представляли на коврах мира самбисты – виртуозы борьбы лёжа: Г. Лебедев (МСМК), В. Балыков (ЗМС России – норматив выполнен при выступлении за Свердловскую область), А. Гречишников (МСМК)[24]. Одним из талантливых спортсменов мужского самбо в современном мировом спорте является зареченец – воспитанник спортшколы «Русь» – Илья Затылкин (начальная подготовка у тренера В.В. Мялькина), который, как и Сергей Гордеев, отличается незаурядными навыками бросковой техники самбо.

В 2023 г. В.В. Гритчин и его сын И.В. Гритчин увольняются с работы в спортшколе, перейдя на организацию коммерческой организации в Пензе «Школа самбо Гритчиных СК Южный». Со слов последних, мотивом этому послужила относительная бесперспективность тренерской работы в Заречном в связи с низкой рождаемостью детей, снижением притока здоровых детей в группы самбо.

В настоящий момент СШОР «Русь» г. Заречного имеет свою спортивную базу – Дворец спорта и включает в себя: два зала

борьбы, зал бокса, игровой зал и трибуны на 458 чел., тренажерный зал, гостиницу «Союз».

Спортсмены спортивной школы регулярно показывают высокие спортивные результаты на всероссийском и международном уровне, входят в сборные области и России.

Во Дворце спорта имеется Музей спортивной славы, где собраны материал и награды всех видов спорта г. Заречного.

Основными целями создания Музея являются сохранение традиций и имён чемпионов, популяризация спорта в городе, привлечение подрастающего поколения к активным занятиям спортом.

В школе осуществляется реализация дополнительных образовательных программ спортивной подготовки и дополнительных общеразвивающих программ по самбо и боксу.

Автор статьи благодарит администрацию СШОР «Русь» г. Заречного за предоставленные архивные материалы и воспоминания.

Примечания

1. Воспоминания директора СШОР «Русь» г. Заречного И.В. Мамонтова. Рукопись. Архив музея школы.

2. Первый тренер // Заречье. 1999. № 50. С. 11.

3. Воспоминания директора МБУ ДО «СШОР “Русь”» г. Заречного И.В. Мамонтова.

4. Там же.

5. Воспоминания тренера-преподавателя Ю.А. Балыкова. Рукопись. Архив музея МБУ ДО «СШОР “Русь”» г. Заречного.

6. Воспоминания директора МБУ ДО «СШОР “Русь”» г. Заречного И.В. Мамонтова.

7. Там же.

8. Там же.

9. Заречный. История закрытого города. Пенза, 2000. С. 594–596.

10. Воспоминания директора МБУ ДО «СШОР “Русь”» г. Заречного И. В. Мамонтова.

11. Там же.

12. Воспоминания тренера-преподавателя Ю.А. Балыкова.

13. *Волков В.Г.* Некоторые особенности формирования и характеристика основных школ самбо Пензенской области // Актуальные проблемы физического воспитания, спортивной тренировки и адаптивной физической культуры: Сб. науч. статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 65-летию Института физической культуры и спорта ПГУ, Пенза, 16–17 ноября 2021 года. Пенза, 2021. С. 40–46.

14. Воспоминания тренера-преподавателя Ю.А. Балыкова.

15. Удостоверение О. В. Бузина – первого директора СДЮСШОР по самбо г. Заречного.

16. Заречный. История закрытого города… С. 594–596.

17. Ксерокопия трудовой книжки И.В. Мамонтова.

18. Воспоминания директора МБУ ДО «СШОР “Русь”» г. Заречного И. В. Мамонтова.

19. Заречный. История закрытого города… С. 594–596.

20. *Волков В.Г., Шибанов Д.В.* К вопросу о результатах пензенского мужского самбо в XX веке (научная статья) //Самбо шагает по планете: Материалы XII международной научно-практической конференции. М., 2012. С. 106–109.

21. Летопись школы самбо и дзюдо г. Пенза-19 (Заречный).

22. Там же.

23. Иппон – самая высокая оценка, которой боец может достичь в боевых искусствах, как правило, в таких как дзюдо, карате, джиу-джитсу или кендо.

24. *Волков В.Г.* Указ. соч. С. 40–46.

ТОЧКА НА КАРТЕ

А.Н. Минх

ГОРОД СЕРДОБСК (ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Дорогие друзья!

Вашему вниманию предлагается очерк историка, краеведа, этнографа, исследователя Поволжья, члена Русского географического и археологического обществ, одного из основателей (1886) и почётного председателя Саратовской учёной архивной комиссии Александра Николаевича Минха (1833–1911).

Его перу принадлежат множество научных работ по истории и этнографии Поволжья, в том числе «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии», отмеченные в 1890 г. серебряной медалью Русского географического общества.

Главным трудом жизни А.Н. Минха по праву считается «Историко-географический словарь Саратовской губернии». Первый (и единственный) том этого издания, опубликованный в 1898–1902 гг. в 4 выпусках, был посвящён географии, истории, этнографии Камышинского и Царицынского уездов. Авторская задумка предполагала дальнейшее продвижение с юга на север губернии, объединяя в тома по 2–3 смежных уезда[1]. К сожалению, большой объём работы (в том числе на проверку и систематизацию «сырой» информации из уездов) и болезнь не позволили Александру Николаевичу описать все уезды Саратовской губернии.

Работая над «Историко-географическим словарём», А.Н. Минх использовал архивные, библиографические и статистические источники, а также лично выезжал в населённые пункты Саратовской губернии: собирал информацию у представителей власти и местных жителей, осматривал и фиксировал достопримечательности, старинные вещи.

В сентябре 1897 г. Александр Николаевич посетил г. Сердобск Саратовской губернии (ныне – районный центр Пензенской области). Результатом этой поездки стал очерк «Город Сердобск (Историко-географический очерк)», завершённый 24 (12) октября 1897 г. в усадьбе в с. Полчаниновка Саратовского уезда и опубликованный в Неофициальной части Саратовских губернских ведомостей в трёх частях (№ 82–83, 84 и 85 за 1897 г.).

К сожалению, для жителей Пензенской области полный текст очерка являлся библиографической редкостью – необходимые выпуски газеты «Саратовские губернские ведомости» отсутствуют в фондах Пензенской областной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова, Государственного архива Пензенской области, в электронной версии Российской национальной библиотеки.

Труд А.Н. Минха – первая попытка комплексного описания географии, истории, городских служб, достопримечательностей и топонимов Сердобска, к тому же нацеленный на массового читателя. Сведения, полученные автором во время поездки, не потеряли актуальности и сегодня. Одновременно с этим, положения А.Н. Минха по истории основания Сердобинской Архангельской слободы (предтечи Сердобска), весчитавшиеся верными на момент изда-

ния, ныне значительно пересмотрены и уточнены современными исследователями (см. Полубояров М.С. На реке Сердобе и в иных урочищах. Саратов, 1999. С. 18–28).

Дополнительно проведён критический анализ текста, подготовлены уточнения и замечания (помещены в угловые скобки и примечания), добавлен иллюстративный материал (в оригинале отсутствуют).

Набор текста, подбор иллюстративного материала, внесение уточнений и примечаний выполнен научным сотрудником Пензенской областной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова Н.С. Ермаковым.

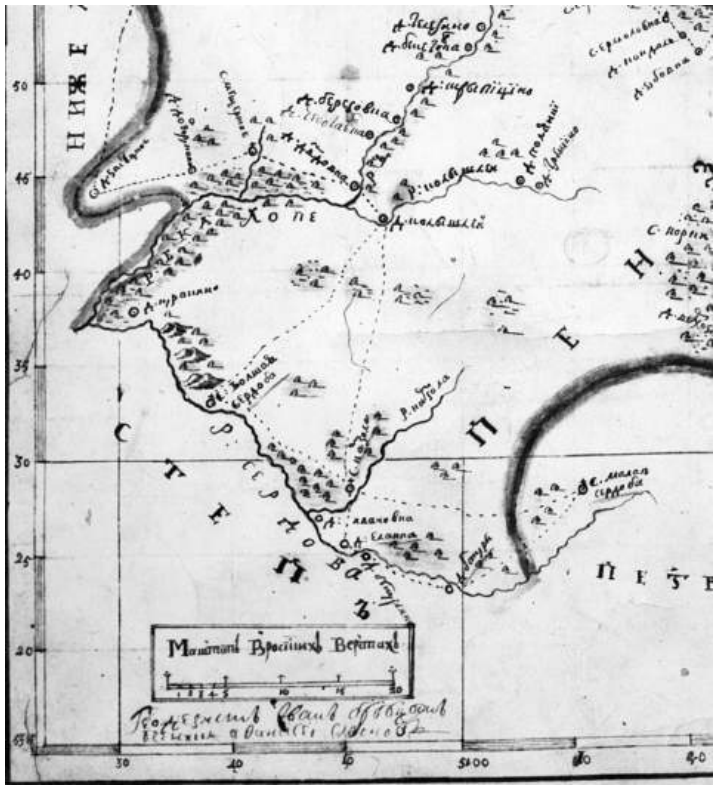
***

Сердобск – уездный город Саратовской губернии, лежит к северо-востоку от станции Ртищево Рязано-Уральской железной дороги, от которой проложен с 1895 г. рельсовый путь на Сердобск и Пензу. Между Ртищевом и Сердобском – одна станция Байка.

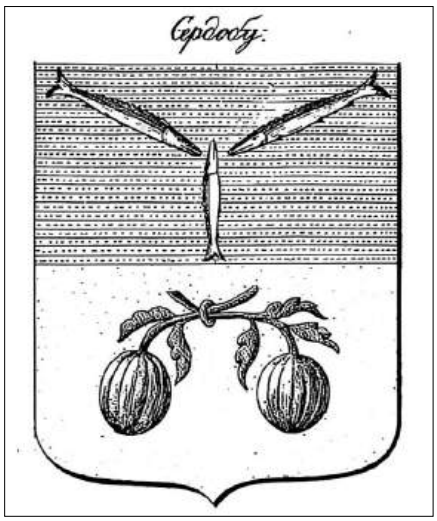
Город расположен под 52°,27' северной широты и 13°,52' восточной долготы от Пулкова[2], на правом берегу р. Сердобы, впадающей в Хопёр с левой стороны, близ с. Надеждина (Куракино тож) <ныне с. Куракино, центр сельсовета Сердобского р-на>, и давшей название городу. Против него, на левой стороне реки, расположена Сердобинская пригородная слобода бывших государственных крестьян, называемая неофициально в народе «Пахотной слободой» <ныне с. Пригородное, центр сельсовета Сердобского р-на>.

Сердобск сделан уездным городом[3] вновь открытого 3 февраля 1781 г.[4] Саратовского наместничества из бывшей слободы пахотных солдат Большой Сердобы. Уезд его представляет довольно правильный трёхугольник и занимает северо-западную часть Саратовской губернии, гранича с севера с Пензенским и Чембарским уездами (Пензенской губернии); с запада, на небольшом протяжении – Кирсановским уездом Тамбовской губернии, с юго-запада – Балашовским, с юго-востока – Аткарским и с востока – Петровскими уездами Саратовской губернии. Уезд лежит между 51°,55' и 52°,55' северной широты и между 12°,55' и 14°,37' восточной долготы от Пулкова. Почти в центре этого трёхугольника расположен г. Сердобск и самые отдалённые от него сёла отстоят не далее 60 вёрст (64 км).

По орошающим его рекам уезд принадлежит к Донской водной системе: по нему протекает с северо-востока на юго-запад р. Хопёр, берущая начало в Пензенской губернии и принимающая в себя множество речек и ручьёв, из которых в уезде наиболее важны: с левой стороны – Колышлей, Сердоба (берущая начало в Петровском уезде) <у с. Нового Назимкина, ныне Малосердобинского р-на Пензенской обл.>, с правым



С. Большая Сердоба на фрагменте ландкарты Пензенской провинции. Из фотофонда ГАПО



Герб г. Сердобска (с 1781 г.). Из ПСЗРИ

притоком Камзолою и левыми Байкою, Еланью, Елшанкою, Бакуром и Изнаир; с правой – Арчада, Пяша и Миткирей.

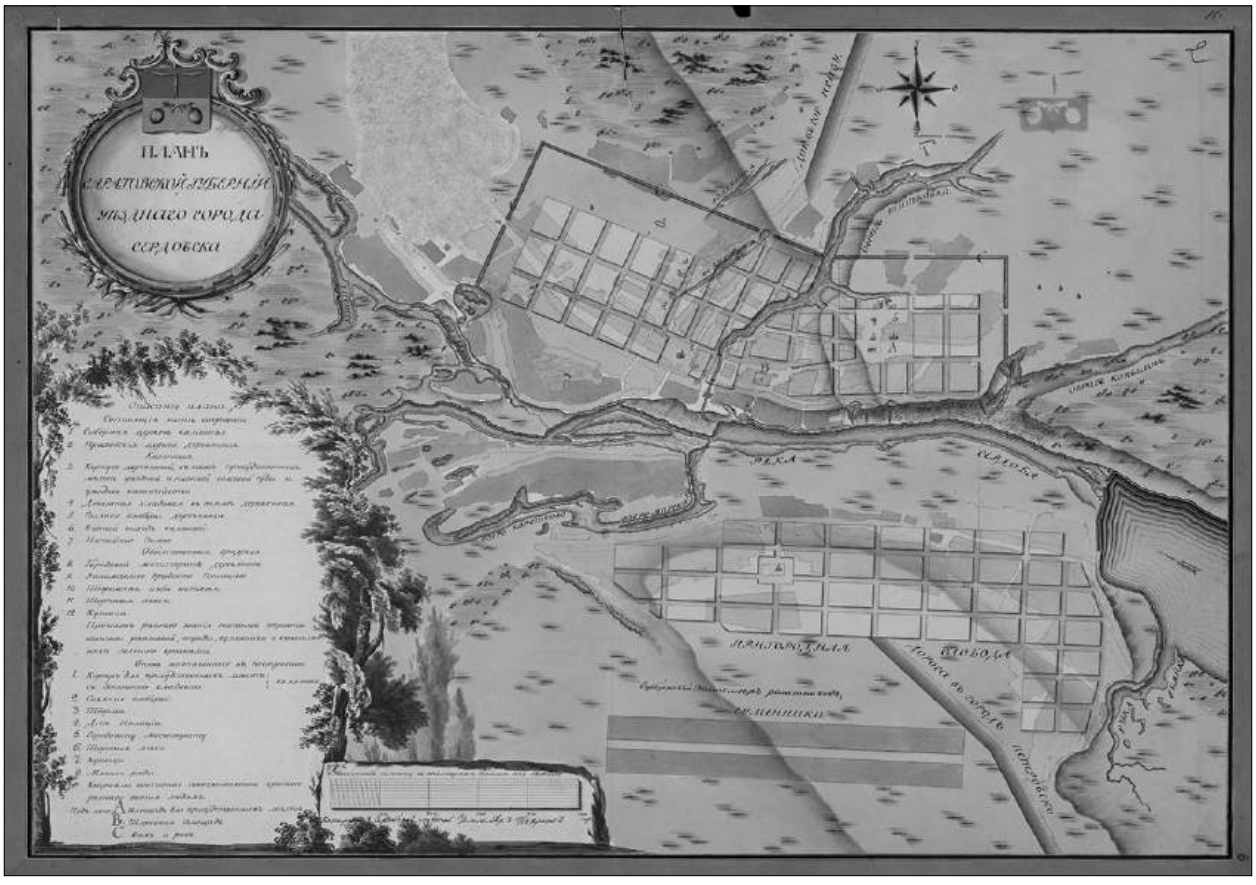
В первой половине XVII в. левая сторона Хопра нынешнего Сердобского уезда не была ещё заселена. В 1636 г. «стал город Тонбов с своими украйными (окрайными) укреплениями, а по вестям станицы посылаются из Тонбова до Хопра и Медведицы и на Дону, до казачьих городков». В 1648 г. открылись работы по постройке Симбирской черты до Инсара, и в то время «от Тонбова до Шацка и до Керенска и до Синбирска положена черта от Белгорода, от приходу воинских людей… а за чертою иных городов и крепостей нет, – просто дикая степь». Вся местность к югу от этой черты называлась Ногайской, Крымской или Степной. Около 1666 г.[5] воевода Лачинов строит Пензенский острог, у которого поселены черкесы[6] из конных казаков, пешие казаки и конные служилые люди из Шацка. Насельники начинают тогда переходить Симбирскую черту, за которой начинается сильное испомещение «служилых» людей, приходивших отовсюду и отыскивавших «порозжия земли за валом», которыми они и версталась от правительства; случалось, что целые деревни станишников, исправлявших станичную (сторожевую) службу, просили отвода новых земель, южнее занятых их поселениями, обязываясь нести на новых местах «станишную службу», в числе их были и инородцы – татары, чуваши и мордва.

После построения Пензы, с 1677 г. проведена Пензенская черта (вал) до Ломовской засеки[7], а в 1683 г. симбирский воевода Козловский проводит новую Сызранскую черту к р. Суре, с засечными крепостями[8]; сторожевые разъезды продвигаются далее на юг, между «сильною сторожею на р. Вороне» и двумя станицами на Волге (у Змеевых гор). Между тем, в XVII в. деятельно идёт наступательное движение русских промышленников с северо-западной стороны: из дел Шацкого архива видно, что уже во 2-й половине XVI в. владели по Хопру, на оброке, разные бортники и крестьяне рыбными и звериными ловлями, бобровыми гонами и также бортными лесами. На той же реке, с её притоками, с 1597 г. и в XVII столетии, по вкладным разных лиц и «по душам» (на помин) получали вотчины бортные ухожеи, бобровые вежи, козиные и лосиные станы, и рыбные ловли разные монастыри: Чернеев, Савин-Сторожевский, Троицкий и Чудов.

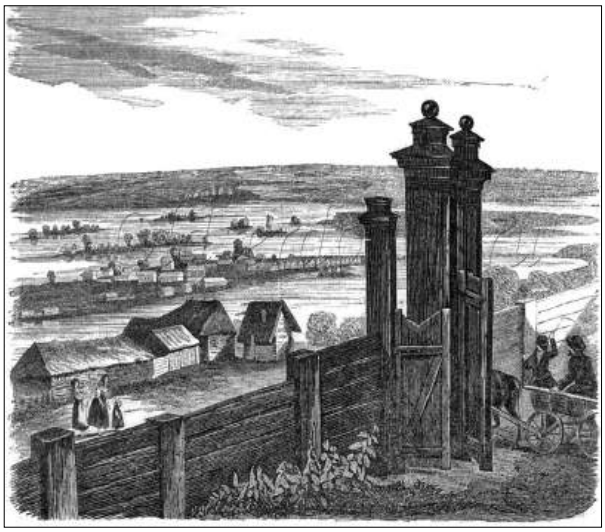
В архиве министерства юстиции есть сведения, что ещё в 1622 г. некоторые крестьяне деревень Шацкого уезда уже владели на оброке бортными ухожами, рыбными ловлями и бобровыми гонами на р. Хопёр и Медведице с их притоками. В 1680 и 1690 гг. раскольники из внутренних мест России бегут на Хопёр и Медведицу. По отписке тамбовского воеводы Нарышкина 1685 г. из «Тонбова и Тонбовских крепостей» бегут стрельцы, казаки и всяких чинов служилые люди на Хопёр, Медведицу и другие запольные речки, к ним же уходят крестьяне и бобыли из дворцовых слобод, сёл и деревень, так что край по р. Хопру и Медведице наполнился значительно людьми и завелась пашня. Большой наплыв беглецов на Хопёр, Медведицу и низовое Поволжье совершается в 1697 и 1698 гг. из Воронежа, откуда скрываются люди, чтобы избавиться от «тяготы стругового дела» (постройки морских судов при Петре I).

5 ноября <7>206 г. (1697 г.) последовал указ Петра Великого сделать меж Саратова и Пензы на р. Медведице город, «что бы впредь на украинские (окраинные) города и тех городов в уезды, села и деревни, которые поселились вновь за чертою Синбирскою и Пензою, и Ломовскою, и Шацкою, и иных городов, воинские люди не приходили и разорения никакого не чинили»; почему в 1698 г. ниже Пензенско-Сызранской черты строится на р. Медведице Петровская крепость из дубового леса, обнесённая рвом и валом; сюда переводятся люди со сторожевых линий из Пензы, Саранска, Инсара и других и записываются в пахотные солдаты, и в тоже время, по распоряжению государя, селятся вокруг крепости, с востока, юга и запада, сторожевые слободы, в которые переводят из верховых мест пахотных солдат, наделяемых от казны землёй и другими угодьями, на обязанности которых лежала сторожевая служба. Вместе с тем, в самом верховье р. Медведицы, на восток от Петровска, у Бурасского леса, строится в 1699 г. сторожевая слобода Бурасская (ныне село Старые Бурасы, Саратовского у. <ныне в Базарно-Карабулакском р-не Саратовской обл. >).

В <7>207 г. (1699 г.) приказом казанского дворца велено было Кондратию Булгаку ехать на р. Медведицу, в ново-построенный г. Петровск осмотреть «угожих крепких мест» в Пензенскую сторону, где бы можно было построить слободы, «и те места, где быть отъезжим слободам, описал». Булгак нашёл места «угожие и крепкие, где пристойно быть слободам»: в 12 вёрстах (тысячных, – по нынешней мере 24 версты) <25,6 км> от г. Петровска у р. Сердобы (ныне село Малая Сердоба Петровского уезда) – на 150 служб; второе – на 200 служб, у реки же Сердобы, между устьями речки Бакуры и Елань, Сердобы, в 23 вёрстах (тысячных) 240 саженях <49,57 км> от г. Петровска,



План по упорядочиванию застройки г. Сердобска. 1802 г.
Из фондов РГИА



Д. Карташёв. Весенний разлив Сердобы. Журнал «Иллюстрация». 1848. № 14. https://oldserdobsk.ru/index.php/1014.html

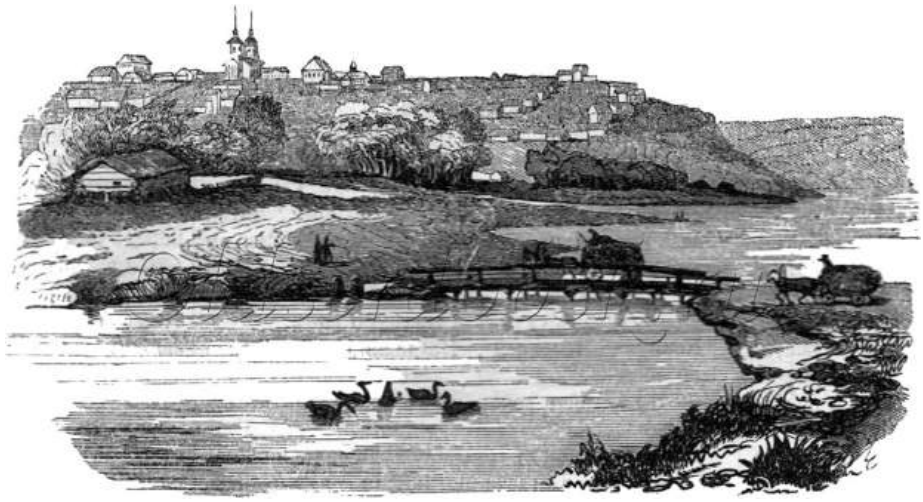
за землёю градской людей; третью слободу на 100 служб предположительно было поставить от устья речки Елань, Бакуры у речки Сердобы в 25 вёрстах 480 саж. <54,36 км> от г. Петровска; четвёртую (ныне Сердобск) на 300 служб в устье р. Казанлы (Камзалы) <р. Камзолы> и р. Сердобы в 30 вёрстах (тысячных) 540 саж. (65,16 км) от г. Петровска; пятую – в 300 служб, на правой стороне р. Медведицы, при устье речки Иткары (ныне г. Аткарск) в 25 вёрстах (тысячных) <53,34 км> от г. Петровска[9].

В следующем 1700 г. значится: «<7>208 года сентября в 20 день <20 (30) сентября 1699 г.>, по указу св. патриарха, а по челобитью Пензенского уезда новопоселённые слободы, что на реке Сердобе, сторожей пятидесятника Тимошки Гущина, положено дани с новопостроенные церкви Архангела Михаила, в той новопоселённой слободе на попа с причетники… с дворов: с попа, дьячкова, пономарева, просвирнина, с 30 дворов сторожевых, да с церковные земли, с пашни с 60 четвертей, всего 7 алт. 5 ден., заезда гривна; и те данные деньги велено имать с 1701 г.» <отсутствует упоминание даты документа – «по памяти из приказу Казанского дворца за приписью дьяка Макара Полянского, нынешнего 1700 года августа в 4 день»[10]>.

По переписным книгам Пензенского уезда за 1716–1717 г. числилось в Сердобской слободе «пришлых людей» 250 дворов, в них мужского пола 523 человек, женского – 481, в том числе значатся: солдаты (самое большое число жителей), дворцовые крестьяне, помещиковы, монастырские, посадские, церковники, ясачные. Поселенцы слободы пришли из губерний: Казанской, Воронежской, Нижегородской и Московской. По сыску 1701 г. земли по р. Камзоле Завального стана Пензенского уезда были отведены сторожам корабельных лесов села Сердобы с их крестьянами.

Д. Карташёв. Нагорная площадь в Сердобске. Журнал «Иллюстрация». 1848. № 14. https://oldserdobsk.ru/index.php/1014.html

Правая сторона р. Хопра заселилась гораздо раньше левой: по спискам А.А. Голомбиевского[11] <см. Материалы для истории колонизации Саратовской губернии[12]> значится много селений, поселённых там до переписи 1721 г. (есть селения XVII в.), в списке же левой стороны, кроме слободы пахатных солдат Большой Сердобы (в 1699 г.), в нынешнем Сердобском



Д. Карташёв. Нагорная площадь в Сердобске. Журнал «Иллюстрация». 1848. № 14. https://oldserdobsk.ru/index.php/1014.html

уезде показаны поселившимися до переписи 1721 г. село Сергиевское-Песчанка (Серг. Григ. Урусова, Дивова и Бабынина, переведенцами из уездов Арзамасского, Владимирского, Муромского, Нижнеломовского, Московского, Ростовского, Суздальского, Шацкого и проч.), сельцо Богоявленское-Дубасово и сельцо Рождественское-Камзала. Читая перечни засельщиков Сердобского уезда, можно прийти к убеждению, что почти вся Россия участвовала в заселении этой русской окраины начала XVIII в.

В августе 1717 г. последовал опустошительный набег на эту окраину кубанских и азовских татар с ханом Бахты-Гиреем и казаком Игнашкой Некрасовым. А.Ф. Леопольдов[13] говорит, что слобода Большая Сердоба была окружена валом для защиты от кубанцев и других хищников, от которых жителям приходилось отбиваться ружьями, дротиками, кольями, вилами. Он передаёт следующее предание: «В 1717 г. подступил к слободе отряд кубанцев, жители скрылись за валом, а татары стали держать село в осаде, разъезжая вокруг него толпами. В слободе был один человек отчаянной храбрости, большого роста, крепкий, сильный и страшный по виду: на лихом коне, совершенно нагой, с одной только нагайкой, в конце которой был вплетён медный шар с куриное яйцо, бросился он в толпу татар и пошёл косить направо и налево; иных жестоко ранил, а других убивал до смерти. Вид этого богатыря навёл такой ужас на татар, что они бежали, воображая, что вся толпа сердобинцев, скакавших за ним, состоит из таких же молодцев».

Посетив Сердобск в сентябре 1897 г., я не нашёл в нынешнем городе никаких признаков рвов и валов, защищавших Сердобинскую сторожевую слободу. Лишь городской извозчик Василий Ишин, коренной житель Сердобска, передал мне рассказ своего отца, сердобского старожила, 90-летнего, ныне умершего, о существовании крепости в 3-х вёрстах от города, в местности, называемой Зубринка, которая существует с незапамятного времени, впоследствии же обращена в стрельбище солдат: вёрстах в 3-х от города, проехав кладбище и переехав железную дорогу на Пензу, у самого полотна её, на левом берегу Крутого оврага, покрытого с обоих сторон ныне вырубленным лесом, впадающим вёрстах в 2-х ниже с правой стороны в р. Сердобу, находится земляной старый бастион: ров и вал, обращённые фасом на северо-запад к Крутому оврагу. В народе эта насыпь носит название крепости.

По уверению Ишина, боковые стороны существовали и раньше, но впоследствии оправлены хворостом (ещё не сгнившим) и подсыпаны землёю солдатами, когда этот вал был обращён в стрельбище. Средняя насыпь и ров несомненно старые, но определить назначение этого земляного укрепления трудно; некоторые из сердобских

жителей не признают значение этого вала как укрепления на том основании, что он не господствует над местностью и перед ним поднимается выше его лесистый берег оврага; утверждают, что этот вал давно уже служит стрельбищем солдат. Длина всего вала 13½ саж. <28,8 м> (мерено шагами); глубина рва, в настоящее время, на глаз около 1½ арш. <1,0668 м> он от времени засыпался. К северо-востоку от вала есть несколько небольших курганов в пашне.

Член Императорских географического и археологического обществ А.Н. Минх.

(Продолжение будет)[14].

Примечания

1. Выбор этой отправной точки А.Н. Минх обосновывал несколькими факторами: южные территории исстари страдали от набегов как с востока на запад («азиатских народов»), так и с запада на восток (лихих людей – «Стеньки Разина»), «здесь же существовала известная переволока», по которой совершались набеги с левого берега Волги на русские пределы. Важным критерием стала история г. Царицына (ныне – Волгоград), «первого сторожа Поволжья»: в начале – от внешних врагов, а позже, после потери военно-стратегического назначения, в санитарном отношении – от чумы и холеры. См. От автора // *Минх А.Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Саратов, 1901. Т. 1. Вып. 3. Б. н.

2. В России XIX в. счёт долгот производился от меридиана Пулковской обсерватории, построенной по указу Николая I в 1839 г. Пулковский меридиан расположен в 30°19,7′ к востоку от Гринвичского меридиана.

3. «Устроен» как уездный г. Сердоб (Сердобск) из с. Большой Сердобы Завального стана Пензенского уезда по именному указу Екатерины II от 18 (7) ноября 1780 г. об учреждении Саратовского наместничества. 3 сентября (23 августа) 1781 г. новому городу пожалован герб: «две дыни в золотом поле, означающие изобилие сего города таковыми плодами».

4. Торжества по случаю открытия Саратовского наместничества проходили с 3 (14) февраля 1781 г. 9 (20) февраля прошла присяга должностных лиц и устроен фейерверк. Эти дни были особенно отмечены колокольным звоном в Саратове. Всего в мемуарах саратовского священника Г.И. Скопина упоминаются торжества, проходившие 3, 7, 9, 10 и 11 февраля (по ст. стилю). См. *Майорова А.С.* Открытие Саратовской губернии в 1781 году и последствия этого события для губернского города // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История: Международные отношения. 2007. № 1. С. 14–15. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/otkrytie-saratovskoy-gubernii-v-1781-godu-i-posledstviya-etogo-sobytiya-dlya-gubernskogo-goroda (дата обращения: 10.01.2025).

5. До начала 1960-х гг. основание крепости Пензы относили к 1666 г. В 1964 г. обнаружен более ранний документ, датирующийся 1663 г. Руководителем строительных работ был Ю.Е. Котранский, а Е.П. Лачинов стал первым пензенским воеводой. См. *Первушкин В.И.* Основание и история города Пензы в XVII в. // История Пензенского края. 2022. Т. 1. С. 305.

6. Типографская ошибка в газете, правильно – черкасы. См. *Минх А.Н.* Исторический очерк начала заселения Саратовского уезда // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1890. Т. 2. Вып. 1. С. 262.

7. «Пензенская черта была возведена в 1676–1680 гг. и проходила по линии: о. Долгое у р. Суры – крепость Пенза – Рамзаевский острог (сейчас с. Рамзай) – крепость Мокшанск (Мокшан) – Мокшанский лес. Помимо полевых укреплений (валов, рвов, городков, сторожевых башен), сохранившихся до настоящего времени, у населённых пунктов Мокшан, Рамзай и Пяша были и лесные – засеки в Мокшанском лесу, к западу и юго-востоку от крепости Пен-

зы». Цит. по: *Лебедева Л.В.* Строительство засечных черт Пензенского края в XVI–XVII вв. // История Пензенского края. Пенза, 2022. Т. 1. С. 278.

8. Термин «Сызранская черта» был введён в XIX в., но в реальности она никогда не существовала. Пензенским историком и краеведом В.И. Лебедевым на основании архивных и полевых исследований 1950–1980-х гг. было установлено, что по позднему указу строительство черты было полностью остановлено. См. *Лебедева Л.В.* Указ. соч. С. 278–279.

9. Примечание А.Н. Минха: Труды Саратовской учёной архивной комиссии. 1890. Т. 2. Вып. 2. С. 284.

10. *Полубояров М.С.* На реке Сердобе и в иных урочищах. Саратов, 1999. С. 27.

11. Александр Александрович Гоздава-Голомбиевский (1863–1913) – российский историк, архивист, специалист по истории России XVIII в. Автор трудов по истории Саратова и Саратовской губернии.

12. *Голомбиевский А.А.* Материалы для истории колонизации Саратовской губернии // Труды Саратовской учёной архивной комиссии. 1890. Т. 3. Вып. 1. С. 13–26; Он же. Материалы для истории колонизации Саратовской губернии (продолжение) // Труды Саратовской учёной архивной комиссии. 1891. Т. 3. Вып. 2. С. 1–16.

13. Примечание А.Н. Минха: Очерк Саратовского края. 1848 г.

14. *Минх А.Н.* Город Сердобск (Историко-географический очерк) // Саратовские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1897. № 82 и 83. 26 октября. С. 4–5.

С.А. Кишинская

ИСТОРИЯ СЕЛА ПОСЁЛКИ

У каждого из нас есть то, что он тепло называет малой родиной. И неважно, где она расположена. Каждый её считает особенной. Попробую и я рассказать о своей – о с. Посёлки Кузнецкого района Пензенской области. Никогда не задумывалась о его особенностях. Хотя, нет. Одна из заметных особенностей – это говор – «оканье» – никто из жителей соседних населённых пунктов так не говорил: «пОеду», «пОшёл», с частицами: «чай», «чо». Но особенный говор – это отдельная, ещё не исследованная страница истории села. О ней – в другой раз. А сейчас…

История его начинается в 1762 г., 63 года спустя после возникновения с. Труево-Нарышкино (Воскресенское), получившего статус города с названием Кузнецк в 1780 г. На так называемые отруба были выселены первые 186 крепостных душ в 1719–1723 гг. из с. Рождественского, Пелетьма (ныне Посопная Пелетьма Лунинского района)[1]. В подавляющем большинстве переселенцев были крестьяне и ремесленники с характером непокладистым и буйным, склонные к воровству и хулиганству, в их числе были и настоящие преступники. Это переселение было своеобразным наказанием для самих изгоев и одновременно очищало от них общество с. Нарышкино.

В сборнике «Весь Кузнецк» приводятся подробности образования выселок: «Посреди площади, где в настоящее время находится железнодорожный вокзал, ставился эшафот. Он был разборный и возвышался над землёй на пять ступеней. Осуждённых за поджоги, грабежи, убийства и другие тяжёлые поступки привозили на специальной телеге, клали на кобылу (так называли колоду), руки привязывали, а ноги вытяги-

вали. Наказание было разделено по статьям: 10, 15, 20 ударов плетью. Начальники зачитывали, какое наказание присуждено обвиняемому, и палач начинал бить. Наказуемые кричали так, что невозможно было слушать без слёз. Иногда засекали до смерти.

После наказания клали клеймо на щеках, на лбу и натирали порохом, чтобы по заживлению буквы были видны яснее. Головы стригли только наполовину – со лба до затылка»[2].

Многих наказанных вместе со своими семьями высылали за пределы Труёво-Нарышкина, но в прочно обоснованные сёла вход и въезд им был запрещён. Так появились поселяне, которых выдворили из Труёво-Нарышкина и не пустили в зажиточное село Никольское. Название поселению никто не давал – так и появились Посёлки[3].

Земли, на которых расположилось село, ещё в начале XVIII в. были пожалованы сыновьям Льва Кирилловича Нарышкина, любимого дяди Петра I, Александру (1694–1745) и Ивану (1700–1734) Львовичам Нарышкиным.

В 1795 г. владение насчитывало 210 дворов. После Нарышкиных селом владела дочь Льва Александровича (правнучка Льва Кирилловича) Софья (1829–1894), в замужестве – графиня Шувалова. Софья Львовна с семьей проживала в столице, а посельским имением, практически не приносившим доходов, управлял Егор Фёдорович Барковский.

Графиня очень быстро потеряла к посельскому имению интерес и в начале XIX в. отозвала и управляющего. С тех пор посельчане были предоставлены самим себе и жили, по их собственному выражению, «обчеством». Именно поэтому из поколения в поколение передается убеждение, что на посельской земле помещиков никогда не было, что здесь всегда была вольница.

Церковь Дмитрия Солунского.
Фото из открытых интернет-источников

После отмены крепостного права в селе стала развиваться торговля, возникло купечество, шло быстрое расслоение крестьянства. Рядом с массой нищих и безлошадных возник слой зажиточных крестьян, которые занимались перевозом: в Кузнецк приезжали купцы из разных городов, а посельчане перевозили этот товар дальше в Петровск, Саратов, Уральск, либо предлагали свою продукцию: кожи, лопаты, верёвки. Власть на селе принадлежала Булыжихе (так звали барыню Груню), дом которой стоял на горе. Старшиной на селе был Григорий Тюрин, урядником – Тимофей Козлов, старостой – Иван Давыдов[4].

Люди пряли, ткали, выделывали кожи – вели натуральное хозяйство.

Вероятно, носили праздничную одежду красного цвета: рубахи, сарафаны.

Самая распространённая в селе фамилия – Маренниковы. «Маренник» в словаре В.И. Даля – красный холщёвый сарафан. Красную краску получали из растения марены, произрастающей в средней полосе.

В селе построена деревянная церковь во имя святого Дмитрия Солунского. Поэтому второе название села – Дмитриевское (по названию прихода).

Послеоктябрьские события 1917 г. дали старт новой странице истории. К сожалению, сохранилось мало свидетельств о жизни села в первые годы советской власти. Однако известно, что IV уездным съездом Советов крестьянских депутатов 6 января 1918 г. в Кузнецком районе была провозглашена Советская власть. Первым председателем посельского сельсовета был Иван Егорович Козлов. 11 июня 1918 г. ВЦИК Советов принял декрет «Об организации деревенской бедноты и снабжением её хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями». Вслед за этим декретом июльским вечером 1918 г. в Посёлки был направлен рабочий из Кузнецка Михаил Петрович Сметанкин для организации и избрания Посельского комитета бедноты. На общем собрании председателем комитета бедноты был избран Павел Фёдорович Уткин, секретарём – Григорий Васильевич Денисов, членами – Алексей Кортунов, моряк Балтийского флота, Иван Маренников, рабочий железной дороги, Фёдор Алексеевич Сызранцев.

В 1926 г. в селе появился первый радиоприёмник. Открыли избу-читальню, которую летом использовали как детский сад.

Коллективизация в Посёлках началась в 1929 г. Первое коллективное хозяйство – сельхозартель «Громок», в которую вошли 12 самых бедных семей. Председателем артели был Михаил Тимофеевич Семиков. 50 членов артели обрабатывали шестью лошадьми 60 га земли. Были в наличии плуги и сохи. В первый год урожай получился очень хорошим. Жители села увидели большую выгоду коллективного хозяйства, и в 1930 г. почти все семьи вступили в колхоз. Были построены две мельницы, свинарники, овчарни, коровники.

Такой большой артелью было очень трудно управлять. Поэтому в 1930 г. произошло разделение сельхозартели на три колхоза: первый – им. Красной армии (председатель – Иван Иванович Лобанов), второй – «13-й Октябрь» (Михаил Гаврилович Маренников), третий – «Артель» (Ефим

Главная улица села – улица Ленина

Яковлевич Мартынов). В 1931 г. произошло объединение колхозов в одно хозяйство «Объединение», во главе которого был двадцатипятитысячник Тимофей Матвеевич Рожков, сумевший улучшить оплату труда колхозников. Первый трактор «Фордзон» прибыл в колхоз в 1931 г., первые борозды на котором прокладывали Александр Николаевич Мартынов, Алексей Иванович Баженов, Василий Михайлович Маренников, Михаил Васильевич Семигодов. В 1934 г. вновь произошло деление на два колхоза: им. Чкалова и им. Калинина. В этом же году прибыли ещё два трактора марки СТЗ, сеялки и культиваторы. В каждом колхозе было по две тыс. га земли.

В 1935–1936 гг. наша страна стала направлять в колхозы более мощные тракторы, чем СТЗ. Это были С-60 и С-65, много сеялок, плугов и культиваторов, комбайны «Коммунар» и «Сталинец». Для досуга сельчан построили клуб с библиотекой.

В годы Великой Отечественной войны вся тяжесть ведения сельского хозяйства легла на плечи женщин, стариков и детей. Жители нашего села самоотверженно трудились для обеспечения фронта продуктами и предметами одежды.

В 1960 г. село вошло в состав совхоза «Трудовой путь», образованного в 1919 г. на землях в северо-западной части города с целью обеспечения городского населения сельхозпродуктами, контора которого была построена в г. Кузнецке. Совхоз располагал и землями, примыкавшими к сёлам Посёлки, Каменка, Сухановка, Алексеевка, Пионер. Управляющим посельского отделения совхоза с 1961 по 1968 г. был Владимир Павлович Цирулёв, получивший звание Героя Социалистического Труда.

В 1969 г. совхоз «Трудовой путь» был разделён на два хозяйства: «Пригородный» и «Трудовой путь», центральная усадьба последнего переместилась в с. Посёлки. В отделившийся совхоз вошли земли с. Благодатка и с. Траханиотово. Директором совхоза «Трудовой путь» с 1969 по 1971 г. был А.М. Шлейников, с 1971 по 1975 г. – Виктор Александрович Калин, дважды награждённый орденом «Знак Почёта». В совхозе наблюдался рост трудовых показателей – построены контора, мастерские совхоза, гараж, первоклассные птичники, первый в районе кормоцех, столовая, 16-квартирный дом, двухквартирные дома.

С 1975 по 1978 г. директор совхоза – В.А. Сидоров. В это время построен детский сад на 120 мест, новая школа на 784 места, бригадный дом, новая пилорама. Если после войны во всей Кузнецкой МТС было 387 тракторов, 23 комбайна, 6 автомашин, то в 1970-х гг: тракторов – 57, автомашин – 58, плугов – 36, культиваторов – 33, сенокосилок – 40, сеялок – 36, жаток – 15, картофелекопалок и сажалок – 8, дождевальных установок – 7.

В настоящее время на территории бывшего совхоза функционирует несколько предприятий: ЗАО «Благодатское», ИП «Калмыков», ООО «Прогресс», кафе «Молодёжное».

Население бережно хранит память об истории родного села. В школьном музее собраны предметы быта, которыми односельчане пользовались в разное время; денежные знаки, атрибуты советского времени, а также материал о наших умельцах-односельчанах.

Примечания

1. Электронный ресурс. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Посёлки_(Пензенская_область).

2. Весь Кузнецк. Издание Кузнецкого кружка краеведения. Кузнецк, 1927. С. 18.

3. Краеведческий материал заведующей отделом обслуживания МБУК «МЦРБ» Е.Н. Антоновой, учителей Посельской средней школы Н.И. Журавлевой, М.А. Котовой.

4. Весь Кузнецк… С. 18.

Здравствуйте, я ваш экскурсовод

Н.В. Прокофьева

К ТАМАЛИНСКОМУ ОРЛУ

А вы знаете, что орёл в гербе Тамалинского района – символ степных просторов и символ победы, что с тамалинским краем связаны сразу два Крылова? А что р. Тамала означает речка дубовая, потому что?.. Ну, об этом вы узнаете на нашей экскурсии.

Представляем вам новый экскурсионный маршрут по Тамалинскому району. Что вы увидите и услышите? Чем мы вас удивим?

Тамалинский район – один из отдаленных от областного центра (147 км), это наш «затерянный юг», как называют острословы. У вас будет возможность побывать на границе Пензенской, Тамбовской и Саратовской областей. И хотя добираться из Пензы более двух часов, но и программу для туристов мы подготовили на 5–6 часов. Туристский проект ориентирован на молодёжь, семьи с детьми и всех, кто интересуется историей родного края.

Экскурсионный тур «К тамалинскому орлу» – это путешествие по трём населённым пунктам, в ходе которого участники посе-

Памятник участникам СВО в Тамале

В программе тура – мастер-класс

тят самые главные и яркие достопримечательности района, важные для понимания вклада земляков в историю России и Великую Победу.

Начнём со знакомства с с. Григорьевка, где экскурсанты посетят музей советской эпохи. Чем он интересен? Для школьников – это погружение в мир незнакомых предметов, где они под руководством экскурсовода сами будут искать ответы на вопросы об истории, роли материальных ценностей народа. Для взрослых экскурсантов музей подарит встречу с миром детства, воспоминания о родителях, бабушках и дедушках.

Например, увидите предмет, о котором говорят: «Старуха, дура набитая, но золотой набалдашник даёт ей право задирать нос с обеих сторон». Чем набита? Зачем задирает нос с обеих сторон? Нам предстоит найти в музее этот старинный предмет, которым мы перестали пользоваться, потому что перешли на шариковые ручки. И ещё много интересного из прошлой эпохи увидим мы в витринах музея.

В гербе р. п. Тамала не случайно изображена девушка в национальном костюме с караваем в руках – символом гостеприимства. В фермерской столовой путешественников ждёт интересное знакомство с местными традициями питания и русский обед из экологически чистых продуктов местного производства.

Подкрепившись, мы с вами включимся в необычную работу! Нас ждёт особенный мастер-класс: вы узнаете рецепт и технологию приготовления сухих супов, которые используют для поддержания сил военнослужащих. Участники смогут сами упаковать пакетированные блюда, предназначенные для передачи бойцам, участвующим в специальной военной операции. Дополнительно можно вложить в пакетик личное письмо или открытку, которые станут приятным сюрпризом и поддержкой для защитников.

Следующая точка путешествия – с. Вишнёвое, родина Маршала Советского Союза Николая Ивановича Крылова.

Когда мы говорим «Крылов», то первое, что приходит на ум: великий русский баснописец – его имя знают все с детских лет. Кстати, его биография связана с тамалинским с. Зубрилово, где в XVIII столетии в имении князей Голицыных гостил моло-

дой в ту пору журналист Иван Андреевич Крылов, приглашенный в качестве домашнего секретаря и воспитателя в усадьбу Голицыных.

Но вот пришла пора узнать ещё одного Крылова. Героем нашего путешествия будет Маршал, дважды Герой Советского Союза, настоящий орёл-воин Николай Крылов! Вас ждет захватывающая история жизни, подвига и великого труда. Мы узнаем, как крестьянский сын стал Главнокомандующим ракетных войск, что такое ракетные войска и какой вклад в их создание внёс наш земляк.

В с. Вишнёвое экскурсанты погрузятся в атмосферу, окружавшую детство известного маршала, увидят сохранившийся отчий родительский дом Крыловых, побывают около бюста выдающегося военачальника, узнают где и как увековечена память о маршале в нашей стране. В местном историко-краеведческом музее им. Н.И. Крылова участники тура посетят музейную комнату, посвящённую великому полководцу, и увидят личные вещи, редкие экспонаты, которых нет даже в центральных музеях. Вас ждёт прекрасная возможность принять участие в беседе, чтобы понять, в чём уникальность личности из русской деревни, в чём секрет стойкости характера.

Финальная часть экскурсионной программы пройдет в р. п. Тамала. Вас ждет экскурсия «Тамала – любовь моя!» Погуляем по уютным улочкам рабочего посёлка, где в центре располагается мемориальный комплекс в память о войнах-тамалинцах, не вернувшихся с полей брани Великой Отечественной войны. На Аллее Героев увидим памятник молодой девушке, узнаем, как тамалинская школьница Марина стала первым Героем России в наши дни.

Заключительным аккордом экскурсии станет посещение местного творческого центра – Коворинг-студии, где гости примут участие в мастер-классе по изготовлению окопных свечей – символа света и надежды в трудные времена.

Впечатлений на целый день! Выбирайте наш маршрут, чтобы знать историю страны.

Получить дополнительную информацию можно, обратившись в туристско-информационный центр (ТИЦ) Тамалинского района, а также к автору экскурсионного тура и автора статьи экскурсоводу – Нинель Прокофьевой (тел.: +7 909 317 13 93).

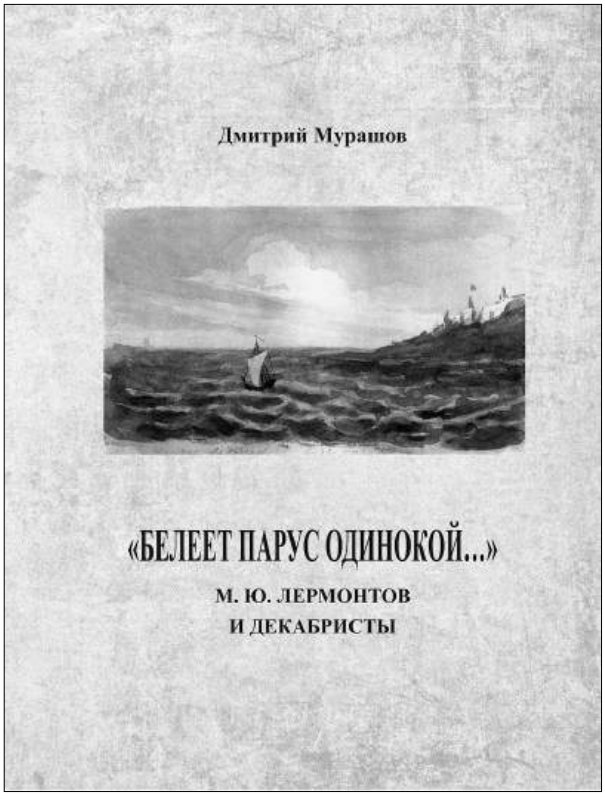
Бюст маршалу Н.И. Крылову. Фото из личного архива Ю.С. Лубошниковой

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

Н.С. Ермаков

О М.Ю. ЛЕРМОНТОВЕ И ДЕКАБРИСТАХ

Исследователи не раз обращались к теме взаимоотношений М.Ю. Лермонтова и декабристы, но отдельного монографического исследования до сих пор не было. Накануне 200-летнего юбилея со дня восстания на Сенатской площади такое появилось. Это книга историка и краеведа Д.Ю. Мурашова «“Белеет парус одинокой…”: М.Ю. Лермонтов и декабристы». Презентация книги прошла в селе Лермонтово Белинского района 17 октября, в рамках проводимого Пензенской областной библиотекой имени М.Ю. Лермонтова Межрегионального форума библиотек, носящих имя нашего великого поэта-земляка.



Дмитрий Мурашов, кандидат исторических наук и учёный секретарь Лермонтовской библиотеки Пензы, известен как декабристовед и лермонтовед. В 2015 г. он выпустил книгу «Декабристы-пензяки: спорно о бесспорном», в которой, дискутируя с А.Ф. Дергачёвым, автором первой книги о декабристах- пензенцах, предложил свой ответ на вопрос, кто из них входит в их число. В различных научных изданиях Пензы, Москвы и Санкт-Петербурга печатаются исследования Мурашова о М.Ю. Лермонтове. Одно из них в 2016 г. открыло нам книгу французского писателя Шатобриана, в которой сохранились пометки Михаила Лермонтова, хранящейся в пензенской библиотеке его имени.

Книга «Белеет парус одинокой…», как и «Декабристы-пензяки», вызовет споры. Уж очень непривычным для современного дня предстанет Лермонтов с её страниц. Таким Лермонтов был, скорее всего, в советском лермонтоведении. Но причин для отказа от его «базовых настроек» в отношении поэта автор не видит. Д.Ю. Мурашов считает, что Лермонтов был идейным «наследником, но не эпигоном» декабристов и аргументировано это доказывает.

В работе подробно прослежен путь великого поэта в восприятии идей декабристов. В Тарханах, где поэт впервые услышал о восстании, они были для него, как и для большинства жителей империи, преступниками, посягнувшими на самодержавные устои государства, а в Москве, в период студенчества, он узнал о них зна-

чительно больше, приобщившись к «легенде о декабристах». И они, как и для Евдокии Ростопчиной, стали для него «заступниками свободы», «изгнанниками за правду и закон». В поэме «Последний сын вольности» (1831) Михаил Лермонтов назвал декабристов «отчизны верные сыны».

Необычно, не так, как в школьных учебниках, трактует Д.Ю. Мурашов понимание свободы декабристами и поэтом, показывая зависимость её толкований от исторической обстановки, в которой довелось им жить. Хотя при всём этом Лермонтов для него, как и А.С. Пушкин, друг декабристов, «поэт империи и свободы».

В исследовании подробно рассказывается о встречах М.Ю. Лермонтова с декабристами. Они случились на Кавказе. С двумя декабристами – Александром Одоевским и Владимиром Лихарёвым поэт дружил.

Как показывает Дмитрий Мурашов, знаменитая лермонтовская «Дума» – это плод общения Лермонтова с Одоевским, а не менее известное «Завещание» (в этом автор присоединяется к лермонтоведу Нахапетову) – художественное воплощение биографии Лихарёва. Интересно выглядят и отмечаемые Д.Ю. Мурашовым параллели в творчестве поэта М.Ю. Лермонтова и декабриста А.А. Бестужева-Марлинского.

Написанная лёгким языком, но на основательном научном фундаменте, книга «“Белеет парус одинокой…”: М.Ю. Лермонтов и декабристы» привлечёт внимание всех, кто хочет лучше знать жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова и эпоху, в которую поэт жил.

Участники презентации книги Д.Ю. Мурашова «“Белеет парус одинокой…”: М.Ю. Лермонтов и декабристы»

Сведения об авторах

Бурякова Екатерина Александровна – краевед, г. Пенза.

Вержбовский Андрей Владимирович – главный методист ГБУ «Государственный архив Пензенской области».

Винничек Карина Михайловна – к. и. н., заместитель директора Пензенского государственного краеведческого музея.

Волков Валерий Геннадьевич – к. и. н., профессор ПГУ, мастер спорта России международного класса, г. Заречный.

Голяс Владимир Константинович – краевед, мастер спорта России международного класса по легкой атлетике, участник Олимпийских игр в Барселоне (1992) и Атланте (1996), г. Заречный.

Ермаков Николай Сергеевич – заведующий отделом краеведения ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова».

Жаринова Елена Евгеньевна – краевед, г. Пенза.

Захаров Вадим Михайлович – к. и. н, автор многочисленных книг и статей по истории и краеведению, г. Саратов.

Ильичёва Алина Михайловна – главный хранитель отдела фондов ГБУК «Пензенский государственный краеведческий музей».

Кишинская Светлана Анатольевна – научный сотрудник центра историко-культурного наследия ГАОУ ДПО ИРР ПО.

Королёв Александр Петрович – хранитель музейных предметов ГБУК «Пензенский государственный краеведческий музей».

Котин Николай Николаевич – краевед, Пензенская область.

Мурашов Дмитрий Юрьевич – к. и. н., учёный секретарь ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова».

Прокофьева Нинель Владимировна – главный специалист Отдела образования Тамалинского района Пензенской области.

Руднева Любовь Михайловна – научный сотрудник Государственного музея-усадьбы В.Г. Белинского (г. Белинский, Пензенская область).

Соболь Ариэль Станиславович – заведующий отделом археологических исследований ГБУК «Пензенский государственный краеведческий музей».

Корректор и вёрстка, дизайн обложки – И.Ю. Харчева

К сведению авторов
С требованиями к оформлению статей для журнала
вы можете ознакомиться на сайте
Региональной общественной организации краеведов Пензенской области:
www.kraeved-pnz.ru

Подписано к печати 24.10.2025. Формат 60x84/8.
Бумага писчая белая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 9,3. Тираж 500 экз. Заказ № 803.
Отпечатано с готового оригинал-макета в АО «Областной издательский центр»: 440600, г. Пенза, Кирова, 65.